

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

ПРОТОКОЛЫ ВТОРОГО С'ЕЗДА Р.С.Д.Р.П.

„ПРИБОЙ“
РАБОЧЕЕ ИЗД. 1924. ЛЕНИНГРАД

И. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ

ОТ КРУЖКОВЩИНЫ К ПАРТИИ

(период старой «Искры»)

От кружковщины к партии

(Период старой «Искры»)

Предварительное замечание

2-й съезд Р. С. Д. Р. П. (1903 г.) был подлинным детищем старой «Искры». Почти три года ее работы, ее непрерывной, упорной, бьющей в одну точку пропаганды, имевшей целью «укрепить ослабевшую связь между русским рабочим движением и русской социал-демократией, как передовым борцом за политическую свободу», привели партию вплотную ко 2-му съезду. Это были три года неустанной борьбы мозга нашей партии на фронтах как «внешних» (с самодержавием, с реакционной половиной освобожденного лица¹, с наивреднейшими сторонами народничества), так и «внутренних» (с «экономизмом», с бундовским уклоном в сторону национализма и т. д.); это были три года усерднейшей поддержки «Искрою» всякого рода и вида оппозиционных выступлений демократии против хватавшего всех за горло старорежимного полицейского государства; это были три года самого внимательного отношения со стороны естественно выдвинувшегося идеологического центра партии не только к большим, но и к самым маленьким фактам рабочего движения, причем старая «Искра» не упускала ни одного удобного случая, чтобы стихийность этого массового движения поставить под знак сознательно-классовой политической борьбы пролетариата с ближайшими препятствиями, стоящими на пути его к социализму; наконец, это были три года кипучей энергии, которую успела развить искровская группа в деле организационного сплочения всех разрозненных кусочков кружковой социал-демократической работы — в интересах приведения партии к состоянию близкого организационного единства.

Не зная, что представляла из себя старая «Искра» и какую работу, в какой обстановке, с какими результатами она

¹ Орган либералов «Освобождение» имел свою шуйцу и десницу. Правое крыло освобожденцев представило впоследствии основное ядро кадетов.

проделала, неподготовленный читатель рискует плохо разобраться в деталях и той картины, которую отображают воспроизводимые здесь «Протоколы 2-го съезда».

Поэтому мы и предпосылаем «Протоколам» настоящий очерк, набросанный без претензий на признание в нем новизны и свежести содержания (в основу его легли, главным образом, данные, почерпнутые из старой «Искры», из «Зари» и из других нелегальных изданий того времени; из архивных же материалов использовано кое-что лишь в главе V),— предпосылаем в расчете на то, что этот очерк, быть может, сыграет свою полезную роль для ориентировки нашего читателя из рабочей молодежи в вопросах партийной жизни и партийного строительства в тот отдаленный период, который был прологом великих революционных событий 1905—1906 годов.

I. Экономическое положение России в начале XX века

Промышленный подъем в конце 90-х годов прошлого столетия, вызванный приливом в Россию европейских капиталов, которые потянулись в новую, только что свободно развернувшуюся для капиталистического процветания страну, уже в начале 900-х годов сменился жестоким кризисом. В первый же год упадка промышленного оживления коммерческие банки в столицах и провинции стали терпеть многомиллионные убытки (например, петербургские банки потерпели убытков более, чем на 20 миллионов рублей, Харьковский Торговый банк около 5 миллионов и т. д.).

Для характеристики кризисного состояния промышленности, с его наиболее острым моментом в 1902 г., приведем нижеследующие цифры:¹

Г О Д Ы.	Вылавка чугуна.	Произведено готовых про- дуктов желе- зодол. пром.	Добыто кам. угля в южн. районе.	Добыча нефти.	Количество новых акцizin. предприя- тий (с опубликов. уставом).		Число закрывших- ся предприятий.	В них рабочих.
					Число.	Осн. кап. (м. р.).		
1899 . . .	163,7	106,9	652,7	525	325	363,2	—	—
1900 . . .	177,9	132,5	691,4	600	202	250,7	550	20.083
1901 . . .	173,1	122,6	694,4	672	135	107,6	350	34.774
1902 . . .	157,3	112,2	642,1	636	78	73,1	840	33.274
1903 . . .	149,1	133,2	728,0	596	76	68,1	682	23.330

¹ Данные взяты из «Обществ. движ. в России в нач. XX-го века», ст. М. Балабанова: «Промышленность России в начале XX века».

Кризис в промышленности очень больно отзывается на положении рабочего класса. Растет безработица. В деревне накапливаются лишние рты, обладателям которых не к чему приложить свободных рук.

«В России, вообще, действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране»,—говорится в передовице «Искры» № 7.—«К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни,—но куда будут высылать безработных крестьян?..»¹

В 1901 г. последствия неурожая на юге России выразились в таком недоборе хлеба, который оценивался в 250 миллионов рублей, считая по 50 коп. за пуд, т. е. около 500 милл. пудов². Это был уже настоящий голод, от которого пухли и умирали многие сотни тысяч крестьян. Но «всероссийское разорение» деревни было обусловлено не только «стихийным» фактом неурожая, а и общей политикой царского правительства, систематически ограблявшего деревню. Удельная и помещичья земля облагалась наполовину меньшим земским налогом, чем крестьянская (в течение всего послереформенного времени, за годы 1871, 1880, 1889 и 1895, среднее обложение десятины земли земскими сборами выражалось соответственно в цифрах: для крестьянской земли—10,6 коп., 15,5 к., 17,3 к. и 21,6 к., и помещичьей или удельной—5,3 коп., 7,4 к., 9,7 к., 11,0 коп.). В среднем, всякие сборы с земли поглощали 60% дохода крестьянской земли, между тем как частновладельческая земля платила только от 4 до 6% с своего дохода³.

Крестьян душило безземелье. Не только земли подвергавшегося «оскудению» дворянства, но и наделы немощной части крестьянства, убежавшего от ужасов нищеты из деревни в город, попадали в руки кулаков. Кроме того, многие помещики, вводя у себя машинную обработку, сокращали фонд арендной земли и повышали до последних пределов арендную плату. При таких условиях неудивительно, что в 1902 г. голодная масса крестьян восстала против своих поработителей, и крестьянские бунты прокатились по всему югу России.

Несмотря, однако, на промышленный кризис, на безработицу и на разорение деревни, процесс накопления капитала шел своим чередом. Очень показательны в этом отношении цифры, приводимые в статье Ленина «Из экономической жизни России» (Искра, № 17). Автор статьи обращает внимание на то обстоятельство, что возрастание суммы вкладов в сберегательные кассы быстрее всего шло в голодные

¹ Собр. соч. Н. Ленина, т. IV, ст. «Уроки кризиса».

² Там же, «По поводу госуд. росписи», стр. 83.

³ Общ. движ., т. I, стр. 177.

годы—1891—1892. За пять лет (с 1895 по 1899 г.) число касс возросло на $\frac{1}{3}$, а число вкладчиков выросло с 1664 тысячи до 3.145 т. (на 89 $\frac{0}{100}$), а сумма денежных вкладов с 330 милл. до 603 м. (на 84 $\frac{0}{100}$). Если миновать разряды более крупных вкладчиков (напр., на вкладчика из духовенства приходится по 333 р. на книжку), то деревня («земледелие и сельские промыслы») несет свою «лепту» в форме среднего вклада в 197 р. на книжку, в то время как средний вклад рабочего равен 143 р. Очевидно, масса деревенских вкладчиков принадлежит к крестьянской буржуазии, которая в большей или меньшей степени перешла от натурального хозяйства к денежному, имея уже достаточные накопления денежных знаков.

Правительство охотно запускает свою лапу в эти «народные» сбережения и черпает оттуда сотни миллионов на свои авантюры и на подачки капиталистам и земледельцам¹. Но, конечно, таких внутренних позаимствований для его безалаберного хозяйства не хватает, и оно пускается во все тяжкие, чтобы пополнить свою кассу путем заграничных займов. К 1-му янв. 1887 г. сумма государственных долгов России составляла 4357 милл. р., к 1-му янв. 1902 г. эта сумма возросла до 6498 милл. р. Само собою разумеется, что платежи по погашению этих долгов и по выплате процентов главной своей тяжестью ложились на плечи многомиллионного крестьянства и рабочих.

Политика Витте и К^о более, чем какой-либо другой фактор, потрясала основы старого самодержавного строя и неудержимо влекла страну на путь революции.

II. Искровские «фронты»

1. Борьба с самодержавием

В статье Н. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» («Заря» № 2 — 3, декабрь, 1901 г.) возбуждает веселую иронию у автора и ставится под большой знак сомнения та «Аннибалова клятва», которую, по утверждению Струве, будто бы готовы дать либеральные земцы в своей решимости бороться с самодержавием «до победного конца». Уж очень странно звучит эта «Аннибалова клятва» на ряду с либерально-соглашательскими речами хотя бы, напр., того же Струве о мирных и легальных формах борьбы за конституцию, отнюдь не посягающую на самый принцип монархической власти.

¹ Собр. соч. Н. Ленина. т. IV, ст. «Из экон. жизни России».

Но зато сама «Искра», как бы и в самом деле дала Аннибалову клятву наносить сокрушительные удары самодержавному чудовищу при всяком более или менее удобном случае (а недостатка в таких поводах, конечно, в русской жизни того времени быть не могло). И что ни номер газеты, паки и паки в ярких сочных красках в ней рисуются новые подвиги царских министров, царской юстиции, царских жандармов, царской опричины, что ни номер, — как суровое, непреклонное катововское «*ceterum censeo*»¹ звучит искровский неизменный лозунг: «самодержавие должно быть революционно сметено с лица земли».

Но если мы поставим перед собою вопрос: а каковы были историко-социологические предпосылки в объяснении «Искрою» сущности русского самодержавия, — то на этот вопрос ни в «Искре», ни в «Заре» прямого ответа мы не найдем. Как известно, среди марксистов по вопросу о природе абсолютизма было два течения, отзвуки которых, быть может, можно было бы найти и в современной русской марксистской литературе. Сторонники одного взгляда готовы были (а может быть, и теперь еще готовы) утверждать, что русский абсолютизм в своем неудержимом росте успел самоопределиться, как особая самодовлеющая и более или менее независимая от господствующих классов политическая сила. Представители другой точки зрения резко отрицательно относятся к этому взгляду, утверждая совершенно обратное положение, в силу которого абсолютизм рассматривается не как внеклассовая надстройка, а как организация политической власти господствующих в данную эпоху классов: в докапиталистические времена — дворянства и отчасти торговой буржуазии, а в позднейший период — представителей промышленного и аграрного капитала.

В виде иллюстрации такого рода разногласий приведем, напр., один из вариантов идейного расхождения во взглядах на природу самодержавия, имевший место среди одесских социал-демократов. Осенью 1901 г., в письме одесского корреспондента «Искры», уже чувствуется тревога по поводу расхождения точек зрения в этом вопросе между представителями старого комитета и пришельцами. «Я говорила, наконец, с комитетскими старыми, — пишет автор письма. — Они просили, чтобы вы мне написали, разделяете ли вы мой взгляд на правительство, именно: правительство, по мнению здешних, — равнодействующая наличных сил в государстве, отсюда — у нас нет абсолютизма, а есть царство крупных капиталистов. Понимаете? По мнению же представителей компромиссной точки зрения, — правительство,

¹ С этого начинал и кончал свои речи в сенате древне-римский Катон: «А все таки я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен.»

выражая интересы господствующего класса, в то же самое время «имеет и собственные интересы», почему и «старается удерживать за собою позицию даже тогда, когда изменилась группировка классов». Стараясь сохранить эту позицию, оно «из-за своей шкуры» делает уступки за уступками капиталистам, и, таким образом, «абсолютизм сам себя подтачивает». На таком теоретическом подходе к вопросу об абсолютизме автор письма рассчитывает прийти к соглашению со старой организацией ¹.

Тот же вопрос ставится во весь рост на с'езде южных комитетов и организаций, состоявшемся в конце января 1902 г. Для характеристики выявившихся на с'езде двух течений в прениях по этому вопросу — приведем целиком соответствующую выписку из «отчета» с'езда ²:

«Сущность самодержавия. Прения по этому вопросу, выдвинутому разногласиями обеих представленных одесских организаций ³, обнаружили, что все участники с'езда видят в правительственной власти два элемента: 1) выражение интересов господствующих классов и их взаимоотношения в известный период и 2) инстинкты самосохранения, присущие всякой общественно-исторической силе. Участники (с'езда) только неодинаково выдвигали на первый план тот или другой из этих двух элементов в применении к правительственной власти, вообще, и самодержавию, в частности. В то же время все признавали, что самодержавный режим — крупная сила, для ниспровержения которой необходима также серьезная общественная сила; что эта сила должна быть создана; что источники этой силы должны быть — социальное положение и историческая миссия определенного класса; что этим классом в России в настоящее время является класс пролетариата, и что это несколько не исключает необходимости для пролетариата вести эту борьбу совместно с оппозиционными элементами из непролетарских слоев населения. В результате мнения разделились.

а) Мнение большинства:

Всякое правительство по своему содержанию является, в общем, равнодействующей классовых сил данного общества. Всякое самодержавие, являясь с внешней стороны отсталой формой классового господства, по содержанию, подобно всякому правительству, является выражением соотношения общественных сил. Сохранение этой отсталой формы лежит

¹ Из дела д-та полиции № 825, ч. I. «Лига рев. с.-д.». Копия письма, с подписью «твой дядя Соня», из Одессы от 31 окт. 1901 г.

² Дело д-та полиции № 850, т. 12, «Розыск на юге России» (декабрь 1901, — май 1902 г.г.): «С'езд представителей комитетов и организаций Р. С. Д. Р. П., действующих на юге России».

³ Одесского комитета и «Южной группы рев. соц.-демократов».

в интересах господствующих классов и тем самым находится в резком антагонизме с интересами рабочего класса.

б) Мнение меньшинства:

Считая правительство выразителем и защитником интересов господствующих классов и признавая, что правительственный режим меняется с перераспределением общественных сил, мы в то же время признаем, что выработавшаяся веками бюрократическая машина имеет свои самодовлеющие интересы (самосохранения и господства), защитой которых, главным образом, и определяется отношение правительства к рабочему движению и ко всякого рода проявлениям протеста в обществе. В России защита этих интересов приняла особенно безобразные формы.

Примечание. Особым голосованием съезд единогласно признал, что разделение голосов по данному вопросу не может служить препятствием к совместной работе в пределах объединенной организации».

Но ни «Искра», ни «Заря», как сказано выше, не подходили вплотную к анализу вопроса о самодержавии. И это, вероятно, происходило не потому, что им чужда была точка зрения тех или иных сторонников взгляда на самодержавие, а скорее всего потому, что диалектические противоречия в недрах данного, конкретного российского «старого режима» выросли до таких размеров, что главное внимание нужно было обратить на приближение всеразрешающего кризиса. Стоит ли поэтому, при практически агитационной постановке вопроса, ставить на очередь и много возиться с чисто теоретической проблемой о происхождении или о природе абсолютизма, вообще, и русского, в частности, а также об исторической связи этого последнего с теми или иными общественными группами? Сейчас, ведь (с точки зрения «Искры»), существенно и важно только одно: выявить эти противоречия перед широкими слоями населения, попытаться втянуть в борьбу с отживающими «исконными» началами русской жизни те группы демократии, на судьбе которых процесс разложения старого строя отзывается всего больнее, организовать силы пролетариата около этой борьбы, в которой он сам должен выступить, как гегемон, — а кто именно из заинтересованных групп и до какой точки дотянется в предстоящей схватке — это потом будет виднее, когда дело дойдет до ликвидации общего врага. Отвечая рабочеделдцам, звавшим искровцев от всесторонней обличительной кампании против самодержавия к преимущественной борьбе за экономические реформы в интересах рабочего класса, а также и таким quasi-марксистам, как Надеждин, который с недоумением спрашивал по поводу корреспонденций «Искры» о статистических конфликтах: «господи, да не для земцев ли этот

орган?» — автор статьи «Политическая агитация и классовая точка зрения» (Н. Ленин) говорит:

«Все эти социалисты забывают, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов и притом часто не с интересами всех этих классов, вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы всей буржуазии, всего развития капитализма, вообще, необходимо порождают оппозицию самодержавию» («Искра», № 16).

В другом месте тот же авторитетный лидер старого искровства дает такую характеристику самодержавия:

«... Самодержавное правительство, которое свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камариллы и армии чиновных пиявок, а с другой стороны — в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов, — подобное правительство не могло поступать иначе, как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е., «коноводов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных»¹.

Несомненно, что заключающаяся в приведенных цитатах характеристика самодержавия относится, главным образом, к последнему периоду, когда на сцену выступили различные антагонизирующие между собой группы буржуазии, с одной стороны, и появились «сознательные и непреклонные враги тирании» — с другой. Но все-таки нетрудно догадаться, что эти мысли подсказаны именно данным историческим моментом, когда налицо были уже все симптомы разложения самодержавия и приближения буржуазной революции, которая всегда отображает тот факт, что интересы абсолютизма пришли в явное противоречие с широко понятыми интересами развития капитализма в целом.

Каковы же были эти симптомы в начале 900-х годов? Самым главным из них является необычайная нервность самодержавия эпохи Николая II, определяющая чрезвычайно неустойчивый, зигзагообразный курс политики царского правительства. С одной стороны, такая газета, как «Московские Ведомости» напештывает в правое ухо самодержавию о вреде уступок: уступка, мол, «была бы огромной ошибкой, если бы даже требование улицы было резонно, ибо... если оно исполняет голос улицы, то улица и должна быть властью» («Моск. Вед.» 12-го апр. 1901 г.); а с другой стороны, не менее авторитетная в глазах правительства вторая рептилия,

¹ «Гонители земства и Аннибалы либерализм».

суворинское «Новое Время», шепчет ему в левое ухо: это следует сделать,—говорит оно про улучшение быта рабочих,—«подобно тому, как полвека назад правительство взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу, чем дожидаться последнего». С одной стороны—гром и молния, беспощадная расправа с непокорным студенчеством, отдача студентов целыми пачками в солдаты, а с другой—вдруг «поворот» курса—«сердечное попечение» и ставка на Ванновского (с точки зрения тогдашнего «общественного» мнения, это казалось серьезным поворотом в политике правительства по отношению к учащейся молодежи, чреватых благими последствиями). С одной стороны, харьковский губернатор кн. Оболенский учиняет массовые порки крестьян, а министерство внутренних дел принимает меры к тому, чтобы изолировать пухнущую от голода деревню и не позволить студентам, врачам и прочим «злонамеренным» людям идти на помощь к голодному крестьянину, а с другой стороны, Витте водит рукою царя и заставляет его начертать в манифесте 26 февраля 1903 г.: «принять безотлагательные меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки».—Там, где то в застенках, идет расправа с сектантами и приводится для борьбы с «еретиками» вся шпионско-миссионерствующая братия, а в то же время собравшийся в поход Мальбруг... то бишь, пустившийся на путь «реформ» (при условии сохранения «вековых устоев российской державы») царь манифестирует о добром намерении правительства обеспечить свободу вероисповедания для всех вероучений.—На одном конце картины российской действительности—обуховская бойня, суд над обуховскими рабочими с применением к ним драконовских законов, полицейская расправа палача фон-Валя с участниками майской демонстрации (сечение розгами), «суд» над нижегородскими, сормовскими и саратовскими рабочими, участвовавшими в первомайских демонстрациях 1902 г., с каторжными приговорами и т. п.,—а на другом конце что то в роде пародий на «светлые» тона и блики: законы о вознаграждении рабочих, пострадавших от увечий, и о фабричных старостах... И т. д. и т. д.

Все эти «повороты» в курсе политики царского правительства гроша медного не стоят, все эти, с позволения сказать, «реформы» обставляются такими ограничительными оговорками, что их положительное действие на ход жизни становится очень малоощутительным. Но в то же время они очень симптоматичны, как знамение времени. «Да, мы переживаем, несомненно, эру реформ, как ни странно звучат эти слова в применении к современной России,—говорится в передовой статье «Искры» № 46, под заглавием «Эра реформ».—

Застой во всех областях внутренней политики, кроме тех, которые связаны с борьбой против внутреннего врага, и, несмотря на это,—вернее именно в силу этого,—постоянные, непрекращающиеся попытки реформ, покушения на реформы в области самых больных, самых боевых общественно-политических отношений». И потом далее: «Это не те реформы, конечно, которые знаменуют нисходящую линию политического развития, когда кризис миновал, буря пронеслась, и оставшиеся господами положения приступают к осуществлению своей программы или (бывает и так) к осуществлению программы, завещанной их противниками. Нет, это реформы восходящей линии, когда все более и более широкие массы привлекаются к борьбе, когда кризис еще только близится, когда каждая схватка, снимаемая с поля битвы сотни, порождает тысячи новых борцов, более озлобленных, более смелых, более обученных. Такие реформы являются всегда предвестником и преддверием революции».

Другим симптомом болезни старого чудовища, предвещающим начало конца, является его вступление на путь самых рискованных провокационных авантур, приобретших историческую кличку «зубатовщины». Все более и более осаждаемое революционными стихиями, самодержавие начинает пугаться своего одиночества в этой борьбе и задается целью путем самой отчаянной демагогии совратить массы с революционного пути, обезвредить деятельность социал-демократии, расколоть повсюду оппозицию и образовать вокруг себя широкую сочувствующую среду.

В своем докладе правительству, положившем начало блестящей карьеры его автора, Зубатов выкинул ряд очень смелых мыслей: «на стачечную борьбу рабочих, по мнению его, можно иногда смотреть сквозь пальцы (Можно даже поручить своим шпионам устраивать стачки и руководить ими в интересах гг. капиталистов, как говорил Зубатов московским фабрикантам на обеде в ресторане Тестова). Можно разрешить рабочим и общества взаимопомощи: такие общества могут даже оказать правительству очень ценную услугу, если туда ввести достаточное количество шпионов и предателей. «А кстати из средств этого общества будут оплачиваться и услуги шпионов, о чем он также поведал по секрету на обеде московским фабрикантам»¹.

Доклад пришелся по вкусу правительству (главным образом, его вдохновителю Плеве), и Зубатов получил благословение свыше «действовать». Его сподручные основывают в Москве, в противовес с-д-там, партию «независимых». Эта «партия» раскидывает свои провокаторские сети в Минске,

¹ Из прокламации Киевского Комитета РСДРП 1902 г. См. «Красную Летопись» № 2—3.

потом в Одессе, а сам Зубатов в 1901 г. основывает общество рабочих механического производства. В Петербурге шпионы Зубатова работают в том же направлении. В западном крае жандармский ротмистр Васильев пытается (и сначала не без успеха) вывести рабочую массу из-под влияния Бунда, и т. д. и т. д. Зубатовщина стала принимать размеры всероссийского грандиозного охвата рабочих системой зубатовской провокационной политики, пока, наконец, эта дерзкая игра ва-банк охранного авантюриста не кончилась крахом.

Для характеристики демагогических приемов этой игры в полицейский социализм достаточно упомянуть, что Зубатов успел привлечь к своему делу в качестве пособников видных представителей университетской науки (Дена, Вормса, Озерова и др.). Мало этого, он даже создал особый жанр подполья, ставящего себе целью защищать самодержавие от революционной критики и всеми средствами превозносить эволюцию в противовес революции, которая может, извольте видеть, только способствовать тому, что после кровопускания в рабочих кварталах вся власть перейдет в руки буржуазии, как это случилось, напр., во Франции. По поводу такого рода фальсификаторских приемов российского Муссолини (впрочем, итальянскому «гению» фашизма далеко до нашего отечественного архипровокаatora) «Искра» приводит сравнение между эпохами Николая I и Николая II. «Правительство Николая I запрещало холопского духа писателям расточать подобострастные хвалы мудрости начальства: власть не нуждается в одобрении подданных. Правительство Николая II содержит на народные деньги целый ряд газетчиков и ораторов, назначение которых хвалить и хвалить премудрость властей до притупления перьев, до хрипоты в голосе... Правительство Николая I имело силу и власть оставить народные массы без печатного слова, запрещая дешевые книги и газеты, способные, по словам графа Уварова, «привести массы в движение». Правительство Николая II оказывается вынужденным доказывать рабочим неизбежность «рабочего движения». И доказывать — как? Посредством нелегальных произведений, направленных против социализма»¹.

Но провокационная политика господ Плеве и Зубатова не ограничивалась одной только рабочей средой. Она стала, вообще, правилом жизни. Так, например, чтобы расколоть либералов, Плеве заигрывает с правыми земцами, с группой Шинова, и сулит им более «благоприятное» отношение к земству, обещает созвать совещание из председателей земских управ для «разрешения всех вопросов относительно постановки земских учреждений», под условием, однако,

¹ «Искра» № 3. «Зубатовцы в подпольной печати».

чтобы земцы «не говорили ничего о представительстве в высших правительственных учреждениях».

Еще более ярко выраженный провокационный характер имела политика правительства в окраинных частях государства, в особенности в Финляндии. С этой страной последний российский самодержавия менее церемонился, чем кто-либо из его достойных предков. Все русские государи, начиная с Александра I и кончая Николаем II, при вступлении на престол торжественно подтверждали обещание «о святом хранении», «в ненарушимой и непреложной силе и действии», основных законов Финляндии («особенную конституцию края»). Эти торжественные клятвы не помешали, однако, Николаю II произвести в Финляндии 3 февраля 1899 г. государственный переворот, объявив в манифесте, что без согласия сейма могут быть изданы законы, «если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством империи». Сенат Финляндии обязывался подписать царский манифест под угрозой ввода русских войск в пределы Финляндии (русским войскам, расположенным на финляндской территории, были уже розданы боевые патроны «на всякий случай»...). После этого на протяжении последующих лет последовал бесчисленный ряд самых наглых насилий над беззащитной страной: господа Бобриковы неистовствовали по части запрещения финляндских газет, арестов финляндских общественных деятелей (отнюдь не социалистов, а просто лишь патриотов своей страны), отмены свободы собраний, наводнения Финляндии русскими шпионами и провокаторами и т. д. и т. д. Наконец, без согласия сейма был издан в 1901 г. закон о воинской повинности; этот акт был верхом издевательства над обездоленной страной, но ей некому было жаловаться, не к кому апеллировать, а восставшим реагировать на политику царя-клятвопреступника она, конечно, и думать не могла.

Чтобы, однако, достаточно гладко проводить эту завоевательную кампанию, Плеве и Бобриковы прибегли к излюбленному приему царского правительства—к беззастенчивой демагогии и наглой провокации (иными словами говоря—к «зубатовщине»). Чтобы дезорганизовать ряды защитников конституционных вольностей финского народа, самодержавие через наемных агентов стало раздувать классовую ненависть в безземельном крестьянстве Финляндии. Но и городские рабочие попадали в те же сети. Так, напр., в марте 1903 г., безработные г. Гельсингфорса, не получившие помощи от своего городского магистрата, были сверх меры обласканы... губернатором Кайгородовым, который в предыдущем году устроил первое в истории Финляндии избиение мирных демонстрантов, не исключая и рабочих. Тотчас же были открыты столовые для рабочих, и царский прислуж-

вик Дейтрих со слезою в крокодиловых глазах поведал финским рабочим при открытии столовых, что «сердцу русского царя столь же близки его верноподданные финны, как и жители средних русских губерний, и он не дозволит умереть с голоду никому из своих верноподданных». Голодная деморализованная масса с благодарностью приняла подачку от злейших врагов финского народа.

Трудно было бы на протяжении нескольких страниц перечислить всю ту сумму фактов, которые свидетельствовали не только о дрянности самодержавия вообще, о его враждебности интересам масс, о его антиобщественности и других свойствах, характеризующих природу самодержавия везде и всегда, но и о специфических чертах декадентского самодержавия Николая Кровавого, уже зловеще освещаемых красным отблеском вспыхивающих на небосклоне революционных молний. По этому поводу пришлось бы вспомнить и о любезной сердцу царя деятельности жандармерии (не даром Николай II в одной из речей признался: «огненные тесный союз, установленный между мною и корпусом жандармов, будет крепнуть все более и более»), и борьбу Сипягина с обществом, стремившимся протянуть руку помощи голодающему населению, и розги фон-Валя и князя Оболенского, и ужасы организуемых полицией, вкупе с черносотенными полонками населения, еврейских погромов (напр., знаменитый Кишиневский погром), и преследования сектантов, и свободу от каких бы то ни было уз морали и страха ответственности перед законом полицейских чиновников, на которых, по выражению «Искры», распространяется благодать самодержавия, начиная от министра и кончая последним урядником или жандармом (яркой иллюстрацией издевательства самодержавных чиновников над «правосудием» является драма на станции Тихорецкой с арестом и изнасилованием следователем Пуссепом и сворой казаков пригланувшейся маленькому самодержцу пассажирки Золотовой, «лишившей себя жизни») — и т. д., и т. д. до бесконечности.

Еще, однако, два слова для характеристики самодержавия предреволюционной эпохи. Дореформенное самодержавие представляло из себя более или менее простой централизованный механизм. Самодержавие позднейшего периода, ставшее на путь некоторой европеизации, допустившее принцип разделения властей, вызвавшее к жизни земство, начинает жестокую борьбу с естественными последствиями такого рода «европеизации». Культурные органы обнаруживают постоянную тенденцию выйти за пределы предуказанных им полицейских норм развития. Все вокруг становится «неблагонадежным» и требует колоссального напряжения сил со стороны полицейско-жандармских органов самодержавия. Руководить этой борьбой во всех ее подробностях из

центра становится невозможно. И вот приспособление самодержавия к новым условиям жизни идет двумя путями: с одной стороны, становится неизбежной децентрализация полицейского аппарата, причем каждый губернатор наделяется прерогативами самодержца в пределах своей губернии («децентрализованная помпадурия», по выражению Щедрина, подхваченному «Искрой»), а с другой стороны, все нити и корни жизни сосредоточиваются в министерстве внутренних дел, функция которого становится преобладающей и подчиняющей себе все остальные стороны жизни государства. Эта последняя тенденция становится особенно вынужденной в начале 900-х годов, когда даже сделана была попытка и фабричную инспекцию изъять из ведомства финансов и передать в ведение министерства внутренних дел, подчинив чинов фабричной инспекции начальникам губерний.

Другой особенностью новейшего самодержавия является его органическая связь и общность интересов с империалистическим капитализмом старого и нового света. Вечно нуждающееся в деньгах правительство Николая II жило насчет внешних займов, и Франция, та самая Франция, которая продолжала еще распевать (по традиции) свой республиканский гимн, усердно пополняла казну русского самодержца золотом, столь необходимым ему для борьбы с «крамолой» в России. Буржуазная Европа, давным-давно растерявшая воспоминания о заре своей революционной юности, не без удовольствия поглядывала на такую цитадель старого порядка, как жандармская Россия, которая к тому же охотно допускала у себя чисто колониальные формы эксплуатации русских рабочих иностранным капиталом. Кроме того, и для милитаристов зап. Европы огромная Россия представляла особый интерес, как неисчерпаемый фонд пушечного мяса, который стоит того, чтобы так или иначе купить его за тридцать серебрянников. И как ни рискованна была финансовая политика господ Витте, как ни близко иногда стояло самодержавие к финансовому банкротству, как ни расточительны и разорительны для государства были дальневосточные и всякие другие авантюры царских родственников и приятелей, — выручал всегда иностранный капитал (в особенности, французский). После каждого выпрыскивания в одряхлевший организм старого чудовища изрядной порции желтого металла, оно «бодро» вскакивало на ноги, а паразитирующие на народном теле рыцари наживы, после минутного уныния и беспокойства, снова пускались в пляс: «жив, жив курляка!..»

В то же время сочетание из двух слов «долгой» и «самодержавие» все более и более приобретало, по выражению «Искры», характер народной поговорки.

2. Борьба с революционным авантюризмом

Есть мнение, приурочивающее борьбу «Искры» с социалистами-революционерами если не целиком, то в значительной мере к тому обстоятельству, что «Искра», дескать, разглядела своим острым взглядом в туманной дали будущую роль партии эс.-эр. как представителей интересов кулацкой мелкой буржуазии¹. Это не совсем точно. Ни «Искра» в целом, ни, в частности, Ленин не спешили с суровой оценкой новой революционно-демократической партии и не торопились с квалификацией ее деятельности, как реакционной. И только в меру воскрешения новыми народниками старых народнических предрассудков, для которых в обстановке растущей пролетарской революции не было уже никаких исторических оправданий, — в меру расцвета претенциозного эс.-эровского авантюризма, полемика «Искры» с эс.-эрами становится все более и более резкой и решительной. О сближении позиции соц.-р-ов с реакционной природой антидемократических и готовых поддержать самодержавие элементов «Искра» и не помышляет, а если и пристегивает к нам иногда кличку «социалистов-реакционеров», то это только для того, чтобы, отнюдь не отрицая факта искренней ненависти эс.-эров к абсолютизму, полемически отметить то обстоятельство, что утопические взгляды нового народничества на роль и значение «трудового крестьянства» в предстоящей революции, теоретические шатания и путаница с.-р-ов в вопросах о сущности социалистической и демократической революции, их ставка на индивидуальные героические акты террора, их недооценка такого самого крупного фактора в борьбе с самодержавием, как массовое рабочее движение, — все это уже в те времена угрожало по своим объективным последствиям завести революционную мелкобуржуазную демократию в политический тупик и помешать делу развертывания борьбы с самодержавием всех оппозиционных слоев под гегемонией пролетариата.

Впервые принципиальный разговор с эс.-эрами «Искра» заводит летом 1901 г. в статье «Новое вино в старых мехах».

¹ См., напр., в брошюре Зиновьева «История РКП (б-в)»: «острый глаз тов. Ленина и редакция «Искры» уже разглядел в этой партии будущих социалистов-реакционеров» (стр. 67). «Искре» случилось делать только тот прогноз относительно «завтрашнего дня», что соц.-революционеры, заинтересованные в усилении рабочего движения, но отнюдь не в том, чтобы пролетариат выделялся в особую политическую партию со своей классовой программой, «завтра» отбросят умильные речи и поведут против соц.-демократии войну «по-настоящему» (см., напр., ст. «Идейные традиции и идейные задачи пролетарского социализма» в № 31 «Искры»).

(«Искра» № 5). Вся эта статья проникнута самым благожелательным отношением к новым товарищам по борьбе с общим врагом и имеет своей целью доказать, что брошенная в первом номере газеты эс-эров «Револ. Россия» мысль о повороте революционного творчества «в сторону принципов Народной Воли» — основана на недоразумении. «Искра» тут же тщательно подбирает все тезисы «манифеста партии эс. эр.», говорящие о том, что новая партия очень близко подходит к социал-демократии и очень далека от старого народолюбия и народничества 70-х годов. «Искра» не только не спешит авансировать нового союзника в общедемократической борьбе с самодержавием сугубым недоверием к их революционности, а как раз наоборот, — выражает уверенность, что «соц.-революционеры представляют собою плоть от плоти и кость от кости русских социал-демократов». Стараясь всячески расчистить путь к сближению соц.-р-ов. с соц.-д-ей, «Искр.» даже протягивает авторам манифеста руку через головы собственных партийных оппортунистов: «Может быть, — делает она догадку, — их (эс.-эр.) ввели в заблуждение те социал-демократические недоросли, которые отрицали политическую борьбу и видели ненавистное им народолюбие во всяком нападении на самодержавие? Но чтобы судить о русской социал-демократии, надо иметь в виду взрослых и серьезных ее представителей. А эти последние давно уже рекомендуют русским социалистам ту самую программу действий, к какой «поворачивают» теперь авторы манифеста».

Прошел почти год, в течение которого «Искра» все еще присматривается к физиономии новой партии, не посвящая по адресу эс.-эр. ни одной полемической заметки. В № 20 «Искры» (от 1 мая 1902 г.) появляется, наконец, статья (Плеханова): «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи», в которой «Искра» начинает уже бить тревогу по поводу возможного увлечения революционеров методом террора. Правда, делает она это очень осторожно, резко-пренебрежительно отмежевываясь от «реакционных цистеронов», гремющих против «убийцы» Сипягина, и оперирует с формулой одного английского публициста семнадцатого века, гласящей, что «умерщвление не убийство», — в особенности там, где «свиристель полицейский «порядок» до смерти надоел всем честным людям». Но... «сознание этой истины начинает грозить опасностью русскому освободительному движению». В объяснение этого парадоксального вывода «Искра» говорит: «Умерщвление не убийство! Но оно не есть также и путь к победе. Карая отдельных слуг царя, оно не разрушает царизма». Что же в таком случае нужно и можно противопоставить этому методу казни отдельных политических негодяев? «Искра» отвечает: «Только на фундаменте политического самосознания русского пролета-

риата может быть воздвигнуто здание русской политической свободы! Русское революционное движение восторжествует, как движение рабочей массы, или совсем не восторжествует».

Таким образом, позиция «Искры» по вопросу о терроре уже была определенно намечена. Но решительная схватка органа революционной соц.-д-ии с «нашедшей себя» эс-эровщиной произошла лишь месяца три спустя (в августе 1902 г.). Мы не будем здесь говорить о наделавшем много шума из-за пустяков эпизоде по поводу возмущившего «боевую организацию эс.-эр.» указания «Искры» на связь между выстрелом Балмашева и реакционной политической правительством по отношению к учащейся молодежи,—эпизоде, который разрешился вызовом соц.-р-ами «Искры» на третейский суд. Гораздо важнее остановиться на том, как, в конце концов, «Искра» в лице, главным образом, Владимира Ильича, со свойственной этому последнему прямотой и последовательностью, дала принципиальный бой партии эс.-эр., вскрыв и подытожив в статье «Революционный авантюризм» все те черты мелкобуржуазного недомыслия и тупого самодовольства, которые убивали в корне всякую иллюзию относительно возможного сближения партии эс.-эр. с социал-демократией. В статье сосредоточивается внимание на трех пунктах: 1) на склонности соц.-р-ов, в согласии с соц.-д-ами бернштейниановского толка, восставать против преклонения «ортодоксов» перед «догмой» (т. е. против обыкновения революционных марксистов исходить в своих выводах из теоретических основ научного социализма и придерживаться диалектического метода мышления), 2) на вопросе о терроре и 3) на крестьянском вопросе и на аграрной «программе» (правильнее было бы говорить о пародии на программу) социалистов-революционеров. Отметим здесь те основные аргументы соц.-р-ов по вопросу о терроре и взгляды их на новейшее крестьянское движение, против которых должна была ополчиться «Искра».

Соц.-р-ы выставляют тот довод, что они призывают к террору не «вместо» работы в массах, а «вместе» с такой работой. Но на ряду с этим доводом из эс-эровской груди вырывается вздох сожаления (с восклицанием «увы») по поводу того, что еще не скоро «выйдет из тьмы рабочий народ», в виду чего, очевидно, без эс-эровских бомбочек дело пока не может обойтись тем более, что каждый, извольте видеть, террористический удар «как бы отнимает часть силы у самодержавия и всю эту силу перебрасывает на сторону борцов за свободу». Далее, партия соц.-р-ов, ставя перед собой вопрос: «в кого бить», договаривается до той сентенции, что следует бить в министров, а не в царя, ибо «царь не доведет дела до крайности», а к тому же это и «легче», и что у самодержавия против толпы есть солдаты, для борьбы с рево-

людионными организациями есть полиция, но «от отдельных личностей или небольших кружков, неизвестно даже друг от друга готовящихся к нападению» — ничто уже не спасет обреченного на смерть того или иного «властного насильника самодержавия», «никакая сила не поможет против неуволости».

«Искра» энергичнейшим образом протестует против такого отношения к идее борьбы с самодержавием и принижения ее до уровня террористических «актов мести» или «поединков», посредством которых герои «будят в толпе дух отваги» (теория «эксцитативного террора, по поводу которой «Искра» замечает, что такого рода поединки «непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка»). В противовес этой эс-эровской тактике революционная социал-демократия выдвигает идею руководства на деле революционной партией выступающего на путь борьбы революционного класса, какие бы разнообразные формы массовое народное движение ни принимало, и как бы ни было длительно, сложно и многообразно приспособление оппозиционных групп к условиям этой борьбы. «И наш долг, — говорит автор статьи «Революционный авантюризм», — активно участвовать в этом процессе выработки приемов и средств борьбы. Когда обострилось студенческое движение, мы стали звать рабочего на помощь студенту, не берясь предсказывать формы демонстраций, не обещая от них ни немедленного перебрасывания силы, ни просвещения ума, ни особой неуволости. Когда упрочились демонстрации, мы стали звать к организации их, к вооружению масс, мы выдвинули задачу подготовки народного восстания. Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали это участие».

По вопросу о крестьянстве соц.-р-ы дают свой особый анализ «классового» состава общества: есть классы, которые «вообще всегда» держатся за существующий порядок и не поддаются революционизированию. К этим классам относится, между прочим, и буржуазия, так как ее «интересы удовлетворены» (таким образом, предполагается, что в России нет буржуазной демократии, интересы которой не очень-то удовлетворены самодержавием: предвзвудок, разделявший соц.-рами вместе с экономистами). К столь же консервативным элементам эс-эровская теория готова причислить, вопреки общераспространенному мнению о возможной революционности мелкобуржуазной демократии, и «мелкобуржуазные слои» в виду того, что интересы их «не определены, как классовые, и не формулируются в реформаторскую или революционную социально политическую программу». При этом

эс-эры делают вид, что категория «мелкобуржуазных слоев» совершенно не относится к крестьянству, которое, изволите видеть, вместе с интеллигенцией и пролетариатом составляет революционную троицу, т. е. три класса, в равной мере способные на революционный образ действий. Это противопоставление, или лучше сказать, сопоставление интеллигенции с пролетариатом и крестьянством грешит не только забвением той марксистской истины, что единственным подлинным последовательным революционным классом является пролетариат, но и чрезвычайно путанным представлением эс-эров (свободных от марксистских «догм») о социальной природе интеллигенции, которую на самом деле можно рассматривать либо как разновидность мелкобуржуазной группы, либо как придаток того или иного класса, интересы которого данная часть интеллигенции обслуживает.

Из заявления „от крестьянского союза“ (в № 8 «Рев. России») определенно видно, каково происхождение эс-эровского вульгарного социализма: «О чем говорят, — спрашивает «Искра», — сами представители поднимающегося (крестьянского) слоя? О земле, прирезке, переделе. — Ну вот вам и все. Вот вам «полусоциалистическая программа», «совершенно правильный принцип», «светлая идея», «идеал, который в зародышевой форме уже живет в голове крестьянина» и т. д. Надо только «очистить и разработать этот идеал», вывести «чистую идею, идею социализма». «Вы не верите, читатель? — иронизирует автор искровского фельетона. — Вам кажется невероятным, чтобы эта народническая ветوشь снова вытаскивалась на свет божий людьми, которые так бойко повторяют, что им последняя книга скажет? А между тем, это факт».

Если прибавить к этому ряд сочиненных эс-эрами «элементарнейших дедукций», вроде необходимости перехода к «конечным целям» от уже достигнутых русским государством этапов — в форме принадлежности государству большой доли территории, или совершающегося «уже и теперь» «перетекания земли от капитала к труду», или имеющегося налицо и до сих пор уравнительного пользования землею среди крестьян — и все это помимо классовой борьбы, о которой «дедукции» упорно молчат, — если собрать все это в один букет, то в результате получится довольно «стройная» схема реставрированных излюбленных идей эпигонов народничества — В. В., Юзова, Николай — она и им подобных.

Очень характерна для соц.-рев-ов в их «программе - минимум» постановка рядом, в качестве равноценных принципов, двух требований — социализации земли и кооперации. «Вот программа - минимум, — иронизирует «Искра», — в которой, с

одной стороны — Бабеф с другой — г. Левитский¹. Это неподражаемо!..» Но плохо то, что такого рода очень не-серьезной программной фразеологией вводится в заблуждение прежде всего крестьянин: «Это обман», — возмущается по этому поводу автор статьи в «Искре», — «будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и готовят коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии... Соц.-рев.-ы смешивают социализацию земли с ее буржуазной национализацией. Эта последняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисе капитализма без уничтожения наемного труда. Но именно пример тех же соц.-рев. наглядно подтверждает ту истину, что выдвигать требование национализации земли в полицейском государстве — значит... подливать воду на мельницу всякой казенщины».

Все дальнейшие попытки соц.-рев. защитить свои «программные» позиции от нападков «Искры» являлись лишь новыми иллюстрациями эмансипации эс-эровской теории от марксизма. Так, напр., не приемля искровской характеристики крестьянства, как совокупности мелкобуржуазных слоев, «Рев. Россия» поспешила установить другой критерий для определения социальной природы крестьянства, в котором, по ее мнению, следует различать две категории: трудового крестьянства, живущего «эксплуатацией собственной силы» и сельской буржуазии — средней и мелкой, — живущей в большей или меньшей степени эксплуатацией чужой силы. Между «самостоятельными земледельцами», живущими приложением собственного труда к средствам производства, и сельским пролетариатом, по схеме эс-эровских теоретиков, нет по существу никакой разницы: и те и другие живут своим трудом, и те и другие безжалостно эксплуатируются. Следовательно, и те и другие должны быть соединены в одну категорию «трудового крестьянства».

По этому поводу автор статьи (Ленин) в «Искре» № 27 («Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые соц.-революционерами») — пользуется случаем, чтобы лишний раз вскрыть один из предрассудков вульгарного социализма, не различающего своими близорукими очами ту истину, что основным признаком, характеризующим классы, является не источник дохода (т. е. признак этот следует искать не в отношениях распределения, которые складываются, как результат отношений производства), а место, занимаемое классом в общественном производстве. С другой стороны, определенной политико-экономической категорией

¹ Бабеф — смелый мыслитель, социалист-утопист времен французской революции. — Левитский — представитель народнического прожектерства о покрытии России сетью артелей.

является не труд, а лишь отношения между людьми по участию их в общественном труде. Забвение этих марксистских положений ведет именно к той путанице понятий, в силу которой между мелким деревенским хозяйчиком и лишенным средств производства рабочим стираются черты их социального различия и открывается широкий простор для декламаций относительно общности интересов всех составных элементов «трудового народа».

Наряду с откровенной критикой той идеологии, которой пробавлялись соц.-рев.-ры, «Искра» не упускала случаев отмечать также отрицательные черты эс-эровской революционной практики. Особенно много от «Искры» доставалось соц.-рев.-ам за их склонность «примазываться к тем или иным революционным эпизодам, которые возникали вовсе не по инициативе соц. рев.-ов, или в которых представители партии эс.-эр. являлись случайными, а, быть может, даже и лишними персонажами. Так, напр., выше уже было упомянуто, какой шум подняла эс-эровская «боевая организация» по поводу безобидного предположения «Искры», что студент Балмашев стрелял в Сипягина, будучи субъективно настроен крайне враждебно к русскому правительству, обрушившемуся со всеми своими египетскими казнями на «бунтующее» студенчество. Боевая организация усмотрела в этом замечании злостную попытку со стороны «Искры» умалить значение данного террористического акта, в котором-де Балмашев участвовал не как студент, а как агент ее, боевой организации,—мстя за всю обездоленную Россию, а не за поруганное студенчество. Целый ряд дальнейших свидетельских показаний, возникших в связи с поднятым «Рев. Россией» шумом, бросил яркий свет на нелепую претенциозность «боевой организации».

Еще более курьезный характер имела предосудительная привычка эс.-эр.-ов жать там, где они не сеяли, и приписывать себе существенную роль в таких революционных актах массового выступления, в которых на самом деле их присутствия не было заметно. Иногда, впрочем, тот или иной корреспондент «Рев. России» и сам признавал, что реакция соц.-рев.-ов на описываемый эпизод массового рабочего движения (напр., во время ростовской стачки) была «мимолетной». В большинстве же случаев соц.-революционеры, с развязностью гоголевского Ивана Александровича Хлестакова, оспаривали у с.-д.-ов право считать себя подлинными вдохновителями выступления рабочих масс. Но если даже соц.-революционеры и оставляли какой-нибудь след своей специфической работы в том или ином случае, то «Искре» почти всегда приходилось сожалеть о том, что эта «работа» не блистала своим полным отсутствием. Так, напр., когда малосознательная масса влатоустинских рабочих была, наконец, выведена

из состояния рабской покорности начальству, отнявшему у них и те жалкие права, которые были даны им в 1861 г., соц.-революционеры выстрелом в уфимского губернатора Богдановича, учинившего златоустинскую бойню, прекратили начавшийся, было, процесс массового пробуждения уральских рабочих и классового понимания ими своих интересов. От наивных челобитных актов златоустинские рабочие, быть может, пришли бы к мысли о возможной роли и значения в их борьбе с правительством тех самых гранат, которые они выделывали на заводе своими собственными руками, и кто знает, какие революционные ростки могли бы появиться на удобренной рабочей кровью златоустинской почве, если бы не этот террористический акт в Уфе, заставивший массу отпрянуть назад и пассивно ждать, когда «герои» разобьют ее вековые цепи. «Гг. соц.-революционерам,—говорит «Искра»,—показалось, что уфимский выстрел удобный случай для того, чтобы пристегнуть свое имя к пролетарскому массовому движению. Ну, что ж? Если на минуту допустить эту связь и признать за ними «роль» в движении, то это будет лишь «роль»—не лишенных усердия дезорганизаторов».

Таким образом, «Искре» приходилось вести энергичную кампанию против эс-эровского авантюризма, борясь все время с эс-эровской тенденцией превращать массовые движения рабочих в «своего рода революционный спорт», в «ряд последовательно сменяющихся сенсаций».

На вопрос, в чем заключается историческая роль соц.-демократии, в которой орудуют, по общему признанию всего «прогрессивного» блока с эс-эр. во главе, «доктринеры, догматики, фанатики, фаталисты, социал-буржуа» и т. д. и т. п.,—«Искра» дает такой ответ: «Все формы оппозиционной и революционной борьбы, свидетелями которых мы были в последние годы, являются производными или отраженными эпизодами основного революционного процесса: политического пробуждения рабочего класса. Через его посредство соц.-дем. вызвала студентов на улицу. Крестьянство, поскольку в его бунтах имеются зародыши политической идеи, восприняло их от революционизированного соц.-дем. пролетариата. Она же оживила эту бедную земскую оппозицию, подарив ей под конец в качестве вождя экс-социалиста, воспитанного на марксизме. И, наконец,—это не парадокс!—сама партия соц.-рев. обязана соц.-демократии своим существованием».

А к чему сводится, по мнению «Искры», роль соц.-революционеров? Ответ таков: «Эмансипированные от революционной доктрины, лишенные классовой силы, соц.-рев. не способны на самостоятельную роль. Все, на что они уполномочены своей природой,—это «мимолетная» попытка «самостоятельно вмешаться» в ход событий, не ими вызванный, с

их работой не связанный. Они хотят сразу «сорвать банк». Это вполне естественное желание для беспринципной, политической-нервной группы интеллигентов... Ва-банк! Это называется «требованием смелой революционной инициативы», «стремлением не идти в хвосте событий, а толкать их вперед»!.. Вся ваш революционизм есть оборотная сторона оппортунизма. Вся ваша практика — полное отсутствие революционной инициативы и беспомощное, рабье заигрывание с революционным моментом»...¹

Можно подумать, что приведенная здесь цитата представляет собою набор «полемических красот», иллюстрирующих ту неразборчивость в выборе полемических средств против своих же союзников на фронте борьбы с общим врагом, за которую на голову «Искры» так часто сыпались упреки со стороны разного рода «революционных» весталок и блюстителей литературных приличий. Но на самом деле не «неуживчивостью» и не склонностью к полемике подсказана данная «Искрой» характеристика соц.-рев., а стремлением в краткой форме подытожить всю ту сумму логических моментов, где два революционных течения — пролетарское социал-демократическое и интеллигентско-радикальное — сталкивались между собою в качестве двух претендентов на установление линии политической борьбы.

Кстати сказать, «неуживчивость» «Искры» имела всегда принципиальный характер и объяснялась тем, что «дело развития классового самосознания пролетариата требует критического отношения ко всем и всяким общественным программам, из каких бы классов таковые ни выходили; оно требует со стороны политических представителей пролетариата деятельного вмешательства в процесс выработки циркулирующих в прогрессивной части общества политических идей, дабы ни одна живая революционная сила не была поглощена неревolutionным по существу движением, дабы ни одна частица собственных сил пролетариата не была отвлечена в сторону преследования бессмысленных или реакционных задач»²

Не понимая этой позиции «Искры», подсказанной ее революционной природой и классовой точкой зрения, соц.-рев. очень часто неумеренно обижались на «братоубийственную» полемику «Искры», объявляли этой последней бойкот и делали вид, что направляемые ею по их адресу неудобные для них вопросы их вовсе не касаются, или же, впадая в истерику, подымали громкий крик о поруганной с-д-ами «правде».

¹ «Искра» № 33. Статья «Благородство, вместо программы, и нервность, вместо тактики».

² «Искра», № 31. «Идейные традиции и идейные задачи пролетарского социализма».

справедливости», пускали в ход необычайно «нравственные» сентенции, и пошлейшее декламаторство, за что и заслужили от «Искры» как нельзя более удачную кличку «Тартюфов революционной морали».

3. На фронтах внутрипартийной борьбы.

Незадолго перед появлением «Искры» пышным цветом расцвело то особое направление в недрах российской социал-демократии, которое приобрело историческую кличку «экономизма». Это было одно из звеньев оппортунизма, длинной цепью тянувшегося через всю историю пролетарской борьбы и неизбежного еще и до сих пор рабочими партиями капиталистических стран. В различных странах оппортунизм в социалистических партиях принимал самые разнообразные формы: так, например, на пороге XIX столетия он вылился в форму министерализма или мильеранизма (по имени социалиста-министра Мильерана во Франции): с точки зрения этой оппортунистической разновидности — представляющие интересы рабочего класса виднейшие социалисты должны стараться, путем проникновения в буржуазные правительства в качестве министров, способствовать проведению в жизнь необходимых для улучшения положения рабочего класса социальных реформ». В немецкой социал-демократии пустил корни оппортунизм под видом так называемого бернштейнизма — с его теорией постепенного «вращения» социализма в капитализм и с его проповедью приоритета конкретной, «реальной» практики движения над задачами и методами революционной борьбы под знаком конечных целей (известен, например, любимый афоризм Бернштейна: «конечная цель для меня ничто, движение — все»). В Англии ростки социализма систематически глушились тред-юнионистской политикой рабочей аристократии. И т. д. и т. д.

И по своим социальным предпосылкам оппортунизм не был однороден, представляя ряд различных исторических наслоений в развитии мирового социалистического движения. Так, например, английский тред-юнионизм явился давнишним продуктом особого исторического развития Англии, господствовавшей до последнего времени на мировых рынках и эксплуатировавшей добрую треть человечества на земном шаре, зажатую в тиски ее колониальной политики: от избытка получаемых таким образом «наций» благ буржуазия в Англии могла себе позволить роскошь подкупать жалкими подачками верхние слои рабочего класса своей страны, которые благодаря этому искусственно отрывались от остальной массы и привыкали продавать первородство своих общепролетарских классовых интересов за чечевичную похлебку мел-

них социальных реформ или незначительных уступок со стороны капитала в пользу привилегированной кучки квалифицированных рабочих. В России же, самой молодой из числа капиталистических стран, оппортунизм в недрах рабочей партии возник на почве иных условий. Здесь, с одной стороны, потребности быстро растущего капитализма подспазывали его предусмотрительным пророкам (напр., Струве и другим представителям «легального марксизма») соблазнительную мысль обратить марксистскую доктрину в орудие идеологического порабощения буржуазией пролетариата, предварительно выхолостивши ее и освободивши от присущей ей тенденции к революционным методам ликвидации основ капиталистического строя. С другой стороны, быстрый количественный рост пролетариата, главным образом, насчет выброшенной из деревенской колен части обнищавшего крестьянства, обусловил то обстоятельство, что далеко не везде и не всегда революционный тон в рабочей жизни задавал выварившийся в фабричном котле «потомственный» пролетарий, и на протяжении всех 90-х годов шумная стачечная эпопея проходила под лозунгом «копейки на рубль», столь понятным для серой полупролетарской массы. Что же касается «рабочелюбивой» социалистической интеллигенции, которая и сама очень часто не успевала еще изжить мелкобуржуазных настроений и навыков мысли, то она нередко оказывалась бессильной вести за собой рабочие массы и подымать их до уровня социал-демократического классового сознания; стихийность рабочего движения она готова была фетишизировать, как непреложный закон жизни, его же не преидеши.

Несмотря, однако, на это различие видовых признаков, присущих разным формам оппортунизма в недрах социалистических партий в различных странах и в различные периоды, существовал ряд общих родовых признаков для всех его разновидностей. Так, например, все представители оппортунизма имели всегда большую склонность к «критике» марксизма, к исправлению или «углублению» марксистских доктрин, к эмансипации от марксистского «догматизма», к восстанию против «доктринерских» оков «свободной» мысли. В то же самое время им постоянно казалось (и они непрестанно на это жаловались), что их «ортодоксы» не понимают и извращают их мысли. Чтобы оправдать свою позицию и свое право на критическое отношение к установленным марксистским полжениям, они чувствуют себя вынужденными заполнять пустые места в своей идеологии всякого рода отсебятиной и подпирать свое учение бесконечным множеством новых «теорий», создаваемых применительно к обстоятельствам места и времени. Таковы, например, теории постепенного вrostания социализма в недра капитализма, «социального мира», постепенного улучшения положения рабочего

класса в рамках капиталистического строя (в противовес марксистской теореме обнищания масс), теория тактики—процесса, теория стадий и т. д., и т. д.

Всем оппортунистам свойственна тенденция делать широкие зигзаги, переходя от пошлейшего и жвачного «практицизма» к крайнему (на словах, конечно, а не на деле) революционизму. Они не умеют и по природе своего мелкобуржуазного мышления органически неспособны связать в одно целое практику рабочего движения с его конечными целями; поэтому оппортунизм имеет два лица: с одной стороны, он образец солидности и положительности, ползучий реализм—его символ веры, «медленным шагом, робким зигзагом»—его любимейший лозунг, он надеется только на реформы, делает ставку на кооперативные сообщества (Бернштейн) или на организацию рабочих касс («Рабочая мысль») и т. п.; с другой стороны, он презрительно отмахивается от «постепенщины», производит революционный шум, предлагает отойти в сторону от практической политики в ожидании момента, когда сила перейдет на улицу, и «мы сразу все переделаем» («ясная, цельная, последовательная» точка зрения немецких оппортунистов—так называемых «молодых», подхваченная Фольмаром), повертывает вдруг на 180°, командует относительно «изменения тактики в 24 часа», ставит на очередь дня вопрос о терроре (под соусом «эксциративности» или каким-нибудь иным), зовет в момент собрания сая на немедленный штурм самодержавия («Рабочее Дело») и пр. и пр.

В основе же всех этих явлений лежит та общая для всех видов оппортунизма предпосылка, которая характеризует промежуточное социальное положение находящихся в сфере его идеологического влияния элементов рабочего класса. Эти элементы еще не самоопределились в смысле полной их пролетаризации, они еще сотнями нитей связаны с капиталистическим обществом какими-то призраками хозяйственной «самостоятельности», какой-то видимостью «собственности» (русские кустари или выходцы из деревни, не порвавшие еще связи с землею, английские рабочие, не расставшиеся с призраками мещанского благополучия в форме пожизненных «коттеджей», участия в прибылях предприятия и т. п.).

Поэтому они гораздо охотнее принимают проповедь профессиональной борьбы за отвоевание себе хотя бы и скромного, но «осязательного» блага именно сегодня, именно в интересах данной группочки рабочих, в пределах данного конкретного союза или фабрики, чем пропаганду социал-демократических революционных идей о систематической общепролетарской борьбе за политическую власть пролетариата в интересах полной ликвидации капиталистического строя и замены его социалистическим строем. Оппортунизм

же в социалистических партиях идеологически отображает межуточное настроение «своей» аудитории; он не только не ставит перед собою задачи способствовать раскрепощению ее от мелкобуржуазных пережитков и предрассудков, но и всеми доступными ему средствами укрепляет их, подводит под обывательские настроения толпы несознательных рабочих теоретический фундамент и приспособляет для этой цели марксизм, обрабатывая его путем «критики» «устаревшей ортодоксии». В конечном же счете он прочно облюбовывает себе историческую роль социального буфера, долженствующего смягчать силу столкновения двух смертельных врагов—буржуазии и пролетариата, вечно путается в их ногах и задерживает неизбежный финал развертывающейся во времени и пространстве великой борьбы между старым отживающим и новым нарождающимся миром.

В виду этого революционные марксисты не могут игнорировать опасность от развития оппортунистических идей в рабочих партиях и обязаны ставить на очередь дня беспощадную войну с оппортунизмом всех мастей, цветов и видов. И эту войну им приходится вести не только на почве дискредитирования в глазах рабочей массы оппортунизма вообще, не только на почве выявления вредных сторон оппортунизма во всякой классовой борьбе, в какой бы стране и в какое бы время она ни происходила, но и путем тщательного изучения и критики всех софистических ухищрений представителей наиболее близкой к ним его разновидности в определенных условиях места и времени. Поэтому группа «Искры» и «Зари» не только освещает своим ортодоксально-марксистским прожектором болезненные явления внутри рабочих партий Франции, Германии и других европейских стран, не только направляет острое своей сокружительной критики против оппортунизма, как против универсального явления, заноса время от времени свой анатомический нож над бернштейнством, миллерандизмом, жоресизмом и т. д. и т. д., но также, и даже с преимущественным вниманием, как того и следовало ожидать, присматривается к тому отечественному оппортунизму в недрах Р. С.-Д. Р. П., который выразился в форме так наз. «экономизма». Война, непримиримая, беспощадная война с «экономистами» стала одной из важнейших задач «Искры» с первого же момента ее появления на свет. Не даром в № 1 «Искры» статья о роли и значении зубатовщины («Новые друзья русского пролетариата») имеет «ехидный» подзаголовок, крайне разобидевший рабочемысленцев: „Посвящается «Рабочей Мысли»“.

В развитии «экономизма» следует различать два момента: «экономизм», как практику борьбы рабочего класса в 90-х годах, выросшую стихийно на почве первого пробуждения интересов рабочей массы к стачечным методам отвоения у

капитала некоторых благ (повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, уничтожение штрафов и т. д.), и «экономизм», как теоретическую систему, возводившую эту практику в самодовлеющий закон классового самоопределения пролетариата.

Более старовенные теоретики «экономизма» (авторы пресловутого документа «Credo», «Рабочая Мысль» и др.) договаривались до крайних логических последствий своей исходной точки зрения. Вот ход мыслей представителей либеральной рабочей политики (Кусковой, Прокоповича и К³): «Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения — линия наименьшего сопротивления». Эта линия, не в пример западно-европейскому рабочему движению, которое, дескать, вступало на путь политической борьбы, подготовленный и расширенный завоеваниями буржуазии и мелкого мещанства, «у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности». «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву». Отсюда вывод: «Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности». Иначе говоря — для русских рабочих историческими судьбами предначертан путь экономической борьбы за «осязательные результаты», а политику будет делать либеральная оппозиция. Что же касается революционного марксизма, то он («марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный, пользующийся слишком схематичным представлением классового общества») должен «уступить свое место марксизму демократическому», причем стремление партии «к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении»¹. С другой стороны, более решительные экономисты из «Рабочей Мысли» проповедывали, что борьба за экономические интересы «самая упорная, самая сильная по количеству душ, которым она понятна» и что «таков закон природы». Из этого вытекает, что «политика всегда послушно следует за экономикой», и «борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы, — вот девиз рабочего движения». Тут же указан и путь этой борьбы, которая ведется рабочими «не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей»: «стремление рабочих заводить кассы знаменует переход к вполне сознательной эпохе движения. Эти кассы должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба

¹ Все приведенные цитаты взяты из «Credo».

во время боя, во время стачек. Вокруг касс должны группироваться рабочие, и каждая из них дорожке для движения, чем сотня других организаций»¹.

Нет надобности умножать еще цитаты для характеристики смелой точки зрения откровенных экономистов. Дело ясное: «закон природы (а кто же не лишенный здравого смысла, осмелится нигилистически стать в оппозицию к законам природы!), или подсказанные ходом истории предпосылки социального развития предопределяли особые пути рабочего движения в России: для рабочего класса и понятна, и целесообразна и возможна только экономическая борьба со своими хозяевами,—борьба для себя и своих детей.

На почве этих рассуждений и выводов нетрудно было бы сосчитать с откровенным экономизмом, ибо его более чем вульгарный «объективизм», с претензией на научность и даже как будто бы на марксизм, и грубая, совершенно не затуманенная тенденция бросить рабочие массы на тот самый путь исключительно профессиональной борьбы, который по иным мотивам был облюбован и Зубатовым, могли бы сыграть положительную роль с точки зрения революционно-марксистской критики, как «доказательство от противного», как образец явной уродливости подлаживающейся под марксизм либеральной или мелкобуржуазной мысли. Но оппортунизм далеко не всегда бывает достаточно последовательным и откровенным, а скорее наоборот—гибкость и гуттаперчевая эластичность формулировок, увертливость, нагромождение новых «теорий» и софистика представляют его настоящую природу. И действительно, экономизм примитивный быстро уступил свое место экономизму замаскированному, но тем более опасному. Этот вид экономизма нашел себе наиболее яркое выражение в литературных выступлениях Кричевского, Мартынова и их сотоварищей, сгруппировавшихся около органа заграничного «Союза русских социал-демократов» «Рабочее Дело». С этим-то увертливым направлением, которое, по словам автора «Что делать», представляло из себя «не столько прямое отрицание «великих слов», сколько их опошление», и предстояло выдержать нешуточный бой группе «Искры» и «Зари». В конце концов, «экономизм» был окончательно выбит из его последних позиций, и оппортунизм должен был искать новых форм, чтобы опять разеернуть свои силы, но эта новая стадия его развития относится уже к последующему расхождению двух линий, «двух тактик» в недрах Р. С.-Д. Р. П., и составляет особую страницу в истории его эволюции. А сейчас дадим место краткому изложению основных моментов идейного поединка между представителями «Искры» и «Рабочего Дела», не вдаваясь в подробности, так как яркая,

¹ Из передовой статьи в № 1 «Рабочей Мысли».

сочная аргументация «Искры» — как в фокусе — вся отображена в известном сочинении Ленина «Что делать?», к которому мы и отсылаем читателя для непосредственного ознакомления с данным эпизодом из истории нашей партии.

По поводу жалоб «Рабочего Дела» на «Искру» и «Зарю», которые якобы покушаются на «свободу критики», автор «Что делать?» тщательным анализом подлинных отношений своих идейных противников к оппортунизму в международной социал-демократии, вообще, и к русской социал-демократии, в частности, устанавливает несомненную их тенденцию брать под свою защиту этот оппортунизм под предлогом охраны принципа «свободы критики». В период теоретического штатания в партии и внесенной русскими оппортунистами смуты умов требование со стороны «Рабочего Дела» благодушного отношения к выступлениям всякого рода «критиков» марксизма лучше всего характеризовало позицию самого «Рабочего Дела», совершенно не понимавшего и не одобрявшего лозунга «Искры»: «прежде чем объединиться, необходимо сначала размежеваться».

Но самым главным аргументом «Рабочего Дела» был тезис о преуменьшении «Искрой» и «Зарей» значения объективного или стихийного элемента развития. Этот тезис был выдвинут тогда, когда рабочие были еще во власти стихийного увлечения экономической борьбой за «осязательные» результаты, когда «Рабочая Мысль» продолжала еще свою проповедь стачечных касс, которые «дороже для движения, чем сотни других организаций», когда подавление сознательности стихийностью происходило тоже стихийным путем жандармских опустошений в рядах «стариков», приверженцев ортодоксии. Но этого мало: огромная заслуга автора «Что делать?» заключается в том, что он чрезвычайно отчетливо, без теоретических уверток, поставил ребром вопрос о том, выливается ли социализм сам собою непосредственно из рабочего движения, или же привносится в это последнее извне? «Что делать?» решает этот вопрос в том смысле, что рабочее движение само по себе не порождает еще социализма, а лишь увлекается теоретиками научного социализма в сторону классовой социал-демократической борьбы. Всякое же самоотстранение социал-демократии от роли такого внешнего фактора, приносящего сознательность в стихию рабочего движения, означало бы отдачу пролетариата во власть буржуазии, которая всегда и везде подчиняет своему идеологическому господству рабочие массы там, где нет достаточно активной социалистической пропаганды.

В связи с этим вопросом «Рабочее Дело» выдвинуло «теорию» «тактики-процесса» в противовес «Искровой» позиции, которую оно характеризует, как «тактику-план». Это все те же вариации на тему о самодовлеющем рабочем движении,

которое, дескать, требует от социал-демократии приспособления к нему, а не воздействия на него.

«Рабочее Дело» старается отмежеваться от прямого, открытого «экономизма» и не идет вслед за авторами «Стедо», утверждающими, что уделом рабочего класса в России является исключительно экономическая борьба. Не только экономическая, но и политическая,—резонно устанавливает свою точку зрения «Раб. Дело». Но вся штука в том, что «политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны, однако, на первых порах соответствовать опыту, извлеченному данным слоем рабочих из экономической борьбы. Только на почве этого опыта можно и должно приступать к политической агитации». Таким образом, здесь налицо «теория стадий»: сначала экономической борьбы, а потом уж на почве приобретенного опыта этой борьбы, политическая агитация; это та самая теория, которая в зачаточном состоянии была выдвинута еще в 90-х годах—в брошюре об агитации. Но там она была подеказана в значительной мере практикой движения среди ремесленников-евреев западного края и не претендовала на универсальное значение. Хотя некоторые бундовские комитеты долго еще умудрялись изгонять из обихода своей революционной практики политическую агитацию, тем не менее вздорность теории была ко времени 4-го съезда Бунда совершенно уже ясна для организации в целом, и в отчете о 4-м съезде констатируется следующий факт: «Не было ни одного голоса на съезде против того, что в настоящее время необходимо перейти к более интенсивной политической агитации. Старые тезисы о необходимости переходных стадий или ступеней, сначала чисто-экономической борьбы без тени политической, а потом и политической, начиная малыми дозами и кончая крупными, были отвергнуты». «Политический гнет сам по себе так бьет в глаза, что рабочий не нуждается ни в каких стадиях для уразумения его»—умозаключает автор отчета. Итак, даже Бунд, который, в общем и целом, слишком много грешил на протяжении всей своей долгой жизни, а в частности, и в период старой «Искры», оппортунистическим шатанием мысли, решительно поставил крест над теорией стадий, между тем как «Рабочее Дело» продолжало еще хвататься за нее, как за соломинку, которая должна спасти его от потопления в море безвыходных противоречий.

Точно также «Рабочее Дело», отрекшись от экономизма, всячески старается тщательно подобранной фразеологией доказать, что оно отнюдь не отмахивается от политической борьбы и даже считает необходимым «придать самой экономической борьбе политический характер». Но, чтобы сохранить во что бы то ни стало свое антиискровское лицо, «Раб. Дело» спешит отмежеваться от «Искры», которая, по его

мнению, ставит «революционизирование догмы выше революционизирования жизни»; оно пытается уложить «жизненное», реальное содержание в свою формулу о придании экономической борьбе политического характера. Для этого стоит только расширить понятие экономической борьбы: «экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством... наталкивает рабочих на вопрос об их политическом бесправии». Понимает ли при этом автор этой формулы (Мартынов), что экономическая борьба с правительством—это, конечно, известный вид политической борьбы, но какой—социал-демократической или тред-юнионистской? Как бы то ни было, но его пояснение, что «наша партия могла бы и должна была бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий против экономической эксплуатации, против безработицы, против голода и т. д.»—не оставляет никакого сомнения, что речь у него идет именно о тред-юнионистской политической борьбе за социальные реформы. Такого рода «конкретные требования», по словам Мартынова, «не были бы пустым звуком, потому что, суля известные осязательные результаты (опять эти пресловутые «осязательные результаты» П. Л.), они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой». Принимая во внимание, что все это говорится с полемической целью «в пику» «Искре», легко понять, что, например, политические лозунги о поддержке протестующих студентов выступлением рабочих масс на улицу представляют «пустой звук», ибо не сулят массам «осязательных результатов». Одним словом, «Раб Дело» «неповинно в одностороннем признании за рабочим движением исключительно характера экономической борьбы (о, рабочедельцы ведь не «экономисты»!), но то диалектическое содержание, которое оно укладывает в понятие политической борьбы, ничего общего с социал-демократической борьбой не имеет и великолепно характеризует тред-юнионистскую, реформистскую природу этого направления.

Представители экономизма во главе с «Раб. Дело» очень много говорили о том, что «Искра», «насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью», переоценивая «роль идеологии (программ, теорий...), теряющая классовую точку зрения в поисках за союзниками, с которыми ее связывает «общность недовольства правительством»¹, в то же самое время не умеет решить проблемы повышения активности масс. Этот упрек по адресу «Искры» очень охотно посылало то самое «Рабочее Дело», тот самый рупор подлинного ухищренного экономизма, через который в ряды социал-демократии проникали всевозможные теории — о приоритете стихийности

¹ Все эти упреки принадлежат авторам «Письма в русские социал-демократические органы», помещенного в № 12 «Искры».

массового движения, о «тактике-процессе» и т. д. Само собой разумеется, что это означало—валить с большой головы на здоровую. Именно никто иной, как «Рабочее Дело» бесполезно пасовало перед практическим вопросом о способах повышения активности масс, ибо со своей пассивностью, со своим преклонением перед стихийностью оно имело много общего с проповедниками террора, преклонявшимися, по выражению автора «Что делать?», «перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением». Когда весной 1901 г. выплыл вопрос о терроре, заставивший «Искру» сразу же принять вполне определенную отрицательную позицию по отношению к нему (см., например, ст. «С чего начать?» в № 4 «Искры»), «Раб. Дело» в недоумении остановилось перед этим «совершенно новым» вопросом, знаменующим, по его мнению, наступление исторического момента, который, мол, диктует и русской социал-демократии «исторический поворот» на 180°. Не даром же благосклонно относящаяся и присоединяющаяся к «Раб. Делу» полуанархическая «Свобода» чувствует себя смелой и решительной в своем построении теории эксцессивного (возбуждающего) террора. По этому поводу Ленин в «Что делать?» замечает, что «и террористы и экономисты недооценивают революционную активность масс...¹ причем одни бросаются искать искусственных «возбудителей», другие говорят о «конкретных требованиях».

Относительно взгляда «Раб. Дела» на оппозиционные и либеральные движения отметим только, что, протестуя против «односторонней» обличительной тактики «Искры» и проповедуя политику абстинензма соц.-демократии по отношению к либеральной оппозиции («либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбе за свои ближайшие интересы, которая их толкнет лицом к лицу с нашим политическим режимом»—говорит «Раб. Дело» устами Мартынова),—экономизм, по замечанию автора «Что делать?», проводит именно программу «Credo», ибо тащит социал-демократию к «экономической борьбе с хозяевами и с правительством», и пасует перед либерализмом, отказываясь от задачи активно вмешиваться в каждый «либеральный» вопрос и определять свое, социал-демократическое, отношение к этому вопросу».

В области организационных вопросов естественно было бы ожидать, что представители точки зрения «Рабочего Дела» и «Рабочей Мысли» в такой же мере склонны будут принять организационные задачи социал-демократии, в какой

¹ И это как раз весной 1901 г., когда начались крупные уличные демонстрации.

принизили политические, сведя их на борьбу с «хозяевами и правительством» за «осязательные», «конкретные» интересы рабочего класса, т. е., иначе говоря, на борьбу тред-юнионистского, профессионального характера. И действительно, это так и было. Образцом организационного оппортунизма можно считать «Устав союзной рабочей организации». В основе его лежит мысль о построении широкой и «доступной» для масс организации на выборных началах. На каждой фабрике устраиваются рабочие кружки не более 10 человек в каждом; эти рабочие кружки выбирают центральные фабричные группы, над которыми стоят районные организации, а вверх—«Комитет рабочей организации» и «Комитет СПб. Союза Борьбы», куда входят выборные от каждого района и от «исполнительных групп», выполняющих различные функции: пропаганды, сношения с провинцией, издательской деятельности, заведывания складами, кассами и т. д. И все это детализировано, регламентировано, втиснуто в десятки параграфов. Одного только в уставе нет: органов подлинно социал-демократической революционной работы. О широкой политической агитации—в уставе ни полслова. Созданная по типу легальных профессиональных союзов, эта организация на самом деле при русских политических условиях того времени не годилась даже для тред-юнионистской работы, ибо выборное начало, строгая отчетность на каждом шагу и тому подобные особенности организации представляли великолепную почву для проникновения в любую «центральную фабричную кассу» жандармских и полицейских щупальцев и выловления «крамолы».

Приверженцы экономизма, славословящие самодовлеющую стихию рабочего движения, демагогически противопоставляющие рабочих марксистской революционной интеллигенции и забывающих, что рабочих нужно подымать до уровня революционной социал-демократии, а не принижать революционеров до стихийной рабочей массы, эти представители тред-юнионистской точки зрения в недрах социал-демократической партии никак не могут возвыситься над точкой зрения мелкобуржуазного демократизма. Для них демократизм с его выборностью, отчетами и т. д. *conditio sine qua non*, или даже просто самоцель. Поэтому экономист постоянно склонен сбиваться на подмену идеи о строго конспиративной организации профессиональных революционеров мыслью о широких организациях рабочих кружков кустарнического типа; для него «выборность»—священный принцип организации, без чего соц.-демократическая партия рискует обратиться в заговорщическую организацию, напоминающую доброе старое время эпохи Ткачева или Нечаева. А когда ему напоминают о специфических особенностях самодержавного полицейского государства, его мысль тотчас же перескакивает с вопроса о

руководящей организации на вопрос о «корнях движения», и он упрямо начинает повторять свои «аргументы», варьируя их на тему: «десяток умников легче выловить, чем сотню дураков». Словом, он и слышать не хочет о том, чтобы партия вышла за пределы тред-юнионистского крохоборства и кустарничества, чтобы она отступила от условностей «демократизма» и самоопределилась по типу централистических конспиративных организаций, с подпольным ядром профессиональных революционеров во главе, и чтобы ее деятельность развернулась в плоскости широкой политической борьбы под знаком социал-демократических целей, вовлекая в эту борьбу не только рабочие массы, непосредственно руководимые социал-демократией, но и все, вообще, угнетенные и недовольные слои населения.

Но экономизм был далеко не единственным объектом внутрипартийной борьбы искровских теоретиков. Оппортунистическая повадка и склонность преследовать свою особую линию в интересах «независимости» своей приходской колокольни были свойственны очень многим группкам интеллигенции, присоединившимся к социал-демократии, представляя, так сказать, бытовое явление в неформальной и организационно не сплоченной Р. С.-Д. Р. П. того времени. Типичным, например, кружком в этом отношении является группа «Борьба», состоящая из нескольких социал-демократов литераторов, недурно владеющих пером, которым нельзя отказать и в марксистской выучке (с известными, впрочем, оговорками), но которые способны наговорить много пустяков, лишь бы только сохранить видимость своей самобытности и оригинальности, своей свободы от искровского «засилья», своей независимости от тягостных для них уз организационной дисциплины, диктуемой логикой борьбы. Правда, «борьбисты» отличаются от «рабочемысленцев» и «рабочедельцев» более явным тяготением к ортодоксальной точке зрения, и некоторые из будущих «борьбистов» охотно даже сотрудничают в «Искре» и «Заре» (например, перу Рязанова принадлежат в № 8 «Искры» статья «Царский каба́к» и заметка «Археология и Полиция», в № 9 «Искры» — статья «Голландия», в № 1 «Зари» — «Замечания на программу «Рабочего Дела», в №№ 2—3 «Зари» Ю. Невзоров (Стеклов) поместил статью «Социал-демократия, как носительница национального освобождения» и т. д.). Но зато группа «Борьба» очень невыгодно отличается от группы «Рабочего Дела» и в особенности — «Рабочей Мысли» в том отношении, что она не знаменует никакого ярко выраженного, определенного направления, из числа имеющих свою область распространения, свою аудиторию, своих приверженцев. Она представляет из себя чисто литературное явление, и ее буффонады против «Искры» имеют очень воинственный, но в то же время очень невинный характер, так как совер-

шенно не находят отклика в гуще масс и остаются гласом вопиющего в пустыне. Поэтому «Искра» могла позволить себе роскошь реагировать на выпады «Борьбы» лишь какой-нибудь парой насмешливых статей в том жанре, великим мастером которого был Г. В. Плеханов (см., например, его фельетоны, направленные против Рязанова, под заглавием: «Ортодоксальное буквоедство»).

Гораздо более серьезную борьбу пришлось выдержать «Искре», выступая против специфически - бундовского оппортунизма. «Бунд» — организация очень серьезная, возникшая в 1897 г. под именем «Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России». С 1901 г. «Бунд» издает на русском языке свой периодический орган за границей «Последние Известия» (всего за 5 лет вышло 256 №№), выпустив за тот же период целый ряд (35—40) отдельных заграничных изданий на русском же языке. Он сумел овладеть рабочим движением среди евреев западного края, придал этому движению известную стройность, организованность, приучил членов своей организации к партийной дисциплине и в смысле положительной практической работы достиг значительных результатов. Но в то же самое время его руководители, довольно беззаботные по части теории и не обладавшие марксистски выдержанным мировоззрением, не сумели возвыситься над стихийностью движения еврейских рабочих масс и поплелись в хвосте его.

Еврейские социал-демократы в районах западного края, прежде всего и главным образом, могли опереться на среду не фабричного, а ремесленного еврейского пролетариата, появившегося лишь во вторую половину XIX в., когда массы разоряемых, благодаря общим условиям все усиливающегося политического бесправия, евреев-торговцев должны были покидать сферу торговли и переходить в область ремесленного производства, заводя мелкие мастерские. Эксплуатация этим мелким, отсталым, хищническим капиталом незащитной, бесправной и способной доводить свои потребности до невероятного минимума еврейской бедноты не поддается описанию. Но в глазах всей еврейской массы в целом основным источником ее бедственных положений представлялись полицейские ограничения свободы конкуренции еврейского населения с христианским, поставленным в более привилегированное положение по сравнению с евреями. Ненависть этих последних к правительству, систематически душившему еврейскую народность и широко практиковавшему методы еврейских погромов, являлась очень благодарной почвой для политической агитации в массах еврейского населения, и не даром мысль о переходе от кружковой пропаганды к массовой агитации раньше всего явилась в умах социал-демократов западного края. А целый ряд удачных стачек в 90-х годах

приохотил еврейские рабочие массы к «действиям скопом», к коллективным формам борьбы. Но при всем этом идеи социализма очень медленно проникали в среду ремесленных еврейских рабочих, и местным социал-демократам предстояла большая работа по распропагандированию своей аудитории в этом отношении.

Еврейская социал-демократия, однако, пошла по линии наименьшего сопротивления. Сделавши исходной точкой своей работы борьбу рабочих с хозяевами на почве повседневных нужд той или иной группы рабочих, социал-демократы еврейской организации далеко не ушли от этого пункта и не успели поднять сознания еврейских масс до понимания солидарности своих интересов с интересами русского пролетариата на широкой основе политической борьбы с общим врагом — самодержавием, которое стояло на пути к их классовому самоопределению в решительной борьбе с капиталом. Мало того, «Бунд» стал на наклонную плоскость борьбы за национальный сепаратизм еврейских трудовых масс и скоро доказался чуть ли не до сионистской точки зрения.

Еще в 1898 г., на I-м съезде, за Бундом было признано право на автономное существование: съезд постановил, что «общееврейский рабочий союз в России и Польше входит в партию, как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата». С такими оговорками и ограничениями каждый из комитетов мог бы считать себя автономным. Если же съезд считал нужным упомянуть специально об автономии Бунда, то это было сделано только для того, чтобы оттенить два исторически необходимых и естественных момента в самостоятельной работе Бунда: 1) необходимость вести пропаганду среди еврейской массы на еврейском языке и 2) огромное значение в этой пропаганде требования гражданского равноправия для евреев, — требования, в котором русские рабочие не были, конечно, столь непосредственно заинтересованы, как еврейские. Но тогда еще никому и в голову не приходило, что особый пункт о самостоятельности еврейской социал-демократической организации может повести ее к сепаратизму на почве националистических тенденций, «так как нельзя было представить себе возможность таких тенденций у евреев в России, страдающих, как известно, не оттого, что стесняют их национальную культуру, а оттого, что их не допускают к русской культуре»¹. И действительно, в первые годы существования Бунда никаких недоразумений на этот счет не было. На 3-м съезде Бунда в 1900 г. был поставлен вопрос о замене в программе требования гражданского равноправия более принципиальным требованием нацио-

¹ К. К. «О еврейском рабочем движении». «Заря», № 4.

нального равноправия, причем автор этого предположения, как видно из его мотивировки, под национальными правами евреев понимал право евреев говорить на еврейских собраниях по-еврейски. Съезд, считая достаточным с этой точки зрения формулу о гражданском равноправии, отклонил предложение о внесении в программу национального пункта.

Но вот, в апреле 1901 г., на 4-м съезде Бунда национальный вопрос ставится во весь свой рост и при том в плоскости разрешения национальной проблемы в духе резолюций съезда австрийских социал-демократов в Брюне. Как ни слаба, как ни поверхностна была аналогия между положением различных народностей в Австрии, где источником национальной вражды в значительной мере являлась конкуренция между собой буржуазных слоев этих национальностей, и в централизованной самодержавной России, где тормазом для прогресса являлось правительство, удушавшее всякое проявление народной самодеятельности, как ни странно звучали в устах социал-демократов речи, сбивавшиеся на сионистскую точку зрения о признании евреев нацией в политическом смысле, тем не менее 4-й съезд Бунда признал в принципе право евреев на национальную автономию и вынес решение, что Бунд входит в Р. С.-Д. Р. П. как самостоятельное целое на федеративных началах.

Сказавши А. Бунд был принужден сказать и Б. В № 105 «Последних Известий» (от 28/15 янв. 1903 г.) прямо уже говорится о том, что «еврейский пролетариат сложился в самостоятельную политическую партию Бунд», которая претендует на то, чтобы другие, «посторонние» организации не смели организовывать «еврейских» рабочих вместе и нераздельно с «христианскими»¹. По этому поводу «Искра» замечает: «И ведь этот глубоко-прискорбный факт—не случайность. Раз вместо автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, вы потребовали «федерации»,—вам пришлось объявить Бунд «самостоятельной политической партией», чтобы иметь возможность провести эту федерацию во что бы то ни стало. Но объявление Бунда самостоятельной политической партией есть именно доведение до абсурда основной ошибки по национальному вопросу, которое непременно и неизбежно послужит исходным пунктом поворота в воззрениях еврейского пролетариата и еврейских социал-демократов вообще»².

Ответ на эти упреки орган Бунда, опираясь, главным образом, на тот аргумент, что «Бунд, со дня своего образования вплоть до наших дней, работал и развивался, как совершенно

¹ См. ст. Ленина в «Искре» № 34 «Нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату».

² Там же.

самостоятельная партия. Ни у кого не спрашивая (спрашивать не у кого было), справляясь с интересами еврейского пролетариата, он совершенствовал, менял и умножал свои органы, расширял поле своей деятельности, разрешал все вопросы теории и практики,—как частные, так и общие—выработал даже свою национальную программу»...

Вряд ли можно было бы отдать слишком большую дань уважения теоретической работе мысли еврейских социал-демократов. Слишком уж много эта мысль грешила в свое время и уклоном в сторону экономизма, и террористическими увлечениями (после выстрела Леккерта), и националистическими тенденциями. Вот, например, краткий «обвинительный акт» по этому поводу, принадлежащий перу Ленина: «некогда Бунд поддерживал экономизм, содействовал расколу за границей, принимал решения, что экономическая борьба есть лучшее средство политической агитации... Мы боролись против террористических увлечений... Мы уверены, что минуют и увлечения национальные»¹. Но дело не в этих ошибках и не в том, что «Последние Известия» несколько программных резолюций Бунда по злободневным вопросам принимали за серьезную «самостоятельную» работу в области теории и партийной программы. А главный вопрос заключался в том, можно ли считать такого рода «самостоятельность» за отрадное или нормальное явление и следует ли ее обращать в правило жизни.

На этот вопрос «Искра» дает такой ответ: «это было неизбежно при условии раздробленности партии, но это-то обстоятельство и завело наше движение в тот тупой переулок, из которого необходимо выйти ценой героических усилий. Это-то и создало в партии ту атмосферу кустарнических точек зрения, местных интересов и микроскопических «задач», в которой движение стало задыхаться и из которой наиболее сознательные члены партии стараются его вывести. А чтобы вывести движение на новый путь, необходимо покончить с той «самостоятельностью» своего «прихода», при которой каждая отдельная организация «решает все вопросы, ни у кого не спрашивая» и считаясь с «интересами своего пролетариата», и когда важнейшие вопросы теории и программы просто ускользают из поля зрения местных деятелей или же «решаются» применительно к убожеству местных «интересов». Вот почему приходским «патриотам» заботы о действительном объединении нашей партии должны казаться злоумышлением против их собственной «самостоятельности»².

¹ «По поводу заявления Бунда», «Искра» № 33.

² «Единая русская социал-демократия и интересы еврейского пролетариата», № 34 «Искры».

Но напрасны были попытки «Искры» (а впоследствии огромного большинства 2-го съезда) «усовестить» представителей бундовского национализма, заставить Бунд изжить эту болезнь. «Последним словом бундовского национализма» (см. «Искру» № 46) было решение V съезда Бунда о принятии «проекта устава», первый параграф которого гласил: «Бунд есть федеративная часть Росс. Соц.-Дем. Раб. партии». Применительно к понятию о федерации в проекте неоднократно говорится о «договаривающихся сторонах». Бунд выговаривает себе «представительство» в Ц. К. партии и позволяет Ц. К. партии сноситься с отдельными комитетами Бунда «лишь с согласия Ц. К. Бунда». Бунд оставляет за собою монополию на представительство еврейского пролетариата (§ 2 устава). И т. д. и т. д. Дальше этого, повидимому, идти было некуда.

Окончательно облюбовавши, таким образом, свою особую точку зрения на взаимоотношения между Р. С.-Д. Р. П. и Бундом, этот последний и на 2-й съезд партии послал своих представителей с вполне готовым уже решением, которое неизбежно должно было кончиться их демонстративным уходом со съезда, когда выдвинутый ими принцип федеративных отношений между партией и Бундом был остальными членами съезда решительно отвергнут.

III. «Искра» в роли передового борца за демократию ¹

Мы уже видели, что и «Рабочее Дело», и авторы экономического письма (№ 12 «Искры»), и прочие оппортунисты времен «Искры» считали признаком хорошего «марксистского» тона морщить пренебрежительно нос по поводу того, что «Искра» посвящает много внимания российской оппозиционной демократии и ищет себе сомнительных «союзников» в лице либералов и интеллигенции, причем в этих поисках якобы теряет часто классовую точку зрения и затушевывает классовые противоречия. Никто, однако, из оппонентов «Искры» конкретных примеров такого затушевыванья классовых противоречий привести не смог по той простой причине, что «Искра» абсолютно была неповинна в этом грехе. Что же касается поддержки революционной партией пролетариата оппозиционных слоев в их борьбе с самодержавием и руководства этой борьбой, то «Искра» действительно считала такую поддержку и такое руководство одним из глав-

¹ Эта глава в несколько видоизмененном виде была напечатана отдельной статьей в № 14 «Пролетарской Революции» под заглавием: «Попутчики пролетариата в период старой «Искры».

нейших членов своего социал-демократического символа веры. Отказ от этой роли, по мнению «Искры», был бы равносильным выдаче социал-демократами самим себе *testimonium pauperitatis* (свидетельства о бедности), ибо если бы социал-демократия прошла мимо оппозиции, то руководящая роль в деле направления недовольства оппозиционных слоев перешла бы в руки буржуазной демократии.

Кроме того, вмешательство социал-демократии в политическую борьбу всех классов населения, если бы даже оно и не сулило непосредственных результатов в смысле обострения этой борьбы и подчинения ее гегемонии социал-демократической партии, представляет чрезвычайно важный фактор повышения уровня политической сознательности рабочего класса, который на примерах классовых взаимоотношений и на конкретных эпизодах развертывающейся во времени и пространстве борьбы различных классов лучше всего усвоит уроки истории, скорее всего поймет основы марксистского учения и с наименьшей затратой сил разрешит собственную задачу своего классового самоопределения.

«Классовое политическое сознание» — говорит Ленин в «Что делать?» — может быть привнесено рабочему только извне, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений всех классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание, нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: «итти к рабочим». Чтобы принести рабочим политическое знание, социал-демократы должны итти во все классы населения, должны рассылать во все стороны отряды своей армии. Поэтому нельзя бояться пересолить в утверждении, «что идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а народный трибун, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать перед всеми свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата».

Посмотрим теперь, в какой обстановке и как «Искра» осуществляла свою задачу по части поддержки и революционизирования главных «подутчиков» (в то время) пролетариата—

студенчества, земцев, крестьянства. Начнем с учащейся молодежи.

Было время—в эпоху 60-х и 70-х годов, когда студенчество представляло из себя как бы суррогат революционного «класса», суррогат массы, питающей живыми силами революционный боевой авангард. «Студенческая среда»—говорит в «Русской Истории» М. Н. Покровский,—«представляла как нельзя более благоприятный элемент для распространения социалистического учения, так как, очевидно, усвоить учение, отвергающее личную собственность, легче было тому, у кого собственности не было и кто обладал к тому же соответственным умственным и нравственным развитием»¹.

Но когда погасли последние огни старого революционного народничества, и над русской общественной жизнью повисла темная ночь победоносцевской реакции, тогда и университеты перестали быть очагами революционного брожения. Сжатое в тиски толстовско-деляновского режима студенчество притихло, приумолкло и облагоднамерилось. Оставались еще редкие единицы, которые продолжали подбирать крохи старого революционного наследства, время от времени неожиданными вспышками революционной энергии на минуту прорезывали яркой молнией мрак окружающей ночи и своим предсмертным боевым криком нарушали кладбищенскую тишину русской общественности: таковы, например, были Ульянов, Генералов, Швырев и другие первоапрельцы, так сказать, второго призыва². Но масса студенчества была задавлена, обезвожена и обезличена. Правда, ее хватало иногда на судорожные движения протеста против устава 1884 г. Но эти судороги выявляли лишь бессилие студенчества скольконибудь успешно бороться с порабителителями их академической свободы—при гробовом молчании запуганных и растерянных «отцов». Студенческие волнения в 1887 и 1890 г.г. ни на одну ноту не расшатывают «основ», никого не запугивают и в лучшем случае служат в некотором роде первыми предметными уроками революционного воспитания. Очень многие из молодежи впервые здесь познают жизнерадостные эмоции приведенной в мятежное состояние души и получают, так сказать, революционное крещение.

Но вот приходит знаменательное десятилетие 90-х годов, и картина резко изменяется. На историческую авансцену выступает подлинный революционный мессия—рабочий класс. Небывалая стачечная волна 95—97 гг. встряхивает отупелую царскую Россию, гальванизирует интеллигенцию, приводит в состояние большого беспокойства бюрократию, расшевеливает либеральную буржуазию, пробуждает от сна массы кре-

¹ «Русск. История». Изд. 3-е, стр. 178.

² Покушение на Александра III 1-го марта 1887 г.

стынства, и в первую голову революционно заряжает отзывчивую студенческую молодежь. «Рабочее движение научило студентов новому способу борьбы.—«Забастовку»—это новое несвойственное студенту слово и деяние—навязали вам люди, непричастные к интересам науки и университета»,—пишут 52 московских профессора в своем «отеческом» обращении к студентам¹.

И вот, в 1899-м году 25.000 студентов 30 различных высших учебных заведений впервые в истории студенческой борьбы испытывают этот новый метод сопротивления и протеста против властных насильников, т.-е. забастовку. Правда, студенческая борьба 1899 г. носит характер чисто академического движения, но перелом в жизни высших учебных заведений уже был налицо, и толчок для дальнейших выступлений молодежи на путь революционного протеста получился достаточно сильный.

Пуценная в ход казацкая нагайка сделала свое дело и положила предел долготерпению учащейся молодежи. И с этих пор между двумя сторонами начинается обмен «любезностями». Правительство реагирует на университетские «беспорядки» массовыми арестами, ссылками и всякого вида репрессиями, в том числе и царским указом—участников беспорядков сдавать в солдаты, а студенты продолжают бросать вызов своему свирепому врагу, устраивают демонстрации, распространяют прокламации, в которых клеймят правительство и самодержавный строй.

Совершенно ничтожный эпизод—незначительная манифестация киевских студентов при проводах высылаемых 2-х товарищей осенью 1900 года—дает повод правительству привести в исполнение свою угрозу: 183-х киевских студентов оно сдает в солдаты, а вскоре после того и еще 30 человек студентов из Петербургского университета. Рептильная печать улюлюкает и рукоплещет этой мере, а настроение студенчества находит себе нравственный выход в раздавшемся 14-го февраля выстреле Карповича, уложившем министра Боголепова. Радостно взволнованное студенчество поспешило сложить по этому поводу песенку:

Радуйтесь, честные правды поборники,
Влисок желанный ковец.
Дрогнуло царство жандармов и дворняков,
Умер великий подлец.

Заглянем в 3-й номер (апрель 1901 г.) «Искры». Он почти весь посвящен обзору ярких фактов студенческого революционного выступления и открывается статьей «Бурный месяц». Что же такое случилось в этот «бурный месяц»? А вот что: 19-е февраля ознаменовалось манифестацией в Петербурге

¹ М. Лялов «История Росс. С.-Д. рабочей партии», ч. 2-я, стр. 221.

(правда, очень слабой) и в Харькове (закончившейся на Сумской улице столкновением войск с толпой городских обывателей), 23—25 февраля в Москве, на почве студенческих волнений, дело дошло до серьезных столкновений манифестирующих масс с казаками и полицией, а 4-го марта, у Казанского собора, произошла кровавая бойня: на многочисленную толпу демонстрантов из студентов и курсисток градоначальник Клейгельс напустил пьяную, озверелую орду казаков и городских. И все-таки,—может спросить читатель,—как ни драматичны эти моменты сами по себе, что же в них заключается такого особенного, что могло бы произвести огромное впечатление на социал-демократию, вообще, и, в частности на «Искру»? Ведь, избиения студентов случались и раньше. Почему же февральские и мартовские демонстрации открывают, по словам «Искры», «новую эпоху в русской истории»?

Ответ очень прост: «на безумные выходки зарвавшегося правительства (отдачу студентов в солдаты и торжественное отлучение Толстого)—пролетариат громко ответил выражением своей солидарности и с «бунтующими» студентами и с отлученным писателем»¹. Прогноз «Искры» относительно того, что пролетариат, вопреки вещаниям «экономистов» и марксистобразных либералов, все более и более начнет втягиваться в политическую борьбу, поддерживая те или другие оппозиционные элементы,—нашел себе яркое подтверждение во время событий бурного месяца.

Передовое студенчество поняло, что «решение университетского вопроса надо искать в решении более широкого и неотложного вопроса—вопроса о расширении политических рамок для русской общественной жизни». И вот, под влиянием этого сознания, бурно настроенная учащаяся молодежь выносит свою тяжесть с самодержавной бюрократией на улицу, она прибегает к способу уличных демонстраций. И не ошибается в своем расчете: «улица» и, главным образом, население рабочих кварталов совершенно определенно выражает свои симпатии студентам и близко принимает к сердцу их, казалось бы, чисто студенческое дело. Любопытно при этом отметить, что пролетариат принял активное участие в политических демонстрациях студентов в большинстве случаев помимо своих руководителей, иногда же и вопреки воле местных социал-демократических организаций. По этому поводу «Искра» замечает: «Нельзя не выразить сожаления по поводу бездействия с.-д. «Союза Борьбы» в СПб., Ком. Р. С. Д. Р. П. Позволительно ли было социал-демократии не откликнуться на студенческое движение, не обратиться к рабочим с разъяснением его, не призвать рабочих на demonstra-

¹ Февральский листок, изданный кассой взаимопомощи студентов СПб. университета.

цию против правительства Клейгельсов и Боголеповых? Очевидно, здесь сказались печальные плоды той пропаганды, которая так усердно велась в СПб. последние два-три года: с одной стороны, «экономисты» усердно приглашали „не забегать вперед“ против неразвитых масс... С другой стороны, столичные «критики» и «бершштейнианцы» играли на руку «экономистам» своим «разносом» ортодоксального марксизма»¹. В обозрении московских событий 23—25 февраля искровский обозреватель остроумно замечает по поводу выступления охотнорядцев на защиту студентов: «Уж если охотнорядцы готовы содействовать политической борьбе, то можно надеяться, что недалеко то время, когда в ней примут участие и наши «экономисты»».

Интересно отметить еще одно любопытное и характерное обстоятельство. Когда казаки и полиция набрасываются на толпу студентов и курсисток, то как бы эта толпа ни была мала всегда получается одна и та же картина: студенты пытаются остановить полицейскую удаль гневными окриками: «Не смейте трогать женщин!» Эти окрики несколько, однако, не мешают полицейской сволочи делать свое дело. Лихо работают кулаки, нагайки и палки. Демонстранты разбегаются. Курсистки реагируют на ужасы избиения истерикой. Чувствуя полную беспомощность своих жертв, казаки и полицейские еще более стервенеют, еще более входят в раж, и на опустевшей площади остается много избитых до полусмерти, плавающих в крови демонстрантов в совершенно истерзанном виде. Не то бывает, когда полицейская или казачья орда накидывается на толпу рабочих. Тут им победа достается далеко не так легко. Их встречают снежками и осколками льда. Против полицейского кулака очень часто подымается мускулистая рука рабочего. Упрямый демонстрант здесь не спешит отступить перед свирепым янычаром. И грозный полицейский вояка нередко сам отступает перед напором рабочей толпы. А если кучка рабочих, не выдерживая натиска врагов, и подается назад, то лишь для того, чтобы сгрудиться в другом месте, на соседней улице. И удивительное дело! число разбитых голов и окровавленных человеческих фигур среди манифестирующей рабочей массы гораздо меньше, чем в аналогичных случаях при нападении полиции на демонстрантов-студентов.

Еще одна особенность. В то время, когда «улица»—широкие слои городского населения и, главным образом, пролетариата—с такой революционной готовностью поддержала студенческое выступление, вожди студенчества не всегда ясно понимали и хорошо оценивали значение этого факта. Так, например, 25 февраля, в момент высшего напряжения уличной борьбы в Москве, студенческий «Исполнительный

¹ «Искра» № 3 «Из нашей общественной жизни».

комитет» выпустил воззвание с настоятельным приглашением студентов не принимать участия в уличных демонстрациях в интересах сбережения сил для проведения «обструкций» в университете. По этому поводу «Искра» замечает: «Г.г. представители «Исполнительного Комитета» испугались развития студенческого протеста в политическое движение и пожелали поставить его опять на профессиональную почву, что на самом деле только ослабило бы его силу. Обычная либеральная близорукость».

«Бурный месяц» принес свои плоды. Перепуганное уличными демонстрациями правительство отступило перед перспективами нарастания революционных настроений внутри страны и возбуждения общественного мнения в Европе¹.

Царь залепетал что-то насчет «сердечного попечения», и назначенный на место Боголепова brave генерал Ванновский поспешил «приказом» по своему ведомству всем чиновникам проникнуться немедленно сердечным попечением. Либеральная пресса, по обыкновению, стала захлебываться от восторга и превозносить до небес благожелательность к студентам «хозяина земли русской».

Но не надо было обладать даром пророчества, чтобы наперед предсказать крах этой лицемерной политики «сердечного попечения», ибо легче было верблюду пролезть через игольное ушко, чем азиатскому правительству самодержавной России изменить своим исконным традициям удушения всего живого в стране, награждения бичами и скорпионами всякого, кто осмелится поднять голос против невыносимого гнета самодержавия.

Правительство посулило студентам реформы, но и через полгода после февральских событий многие из отданных под «красную шапку» продолжали еще томиться в казематах. Обещанные реформы очень плохо вязались с такими актами, как подтверждение циркуляра о прикреплении к университетам (обязательство для студентов вступать в определенный университет—по месту окончания гимназии), отдача под надзор полиции уволенных студентов, запрещение поступления евреев в некоторые специальные учебные заведения, попытки ограничения приема евреев в университеты двухпроцентной нормой и т. д. Само собой разумеется, что от такой поли-

¹ Возмущение по поводу русских событий в феврале—марте 1901 г. и горячее чувство симпатии к выступившему на путь уличной борьбы русскому пролетариату охватили не только ряды европейского пролетариата, но и либеральную интеллигенцию Зап. Европы. Профессора и студенты почти всех стран опубликовали свои протесты. Международный соц. секретариат обратился с предложением к рабочим всех стран приветствовать на майских собраниях русских борцов. В Австрии, Бельгии, Швейцарии, Франции, Швеции были устроены специальные собрания для выражения протеста против гнусного образа действия царского правительства.

тики сердечного попечения студенчество не могло успокоиться, и брожение в его среде не прекращалось. В конце 1901 г. снова прокатывается волна студенческих волнений (в Киеве, в Москве, в Петербурге, в Харькове, в Ярославле). И опять новые кулачные расправы полиции над демонстрантами.

Через год после «бурного месяца» 1901 г. снова наступают революционные февральско-мартовские дни.

В первых числах февраля (2—3 числа) разыгрались события в Киеве. Студенческая демонстрация носила ярко выраженный характер политической борьбы с самодержавием и в значительной мере была подсказана Киевским Комитетом с.д. партии. Студенчество открыто признавало свой союз с рабочим классом, и одна из студенческих прокламаций заканчивалась призывом:

«Пойдем к рабочему народу:
В союзе с ним нас ждет успех» и т. д.

В Петербурге 8-го февраля повторились события, напоминающие бойню 4-го марта 1901 года. Знакомая картина! «Раззудись плечо, размахнись рука—и летит на пол тщедушная женская фигура: раззудись плечо... и кубарем катится по земле студент-горняк; в течение 2 часов размахивались руки—и в результате кровь... Разбитые лица, изуродованные физиономии, с кем-то случай помешательства»...

9-го февраля снова поднялось студенчество Московского университета. Ожидалось одновременное выступление и рабочих масс, но надежда эта рухнула, когда оказалось, что 10 фабрик оцеплены войсками и объявлены на военном положении. Дело кончилось грандиозным пленением молодежи казаками в стенах университета. Бутырская тюрьма переполнилась студентами и курсистками.

Но как этот эпизод, так и студенческие волнения в Петербурге (демонстрация 8-го февраля, а потом 3-го марта), дают уж несколько иную картину «студенческой революции», чем те же месяцы год тому назад. Чувствуется, что это бедная песня «бунтующего» студенчества.

Пролетариат, видимо, не удовлетворяется уже половинчатыми формами наступления передового авангарда мелкобуржуазной демократии; он ищет уже новых методов борьбы с самодержавием, и знаменитая ростовская стачка—демонстрация в ноябре 1902 года начинает собою как бы новую эру в истории революционной борьбы. Пролетариат впервые обнаруживает тенденцию обойтись без индивидуальных «героев», или лучше сказать заменить акты индивидуального героизма актами наступления на врага совокупностью множества незаметных, рядовых единиц революционной армии. Тут нет красивых поз умирающих гладиаторов, но зато

чувствуется сплошная стена того целого, того могучего коллектива, который станет непобедим, когда его классовая сознательность достигнет достаточно высокого уровня, и когда он, прочно цементированный этой сознательностью, хорошо организованный и сплоченный боевой дисциплиной, даст решительный бой деморализованному противнику.

С другой стороны, по мере того, как революция принимает все более отчетливые формы, и пролетариат начинает действовать самостоятельно, живой революционный дух отлетает от студенчества. В 14-м № «Освобождения» помещено «открытое письмо» сосланных в Сибирь студентов Москвы и Петербурга. Опьяненные красочными эффектами студенческих историй, авторы письма, между прочим, возвещают: «Студенческие волнения заставляют правительство со скрытою боязнью задуматься над положением дела: они ставят ему преграду в его беспредельном и безудержном самовластии»... Неумирающее студенческое движение, извольте видеть, одно из лучших средств, чтобы дать понять правительству «самым решительным образом», что оно «должно уступить так или иначе: кто не подчиняется исторической необходимости, тот сметается ею с лица земли».

Увы! это не без пафоса было сказано уже тогда, когда «неумирающее» студенческое движение, пропев в февралемарте свою лебединую песню, тихо скончалось. Таких революционных судорог, какие были в 1901—1902 гг., приумолкшее студенчество уже не переживало. «Искра» с этого времени почти проходит молчанием студенческий вопрос. Студенческая молодежь не смогла итти нога в ногу с широко шагавшим по пути революции пролетариатом. Этот попутчик его безнадежно отстал... Пришлось с грустью оглянуться на него и пойти дальше вперед.

Еще решительнее приходится «Искре» ликвидировать свое благожелательное отношение к либералу и к земскому деятелю, к персонажам русской общественности, на которых одно время можно было рассчитывать, как тоже на возможных в потенции попутчиков пролетариата в его борьбе с самодержавием.

В № 4 «Искры», в статье «С чего начать?», где набросана краткая программа практических шагов в дальнейшей работе русской социал-демократии, указывается, между прочим, на значение политического органа в руках партии, благодаря которому можно было бы «сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить ими революционное движение пролетариата». У подавленного полицейским произволом населения нет трибуны, с которой могли бы раздаваться страстные обличительные речи, нет такой силы, «к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство». Теперь такая

сила есть,—это революционный пролетариат. «Мы в состоянии теперь,—говорится в статье,—и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства».

Эти проспекты о создании «настоящей народной политической газеты» не остались простым благопожеланием и полностью осуществились на протяжении всех номеров старой «Искры». Само собой разумеется, что с этой точки зрения «Искра» не могла не уделить достаточного внимания и тем крошечным оппозиционным шевелениям, которые она имела возможность наблюдать и в земско-либеральных сферах. Она долгое время не спешит выразить недоверие к политической искренности этой «оппозиции», ее готовности «всерьез» засучить рукава против самодержавия. Она подбадривает колеблющихся, клеймит насмешкой или гневной отповедью безнадёжных соглашателей с самодержавием, явно изменяющих даже своим собственным скромным либеральным задачам защиты остатков живых «свобод» от поглощения их безудержной в своей прозорливости реакцией, она пытается провести границу между шуйцей и десницей органа либеральной оппозиции—«Освобождения», она, наконец, не пропускает ни одного конкретного случая разоблачить проделки бюрократии, направленные против земской оппозиции.

В статье «Самодержавие и Земство» (№ 4 «Искры») говорится: «Что будет с самодержавием, когда перед ним окажется не только «мягкая» оппозиция «сословно-бюрократического земства», но встанет во весь рост революционная социал-демократия и раздастся «железная поступь» собравшихся по ее зову рабочих батальонов. Тогда гг. земцы, бросьте и вы «мягкие» речи и скажите приличествующее случаю резкое и твердое слово. Оно пригодится, а за нами уже дело не станет». (Курсив мой. П. Л.).

Ясное дело, что здесь «Искра» готова аккредитовать господ земцев доверием в том предположении, что и земская оппозиция примет более резкий, более определенно-протестующий характер в обстановке пролетарской революции. Но уже в № 5 «Искры», в статье «О бессмысленных мечтаниях» газете приходится взять другой тон по поводу призывов органа либералов («России») выразить максимум доверия новому министру Ванновскому, дабы поскорее освободить молодежь от тлетворного влияния «крайних и непримиримо настроенных деятелей». Автор статьи не скупится на сарказмы по адресу неисправимых «бессмысленных мечтателей». Либерального толка русский обыватель любит помечтать, вождает конституции и даже готов—при закрытых дверях и спущенных шторах—промежду себя и присных себе «пускать революцию». Но «бессмысленно» мечтающий обыватель не умеет и главное—не желает бороться; он вечно гоняется за «блуждающим

огоньком» надежды и всего больше боится его потерять. Ах, только бы кто не помешал, и особенно эти «крайние и непримиримо настроенные» элементы: суют свой нос и непременно испортят все дело... «Он будет мечтать и паки мечтать, наш политический Митрофан, наш жалкий обыватель—Манилов. Пусть гибнут ряды за рядами истинных граждан России, он будет пассивно глазеть, того не разумея, что политические права не даруются народу, а берутся им с бою, вырываются зубами, и что каждый шаг по пути к освобождению России оплачивается человеческими жертвами».

Казалось бы, что после такой характеристики русского либерала «Искра» махнет на него рукой: что, дескать, с него возьмешь... Но нет, так нельзя, авось с нехорошей овцы хоть шерстки клочок да останется в руках. Вот, например, речь идет об одном из земских съездов (№ 8 «Искры»).

Земцы немножко разоткровенничались. Один старый землец («по слухам»), между прочим, бросил такую фразу: «Земские люди должны, наконец, сказать свое слово, или они никогда уже его не скажут»... И вот, у «Искры» опять вспыхивает надежда, опять есть повод сказать свое «*ceterum censeo*». «Если лучшие земцы теперь не примут решительных мер... земство обезлюдеет и обратится в обыкновенное присутственное место».

А есть ли среди господ либералов эти «лучшие» люди? Гм... как будто есть... По крайней мере, приведенный в № 9 «Искры» секретный циркуляр министра Сипягина говорит о том, что есть еще порох в либеральных пороховницах: в циркуляре говорится «о группе лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которая, не принимая непосредственного участия и даже намеренно устранившись от активной революционной деятельности, поставила себе задачей путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы, готовить в среде молодежи рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов». К циркуляру приложен список таких лиц (50-ти человек), в котором, несмотря на разнообразие оттенков политических физиономий, в огромном большинстве чувствуются будущие типичные «левые освобожденцы».

Жизнь, однако, снесит с яркими доказательствами по-длинной, классовой физиономии русского земца, то-есть агрария, недалеко ушедшего от своих предков-крепостников. Псковские, например, земцы нашли, что переселения крестьян «крайне нежелательны в интересах уезда», и высказались за «энергичные меры борьбы» с крестьянами, норовящими улететь от псковского сладкого житья в сибирское приволье. По этому поводу «Искра», еще, очевидно, не потерявшая окончательной надежды вразумить политически «малограмот-

ного» земца поучает его: «Превращаясь в орган грубо-классовой политики крепостников-помещиков, земство лишается всякого сочувствия со стороны непривилегированных классов, его борьба против правительства теряет всякое общенациональное значение... Если «в интересах населения» земство будет хлопотать об усилении полицейского произвола царизма над населением, то это последнее с полным равнодушием будет присутствовать при той расправе, которую произведут над земством гг. Витте и Сипягин, и эту расправу, поверьте, гг. псковские земцы,—министры царя сумеют также совершить под предлогом... «интересов населения»...

Всё это так,—хочется сказать по поводу приведенной цитаты,—но вопрос весь в том, испугается ли кот-Васька «расправы» и перестанет ли есть курченка, которого подарила ему история.

Наиболее отчетливо, наиболее полно изложена точка зрения «Искры» на данный вопрос в № 18, в фельетоне—«Письмо к земцам». ¹ Автор послесловия к «Письму», Ленин, выставляет в выгодном свете этот голос практиков, далеких от политиканства à la Р. Н. С. (псевдоним Струве, автора предисловия к записке Витте) и ищущих практических путей для того, чтобы начать агитацию. Ленин не переоценивает революционной решимости и радикализма земцев (стоящих на 3-м месте в ряду общественных элементов, суб'ектов расширяющегося общественного движения: на первом месте стоят рабочие, на втором—студенты и в хвосте уже идут земцы). Но «тем хуже для нашего врага,—воскликает автор.—Чем менее революционные элементы восстают против него, тем лучше для нас, безусловных противников самодержавия, и всего современного экономического строя». Поэтому он предлагает приветствовать новых протестантов, всячески поддерживать их.

«Но тут останавливают нас всякие явные и тайные сознательные и бессознательные элементы «экономизма». Для кого нужна поддержка рабочими земцев?—спрашивают они нас. Не для земцев ли только? Не для людей ли, которые недовольны, быть может, лишь тем, что правительство больше ласкает промышленных, чем сельских предпринимателей... Для кого? Да, прежде всего и больше всего,—для самого рабочего класса.

Этот единственный действительно революционный класс современного общества не был бы на деле революционным, если бы он не пользовался всяким поводом для нанесения нового удара своему злейшему врагу. И слова о политической агитации и политической борьбе в наших заявлениях

¹ Фельетон этот перепечатан в IV томе собрания сочинений Н. Ленина

и программах были бы пустым звуком, если бы мы упустили те благоприятные случаи для борьбы, когда с этим врагом начинают ссориться даже его вчерашние (60-е годы), а отчасти и нынешние (оппортунисты-земцы и крепостники-помещики) союзники».

Мы тем более охотно приводим эту выписку, что она очень выпукло выявляет утилитарную точку зрения «Искры» по вопросу об использовании всякой веревочки, которая может пригодиться в хозяйстве.—Кто, например, там? Бунтующий студент? О, очень даже пригодится! Недовольный «старый землец», желающий пуститься на путь противоправительственной агитации? И он пойдет в дело, и его поддержим всеми доступными нам средствами.—Ну, а если вот породистый дворянин, земский начальник или предводитель дворянства, которому министр Сипягин настойчиво предлагает записаться в кадры, так сказать, дворянско-шпионского ополчения (об этом см. заметку в № 15 «Искры»: «Дворянство в роли шпиона»?.. А что же, и этот персонаж в качестве обиженного и оскорбленного может пойти на удобрение революционной почвы, если только удастся раззадорить его и затронуть в нем чувство «дворянской чести», напомнив ему «светлые образы дворян-декабристов, Волконских и Трубецких»...

Совсем, однако, другое дело, когда наш либерал, перестав быть «недовольным элементом», которому тоже приходится солоновато от самодержавия, оказывается непригодным для роли сырого материала, за счет которого могло бы происходить нарастание снежного кома общенародной оппозиции,—когда он начинает мудрить и идеологически самоопределяться в роли буферного посредника между революционным народом и посаженным самодержавием... О, в таком случае война ему, непримиримая война этому опустошенному по части революционных потенций либеральному болтуну и фрондеру, готовому в любую минуту панического ужаса буржуазии перед «красным призраком» изменить делу революции и броситься в дружеские объятия того самого самодержавия, против которого он вчера еще «дерзостно» фрондировал.

Либерализм последнего типа нашел себе яркое выражение в форме «шиповщины»,—правого крыла «освобожденных», во главе с его лидером-председателем московской земской управы Д. П. Шиповым. Плеве пустил в ход чисто зубатовский прием и поманил Шипова обещанием созвать в начале будущего (1903) года совещание из представителей земских управ для «разрешения всех вопросов относительно постановки земских учреждений», требуя за это, чтобы земцы «не говорили ничего о представительстве в высших правительственных учреждениях». И Шипов клюнул червячка, отказываясь за запах чечевичной похлебки от права своего первородства, то есть, проще говоря, от осуществления конституционных во-

желдений земцев. Левое крыло освобожденцев (Антон Старицкий, земский гласный Т. и др.) протестует против позиции, занятой Шиповым, доказывая, что «необходимо покончить с рабскими полумерами легальной оппозиции». А какую же роль в этом споре занимает само «Освобождение» в целом и, в частности, главный хозяин органа—сам Петр Бернгардович фон-Струве, тот самый Струве, который в предисловии к записке Витте успел уже выявить свою физиономию в качестве яркого представителя либерального оппортунизма?

В №№ 7—8—«Освобождения» мы еще видим Струве как будто «по сю сторону», еще как будто бы окрашенного в розоватый оттенок. Так, например, в № 8 имеется недвусмысленное осуждение политиканства Шипова. «В добрый час»—говорит по этому поводу «Искра». Но вот какого сорта характеристику «Искра» принуждена дать редактору «Освобождения», в одном из ближайших следующих номеров:

«Мы всегда указывали и готовы указать еще раз, что наша «враждебность» направлялась лишь на ту часть гражданской души г. Струве, которая служит приютом филистерскому политиканству и политическому филистерству. Когда же г. Струве говорит голосом честного гражданина-демократа, мы всегда готовы его приветствовать. Но к крайнему ущербу для собственной политической физиономии и к великому вреду для дела, которому он хочет служить, г. Струве не находит в себе отваги отказаться раз навсегда от роли литературного представителя земско-политического Massigkeitverein'a (общества воздержания) и уверенной ногой стать на единственно возможный, т. е. революционный путь освобождения родины».

Характеристика эта дана в связи с выступлением Струве против «Московских Ведомостей» в защиту Евреинова и К^о (суджанских земских деятелей), которых рептильная московская газета уподобила Добчинскому и Бобчинскому. «Искра» находит, что позиция Струве в этой полемике очень слаба и что истина на этот раз на стороне «юридических злецов».

Приведя в высокой степени подхалимоватое письмо Евреинова к «глубокопочтительному Сергею Юльевичу» (Витте), «Искра» посылает такую гневную реплику по адресу земцев типа Евреинова (взятых под защиту редактором «Освобождения»): «О, это земское холопство и оппозиционное лакейство!.. Какие же египетские казни, какие российские скорпионы нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконец, уродливо согнутую спину либерального земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручным «представителей русского правительства», но уверенным в себе работником народного освобождения!»

Дело дошло до того, что Плеве, которому надоели стереотипные «благопожелания» сельско-хозяйственных комитетов, поспешил принять меры к тому, чтобы не позволить губер-

ским комитетам выходить за пределы сравнительной оценки методов удобрения. По поводу этого нетерпеливого министерского «довольно», вызвавшего восторг «Гражданина» и «Московских Ведомостей», представительница «хорошего тона» рептильной прессы, газета Суворина «Новое Время», пролила даже слезу: отчего бы, мол, не дать земцу выболтаться!.. Ну, поговорит милый человек в пространство, и ему полегчает на душе, что и требовалось доказать (буквально: «чем больше шансов, что так или иначе работа будет оставлена без внимания петербургскими канцеляриями, тем более чести труженикам, которые не страшатся подобной перспективы, а делают свое дело». См. № 9560 «Н. В.»).

По этому поводу «Искра» паки и паки горячо вызывает (в ст. «Законная оппозиция беззаконному правительству», № 29 «Искры»): «Так ли это, милостивые государи? Мы хотели бы, мы страстно хотели бы думать, что это не так. Мы хотели бы верить, что они, эти «милостивые государи» земской оппозиции, не позволят себя убаюкивать тем изболтавшимся либеральным публицистам легальной прессы, которые награждают их аттестатами гражданской зрелости в утешение за их бессилие... Мы хотели бы надеяться, что они сумеют потребовать у «петербургских канцелярий» внимания и уважения к своему оппозиционному голосу».

Наконец, еще раз констатируя растерянность правительства, которое, видимо, потеряло равновесие духа и бросается от методов зубатовских заигрываний на путь самых откровенных полицейских репрессий против даже «мирных либералов, открывших рот, чтобы сказать первую букву своей политической азбуки»,—«Искра» пытается распровоцировать либерально-земскую оппозицию на более решительный образ действий.

Требование земского собора,—говорится в передовице «Искры» от 15 декабря 1902 г.,—должны, как справедливо указывает г. Струве, подхватить все уездные и губернские комитеты. Но этого мало. Арестом стоявших на легальной почве либералов правительство показало, какое призрачное значение имеет при русских условиях сама легальность. Пусть же и либералы спешат разбить рамки легальности. Пусть не отгораживаются попрежнему китайской стеной от того «вне-легального» народного движения, которое телько и сделало возможным их собственное выступление и которое выбило уже самодержавие из его главных позиций»... «Только заговорившие открыто об этих событиях (о «каторжных» приговорах, о массовых порках, о расстрелах безоружной толпы на улицах и т. д.) либеральные земцы покажут, что они поднялись на высоту тех исторических задач, которые стоят перед всеми серьезно работающими над освобождением нашей родины от позора самодержавия».

Но земцы не спешат оправдать доверие «Искры», и ей приходится в № 37 (15 апр. 1903 г.) снова констатировать яркий факт их позорного ползания на брюхе у ног самодержавия (в заметке «земщина» у ног «опричины»). Пресмыкающиеся и лижущие сапог «вершителя всех жребиев отчизны» орловские земцы—Стахович и К^о—лепечут косным языком перед его величеством, прося услышать голое земства, голос людей, призванных, по древнему московскому слову, «его государево земское дело укрепить и на вере поставить»...

Терпение старой «Искры», повидимому, лопается, и она, брезгливо отмахиваясь рукой от такого рода «попутчиков», почти перестает далее интересоваться земской и либеральной «оппозицией».

Посмотрим, наконец, что представлял из себя еще один несомненный попутчик революционного пролетариата—выведенное из состояния равновесия крестьянство, и каково было отношение к нему со стороны «Искры».

Прежде всего отметим одно несколько странное на первый взгляд обстоятельство. Выше была уже приведена одна цитата из № 18 «Искры» от 10 марта 1902 г., в которой устанавливается скала общественных элементов в последовательном порядке по мере уменьшения их численной силы, их общественной подвижности, их революционной решимости: рабочий класс, студенты и земцы. Поражает то, что в этом перечне нет места крестьянам. Объяснить такого рода пропуск, быть может, следовало бы тем обстоятельством, что крестьянство, как сила революционная, до этого момента ничем еще не успела проявить себя, и знаменитая волна крестьянских бунтов на юге России грозно прошумела лишь в апреле того же года и застигла, повидимому, все революционные партии и даже правительство врасплох. Поэтому-то, вероятно, «Искра» и не отдала должную дань внимания деревне до момента крестьянских бунтов. Две-три малозаметных корреспонденции, помещенные о деревне до № 20 «Искры» (например, письма из Псковской губ., использованные в № 7 «Искры»), дают повод ей лишь слабо протестовать против «общераспространенного взгляда на наше крестьянство, как на один из самых надежных оплотов русского самодержавия». «Известная доля истины, — соглашается «Искра», — тут, конечно, есть, тем не менее такое утверждение, требует некоторых оговорок». Значит—с оговорками, а все-таки следовало бы говорить, в общем и целом, не о революционном крестьянстве, а об отсталой крестьянской массе, являющейся оплотом самодержавия. Несомненно, и сама «Искра» даже в то время не дооценивала ту картину молекулярных шевелений в крестьянстве, которые готовили из него роковую для помещичьего самодержавия, заряженную рево-

люционным электричеством, быстро надвигающуюся на политическом горизонте русской жизни, грозную тучу.

Эго обстоятельство не помешало, однако, «Искре» своевременно поставить общую проблему о крестьянстве и разрешить ее совершенно правильно с марксистской точки зрения. В статье Ленина «Рабочая партия и крестьянство» (в № 3 «Искры») говорится о двойном гнете, под игом которого стонет наше крестьянство, о кабале, в которую попал крестьянин после акта «освобождения», по существу мало отличающейся от прежней барщины («мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подражаясь зимой—за ссуду хлеба голодающей семье—на летнюю работу» и т. д.). Кроме того, на мужика обрушились всей своей тяжестью власть денег, гнет капитала, который не только придавил крестьянство, но и расколол его.

От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться только вместе с рабочим классом в борьбе за социализм, и всякая иная постановка вопроса о защите мелкого хозяйства от власти капитала была бы реакционной, вредной, обманывающей крестьянина иллюзией. Но непримиримая борьба крестьянства с гнетом помещичьим и с остатками крепостничества не только не иллюзорна, но исторически неизбежна и «необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладет на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины». «И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка выразится, коротко говоря, во внесении классовой борьбы в деревню. Но ошибочно было бы понимать этот лозунг под знаком «экономизма». Агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу—внести классовую борьбу в деревню, когда с каждым разоблачением того и другого «экономического» зла она сумеет связать определенные политические требования».

Может ли, однако, социал-демократия бросить значительную часть своих сил для агитации в деревне? «Искра» отвечает на этот вопрос отрицательно. «Не подлежит никакому сомнению, что все боевые элементы партии должны стремиться к городам и фабрично-заводским центрам, что только промышленный пролетариат способен на бесповоротную и массовую борьбу против самодержавия». Но для тех сил, которые не могут найти себе приложения иного, как только в деревне, нужны руководящие директивы и лозунги; поэтому-то «Искра» и считает себя обязанной дать свою аграрную программу. Как известно, эта программа сводилась к

различным формам борьбы с остатками крепостничества и требовала: 1) отмены выкупных и оброчных платежей, а также крестьянских повинностей сословного характера; 2) отмены круговой поруки и законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей; 3) возвращения народу сумм, взятых с него в форме выкупных платежей (был подсказан при этом ряд конкретных мер для реализации этого требования: конфискация монастырских имуществ и удельных земель, обложение налогом дворян и т. д.); 4) учреждение крестьянских комитетов—для возвращения сельским обществам отрезанных при уничтожении крепостного права земель и для устранения остатков крепостных отношений там, где таковые еще сохранились (например, на Урале, на Алтае и т. д.); 5) предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы, объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Много пришлось «Искре» выдержать боев за свою «скромную» аграрную программу—и не только со своими естественными противниками—социалистами-революционерами, но и с некоторыми социал-демократами, в частности, даже с «искровцами». Возражения (имевшее место впоследствии и на 2-м съезде) сводились, главным образом, к указаниям на «ошибочную» тенденцию «Искры» исправить в области аграрных отношений в России «историческую несправедливость», вернуться к севой старине, дать крестьянам мизерные, урезанные, мало отличающиеся от либеральной аграрной программы, лозунги; на все эти нападки Ленин не раз отвечал по существу (например, его защита аграрной программы в № 4 «Зари»), указывая на то, что противники искровской программы забывают о реально существующих кабальных формах зависимости крестьянина от помещика и напрасно думают, что речь идет о каких-то обидах крестьянства в прошлом (например, в Саратовской губернии, на которую ссылается главный оппонент Ленина—Маслов, $\frac{2}{3}$ арендной земли представляют пресловутые отрезки, возвращения которых так настойчиво требует искровская программа); упреки в «мизерности» требований тоже основаны на недоразумении и на смешении социалистической части программы с демократической; эта последняя, не в пример навыкам мысли соц.-революционеров, не должна заключать в себе больше того, что способствует окончательному раскрепощению крестьянина и освобождению его от остатков помещичьего гнета. По поводу упрека в сходстве искровской программы с либеральными аграрными тезисами—Ленин дает обстоятельный ответ в своей последней статье, напечатанной в «Искре» (№ 54).—«Народничающая буржуазия и растерянное народничество». «Сходство (либеральной и с.-д. программ),—говорится в статье,—проявляется в одинаковости ближайшей

тенденции и в однородности большинства требований. Различие состоит в двух следующих, имеющих кардинальное значение, пунктах. Во-первых, устранение остатков крепостничества (прямо выдвигаемое, как цель, обеими программами) социал-демократы хотят совершить революционным путем и с революционной же решительностью, либералы—реформаторским путем и нерешительно. Во-вторых, социал-демократы подчеркивают, что очищаемый от остатков крепостничества строй, есть буржуазный строй, разоблачают наперед уже и немедленно все его противоречия, стремятся также немедленно расширить, сделать более сознательной ту классовую борьбу, которая таится в недрах этого нового строя, прорываясь наружу уже в настоящее время. Либералы игнорируют буржуазный характер очищенного от крепостнического строя, затушевывают его противоречия, стремятся притупить тающуюся в его недрах классовую борьбу».

Но все эти споры о программе не затрагивают одного очень существенного вопроса: а как быть в том случае, когда крестьянская масса сама «своими средствами» начнет разрешать проблему о малоземельи и о ликвидации помещичьего гнета путем «ликвидации» помещичьих хозяйств. Никто не предполагал производства опытов в этом направлении со стороны косного крестьянства в массовом масштабе. А между тем, это как раз случилось.

В конце марта и в апреле 1902 г. юг и юго-восток России приковал к себе напряженнейшее внимание всех борющихся групп в России. Вспыхнуло крестьянское волнение («бунт») в Полтавской губернии, главным образом, в Константиноградском уезде (самые крупные эпизоды разыгрались в имениях князей Мекленбургских, — в Карловке, в Ковалевке и др.). Затем волнение перекинулось на Валковский уезд Харьковской губернии. Движением охвачены были: Пирятинский, Прилукский, Хорольский, Лубенский уезды. Зашевелилось, наконец, крестьянство Саратовской, Киевской, Черниговской, Воронежской, Тамбовской, Тульской, Новгородской губерний. На северном Кавказе — в Кубани — бунты приняли дикую примитивную форму уничтожения с.-хоз. машин, предмет ненависти с.-хоз. батраков, вытесняемых «проклятой» машиной. Нервно были настроены и многие другие губернии (Курская, Пензенская и пр.). Одним словом, страну охватила такая невиданная дотоле революционная мужицкая лихорадка, которая, казалось, может обратиться в начало конца.

Но судорога осталась только судорогой, и помещичье правительство путем драгонад, расстрелов и беспощадной порки крестьян успело довольно быстро прекратить крестьянские бунты, не дав им времени превратиться в настоящую крестьянскую всеокрушающую революцию.

Картина бунтов повторяется везде почти стереотипно. Совершенно обнищавшие, изголодавшиеся (особенно в районах, пораженных неурожаем), нуждающиеся в семенах для обеспечения полей, крестьяне на многочисленных подводах являются в имение и устанавливают норму распределения имеющихся в имении запасов хлеба (например, по 5 пудов на человека). Забирают хлеб без производства эксцессов, никого не подвергая насилию, никого не убивая,—чинно, тихо, методически, с сознанием своих «прав»... Иногда подвергают дележке и с.-хоз. инвентарь экономий, но земли поделить не успевают, потому что подоспевает войско, нагоняется огромное количество казаков, которых мужички встречают со спокойным недоумением, заявляя, что «теперь нет таких прав», чтобы в народ стрелять», но затем начинается расстрел толпы и жестокая розочная экзекуция. Любопытно отметить то терпение, с каким крестьяне выносят свирепую расправу с ними таких палачей, как харьковский губернатор Оболенский, полтавский Бельгард и им подобные. Они безропотно ложатся под розги, покоряются силе, но остаются при своем убеждении, что право было на их стороне.

Каково же было отношение революционных ортодоксальных марксистов к этому новому явлению в русской жизни, к пробуждению революционных настроений в многомиллионном крестьянстве? На этот вопрос мы найдем исчерпывающий ответ в двух статьях «Искры»: в статье «Крестьянское восстание» в № 21 «Искры» и «К эпилогу крестьянских бунтов» в № 27.

В первой из этих статей мы находим выражение полной уверенности, что Россия стоит накануне коренного общественного переворота. На основании исторического опыта, свидетельствующего о том, что «красный петух» крестьянского мятежа обычно предшествует и сопровождает ликвидацию крепостнически-самодержавного царя (так, например, было в эпоху Великой французской революции)—«Искра» находит, что отныне получилось последнее недостающее звено в цепи признаков надвигающейся революции—серьезные взрывы «крестьянской войны»; эти взрывы имели не случайный характер и отнюдь не революционными листовками и брошюрами были вызваны. Естественнее всего связать их с продовольственной политикой Сипягина, устранившего земство и общественную благотворительность от дела помощи голодающему крестьянству. А в общем и целом, неумение и нежелание господствующих классов ликвидировать, по пути буржуазного развития России, последствия половинчатости реформ 61-го года—рано или поздно должны были привести полукрепостническую Россию к разрешению этой проблемы усилиями снизу, т.-е. революционными методами. Инициатива в этом случае, как и следовало ожидать, попала

в руки пролетариата. «Сельскому же люду,—констатирует «Искра»,—пока еще достаются только крохи революционных идей, распространяющихся в городе. Но важно уже и то, что, не отвлекая значительной части своих сил на непосредственную пропаганду в деревне, рабочее движение все же много сделало косвенно для революционизирования последней! Сознывая это, русские социал-демократы должны возможно интенсивнее использовать для своей агитации те новые элементы революционного брожения, которые обнаружилились в мартовских «бунтах».

Далее, в статье имеется ссылка на проект социал-демократической программы, «осуществление которой во всей полноте сразу вырвет крестьянство из обстановки крепостного варварства и создаст для него условия нормального развития».

Итак, прежняя принципиальная позиция «Искры» по вопросу о деревне и после полосы крестьянских бунтов не изменилась. Та же программа, тот же взгляд на разрешение крестьянской проблемы, то же убеждение, что социал-демократы, после событий на юге России, вовсе еще не стоят перед необходимостью «непрерывно перераспределить свои организованные силы и отрядить часть их в деревню», ибо «для этого у нас едва ли хватит сил, а задачи дня требуют концентрации главнейших сил на борьбу в городе». Новым, однако, явилось то, что «Искра», а вслед за ней и все революционные марксисты сразу повысили свое мнение о революционной готовности крестьянства сказать и свое веское слово в момент грозного призыва на суд истории старого самодержавного строя. Еще так недавно «Искра» почти соглашалась с тем, что крестьянство является в значительной мере одним из надежнейших оплотов русского самодержавия. Теперь же она делает такое признание: «Но с всероссийским восстанием в городах, поддержанным открытой революцией в деревне, едва ли справится самодержавие. Стоит только просмотреть описание событий в южных губерниях, хотя бы по правительственному сообщению, чтобы убедиться, что, разлившись по всей «сермяжной Руси», крестьянское движение легко обессилит самодержавие и даст возможность нанести ему в городе смертельный удар»...

Что касается статьи «К эпилогу крестьянских бунтов», то отметим только одну ее любопытную черту: «Искра» сосредоточивает здесь внимание читателя вокруг вопроса о национализации земли. В выставленном с разных сторон требовании «национализации земли» она усматривает попытку прикрыть социалистическим ореолом буржуазные требования «раздела» и «равнения», попытку дешевой ценой откупиться от кажущегося противоречия между нашей социалистической конечной целью, требующей объединения средств производства в руках общества, и ближайшими лозунгами дня,

среди которых всего громче раздается крестьянское требование о «прирезке земли».

Отсюда видно, что лозунг «национализации земли», облюбованный и, так сказать, монополизированный представителями мелкобуржуазной демократии и, главным образом, социалистами-революционерами, еще не вышел из стадии его мелкобуржуазного генезиса и полон содержания, которое укладывали в него демократы. В виду этого «Искра» резко откидывает его и защищает, в противовес ему, свои «прирезки» земли. Как известно, в 1906 г. большевистская мысль уже целиком приемлет в своей программе пункт «национализации земли». Но в 1902 г. еще не было налицо тех условий, той революционной ситуации, которая могла бы заставить социал-демократию пойти дальше требования о прирезке и поставить на твердом основании лозунг национализации земли, очистив его, конечно, от той идеологической путаницы, которую внесли в него народники. Но и тогда уже старая «Искра» принципиально не отрицала возможности национализации земли. «Не устраняя капиталистических отношений в порождаемой ею классовой борьбе,—говорится в той же статье «К эпилогу крестьянских бунтов»,—национализация земли только изменяет форму борьбы за владение одной частью средств производства, превращая ее в борьбу не с классом земледельцев, а со всем капиталистическим обществом, владеющим землей (или рентой на землю)». *«Поскольку такая перемена упрощает механизм социалистической борьбы пролетариата, она может считаться прогрессивной»* (курсив мой. П. Л.). Далее следует очередное *но*, и поясняется, почему лозунг национализации земли, под соусом народнического противопоставления лозунгу о «прирезке» земли, как, дескать, «социалистическое» требование, выдвигаемое в противовес «частичному, либеральному» насчет прирезки—социал-демократами должен быть отвергнут.

Подводя итоги сказанному, мы можем констатировать, что «Искра» самым добросовестным образом выполнила ту свою задачу, которую она поставила перед собою для осуществления завета авторств «Коммунистического манифеста» о поддержании революционным пролетариатом всех оппозиционных групп в их борьбе с реакционными остатками старины. Она достаточно нянчилась и со студентами, и с земцами. Несколько позднее она занялась крестьянством. Но чувствуется, что тут-то она нашла более длительного и более верного попутчика в борьбе с самодержавием, чем интеллигентские слои оппозиции. Еще вопрос о крестьянстве только что стал перед нею, как жгучий вопрос дня, но скоро ей—или лучше сказать порожденному ею революционно-марксистскому крылу социал-демократии—придется поставить его, как один из самых центральных вопросов революции. Лозунг «диктатуры пролета-

риата и крестьянства» в недалеком будущем заслонит меньшевистские призывы о поддержке либералов и кадетской думы и станет основным боевым лозунгом большевизма, прямого наследника старой «Искры».

IV. Рабочее движение и революционный подъем пролетариата (1900—1903 г.г.)¹

I. Общие условия труда в России в начале XX века.

Несмотря на быстрый рост капитализма в конце XIX в., Россия не далеко ушла вперед в смысле улучшений каторжных условий труда во всех видах производства. Правда, завоеванный рабочим движением середины 90-х годов закон 2-го июня 1897 г. как будто бы делает шаг вперед по части борьбы государства с наихудшими, наиболее отсталыми, наиболее бесчеловечными формами эксплуатации фабрично-заводского («подчиненного надзору фабричной инспекции») пролетариата. Но многочисленные министерские циркуляры (например, от 5 января 1898 г., от 24 февр. 1898 г. и т. д.) так «разъяснили» этот закон, что влияние его на жизнь оказалось очень слабым. Традиционная «патриархальная» система выжимания из рабочих кровавого пота и полукрепостные отношения между работодателями и рабочими продолжали быть правилом, допускавшим лишь немногие счастливые исключения.

Продолжительность рабочего дня далеко не всегда была в соответствии даже с той отнюдь не европейской «нормой», которая была установлена законом 2-го июня (11½ час. с полуторачасовым перерывом). Прибегая очень часто к системе «аккордной» (сдельной) расплаты, хозяева фактически успевали растягивать рабочий день до 12—13 часов. В некоторых же отраслях труда (преимущественно ремесленного типа) рабочий день чудовищно удлинялся до 17—18 час. в сутки. Так, например, в одном из летучих листков Киевского Комитета (№ 3) сообщается факт именно такой безжалостной эксплуатации киевских портных: «работы производились с раннего утра до поздней ночи, работали по 18 час. в сутки за самое ничтожное вознаграждение». Многочисленные стачки мелких ремесленников в западном крае и в южных городах в лучшем случае приводили лишь к 13-час. дню.

Переpletчики в Кишиневе, по сообщению корреспондента «Искры», работали по 16—18 час. в сутки, а шорники «рабо-

¹ Эта глава составлена, главным образом, на основании того фактического материала, который заключается в многочисленных корреспонденциях «Искры» с фабрик и заводов.

тали с 5 час. утра до 12 ночи, а иногда и целые ночи напролет, получая за это жалкую плату от 12 до 15 руб. в месяц. Не лучше положение и кондукторов на конно-железных дорогах даже в таком центре, как Петербург: «кондуктора должны подниматься в половине шестого утра, идти в контору за билетами и во двор—смотреть наряд: на какой вагон и с каким выпуском ехать. Выходят поезда в 7 час., идут через каждые четверть часа, и вот кондуктора с половины шестого до 12 и 1 часу ночи находятся на линии без горячей пищи, да и холодную некогда есть, так как вагон только на карточной фабрике стоит 10 или 15 минут». (Из сообщения «Искры» о положении рабочих на Невской пригородной конно-железной дороге по материалам «Рабочей Мысли»).

И таких примеров можно было бы привести сколько угодно.

Рабочая плата взрослого мужчины в более или менее «благополучное» время колебалась около одного рубля в день (если не считать тех немногих счастливцев из числа высококвалифицированных рабочих, которые успевали выколачивать по 3—5 руб. в день). Но, во-первых, эта «норма» была недостижимой в тех остальных областях производства, где для беззастенчивой эксплуатации рабочих не было никаких сдерживающих начал. Во-вторых, системой штрафов хозяева успевали условленную плату понижать в чрезвычайно опустительных для бюджета рабочего размерах. В-третьих, работодатель мог пустить в ход (и почти всегда не отказывал себе в этом удовольствии) иной вид насоса, выкачивающего жалкие гроши из кармана рабочего,—в виде фабричной лавочки. В-четвертых, кризис в промышленности и колоссальная безработица способствовали такому понижению заработной платы, которое обрекало массы рабочих на вымирание от голода.

Иллюстрируем это примерами.

Уже выше упоминалось о том, что заработок некоторых ремесленных рабочих определяется цифрой в 12—15 руб. в месяц (и это скорее правило, чем исключение). В Москве, по сообщению корреспондента «Искры», взрослые умелые рабочие на кондитерской фабрике Реноне, получают 13—20 р., а «мальчики» 16—21 г. и того меньше—11—12 руб. У Филиппова подростки—булочники (старше 16 лет) за 13—14 час. непрерывного труда получают 5 руб. в месяц «на хозяйских харчах» (т. е., как поясняет корреспондент, «с придачей тухой говядины»). Там же «взрослые рабочие получают очень низкую плату, которая иногда доходит до 9 р.». «На бумаготкацкой фабрике Бельгийского Акц. Общества в Костроме,»—говорится в другой корреспонденции,—заработок ткачей всегда был крайне низок (не больше 30—35 коп. в день). После пасхи они (ткачи) решили перейти с подневной платы на

сдельную, надеясь вырабатывать больше. Вместо этого заработок пал до того, что 15 коп. стали считать солидным заработком. Заработок взрослых женщин не превышает 9½ коп. в день».

Но если бы даже заработная плата не была столь безобразно низка, все равно хозяин сумеет отнять у рабочего заработанные им гроши путем систематического оштрафования или браковки продуктов. В какой мере из штрафных денег может получаться приличная сумма видно из того, что, например, на промыслах у Ротшильда, по словам близко стоявшего к делам предприятия крупного служащего, промысловая администрация успела сколотить кругленький капитал в 600.000 руб. Немудрено, что хозяева предприятия посмотрели на требование рабочих о возврате им штрафных денег, как на безумную претензию. Рабочему было очень трудно уберечься от штрафов. «Штрафы приняли безобразно широкие размеры,—пишет корреспондент «Искры» о порядках на вагоностроительном заводе Анонимного о-ва в Твери: штрафуют за 3 минуты опоздания, куренье во дворе, питье чая *сидя*». Другой корреспондент, указывая на то же зло в Тверской мануфактуре Берга, жалуется: «штрафы—безобразные. Пишутся они за малейший пустяк и съедают порой половину заработка. Часто бывает так: приходит мальчик из конторы, берет книжку и уносит для вписывания штрафа, а рабочий не может даже добиться, за что его оштрафовали». Протест против штрафов и браковки составляет один из самых обычных, самых частых мотивов стачки возмущенных рабочих.

Не меньшим злом для рабочих является фабричная лавочка. Вот, например, на Щелковской фабрике Раббенек рабочие *обязаны* брать продукты в лавке хозяина, в которой цены гораздо выше, чем в других лавках: «за второй сорт мяса с костями они платят 17 коп. за фунт, тогда как на стороне они могли бы иметь то же самое за 14—15 коп., а то и дешевле». Другой пример: при льно-прядельной фабрике Классена (Ярославской губ.), по словам корреспондента, имеется лавочка, причем «в вольной лавке пуд муки 90 коп., а в фабричной 95 к., масло скоромное 32 коп., а в фабричной 35 к., масло постное 18 и 18½ коп., а в фабричной 20 к., фунт мяса 8—9 коп., а в фабричной 10—12 коп. При этом рабочие должны брать тот товар, который им предлагают, некоторая же разборчивость при выборе продуктов считается вздорными претензиями». В лавке крупного фабриканта Захара Морозова (в Богородске) цены на продукты выше вольных на 25—30%, что дает хозяину доход с одной лишь мужской артели (800 чел.) до 9.600 руб. в год.—Из такого рода многочисленных показаний становится ясным, что фабрикант из той части заработной платы, которая идет на продовольственные нужды

рабочих, с помощью своей лавочки может легко вернуть в свой карман 20—30%.

Правда, цены на товары в фабричной лавке по закону должны регулироваться фабричной инспекцией, но это обстоятельство нисколько не смущает господ фабрикантов. В пряильно-ткацкой фабрике Классена (в Романово-Борисоглебске) лавка очень оригинально «считается» с утвержденной фабричным инспектором таксой: «При покупке товара в заборной лавке отмечается та цена, которая показана в таксе, *набавка же уплачивается наличными деньгами*». И рабочие все-таки дорожат этой мошеннической лавкой, как необходимым для них кредитным учреждением: «В виду редкой выдачи заработка, рабочим часто приходится для покупки товара, неимеющегося в хозяйской лавке, совершать коммерческую операцию: купить какой-нибудь ненужный товар в этой лавке и перепродать его, терпя 20% убытка».

Да и все остальные условия труда до такой степени безотрадны, что картинки из описания положения рабочих у Флеровского (в середине прошлого столетия) отнюдь не представляются анахронизмом. Бездушный, преследующий лишь одну цель наживы, не вышедший еще из стадии крепостнических форм эксплуатации, капитал совершенно не желает считаться с жизнью, с здоровьем и с духовными интересами рабочих. Санитарная обстановка труда ужасна. «На белильном заводе Сорокина,—пишет корреспондент «Искры» из Ярославля,—идут только люди, которым приходится умирать с голоду; теперь же таких людей очень и очень много. За верную смерть (месяца через два уже происходит отравление свинцовыми белилами; городская больница регулярно получает умирающих с этого завода) рабочие этого завода получают сущие гроши; хозяева ценят человеческую жизнь дешевле издержек на необходимые гигиенические приспособления».

Но может показаться, что провинциальный отвратительный заводик представляет исключительный пример санитарных безобразий, а в более культурных центрах ничего подобного мы не встретим. Заглянем, поэтому, в Петербург. Вот что сообщает рабочий с фабрики Паля: «Есть у нас товар буксин, работаем его очень гадким утком, грязным, гнилым и некрученным..... Если рабочий начнет вдвигать нитку в челнок без опаски, то получит целый рот пыли грязной, которая собирается во время хода нитки в глазке челнока..... На этом товаре рабочий не может работать более года, делается больным. И в солдаты не пойдешь, если буксина поработаешь. Воздух у нас очень плохой, вентиляции хотя есть, да и те поломанные—не действуют..... Когда пустят пар по трубам, грязь, которая на полу и по щелям набилась,

начнет испаряться; в это время пол становится горячим, воздух вонючим, хоть беги вон от станков, да бежать некуда».

Не менее типична в этом отношении и другая столица — Москва — с ее окрестностями. На Бутюгинской фабрике (в Лефортове) «в корпусе теснота, страшная пыль, вредно действующая на здоровье рабочих, и отсутствие вентиляции; в проходах навалены груды основ, грозящих падением; в трех этажах только одно отхожее место, тесное и грязное». «Девушки от 15 лет таскают пряжу весом до трех пудов на 4-й этаж, что для них очень трудно».... На Глуховской мануфактуре в Богородске (13.000 рабочих) «санитарные условия безобразны, особенно в красильной мастерской, где и работа не безопасна вследствие неряшливой постройки здания и недостаточного ремонта: потолок начал проваливаться, доски пола не прибиты гвоздями и не остроганы, щели между досками по вершку (сделано нарочно для стока краски). Благодаря этому стоку из-под пола идут удушливые испарения; вентиляция недостаточна; на стенах и потолке плесень»...

Еще тяжелее рабочим на Кавказе, где долгое время не было даже никакого фабричного надзора. Например, в Батуме, «в паяльных отделениях нефтяных заводов рабочие хворают горловыми и грудными болезнями, так как воздух в этих мастерских насыщен парами разных кислот. В разливочном отделении этих заводов у рабочих от керосина пухнут ноги и покрываются язвами». «На заводе у нас, — пишет тот же батумский корреспондент «Искры», — очень часты несчастные случаи. Это происходит оттого, что хозяева несколько не заботятся о безопасности рабочих при исполнении ими работ, а также и оттого, что пользуются дешевыми необученными рабочими. В жестяночных и лесопильных отделениях нефтяных заводов редкий день проходит без несчастного случая. Если случится несчастье с рабочими при исполнении работ, протоколы пишут, как ни странно это, управляющие заводов. Если рабочему отрежет станком палец, пишут, что «поранение несерьезное»; если рабочему отрежет кисть руки внезапно опустившимся ножом штампы, когда он выковыривал застрявшую жесь, которая должна была бы выбрасываться автоматически, пишут, что поранение произошло по собственной неосторожности рабочего... Рабочих, которые попадают в станок четвертый и пятый раз, попросту выгоняют, придравшись к какому-нибудь пустяку, чтобы не выплачивать ему вознаграждения, как неспособному к труду».

«Несчастные случаи» — это бытовое явление каждой фабрики, каждого завода. Вот, например, как корреспонденция с Брянского завода иллюстрирует «жалатное» (автор постеснялся употребить слово преступное) отношение заводской администрации к своим обязанностям. 26 октября 1901 г. рабочего накрутило на вал и начало бить о стены и о железные крон-

штейны (причина—отсутствие сигнального свистка, извещающего о том, что машины пущены в ход). 11 ноября, лишенное последней опоры (по распоряжению одного из начальствующих лиц), ветхое заводское здание похоронило в своих развалинах 7 человек. 3-го декабря в чугунно-литейном цехе при отливке изложниц прорвавшаяся расплавленная масса облила двух литейщиков (один умер, другой обречен на долгий срок лечения). И так на протяжении менее 1½ месяцев 10 жертв на одном заводе по вине администрации. «Таким образом,—горько замечает автор корреспонденции («Брянский рабочий»),—благодаря тому, что начальство не хочет делать расходов для того, чтобы орудия производства были в исправности, нам, рабочим, приходится платить за это жизнью». А чтобы не расходоваться на излечение изувеченного рабочего и чтобы не выплачивать семье погибшего от «несчастного случая» законного пособия, очень многие остроумные хозяева, принимая к себе в заведение рабочего, берут наперед от него подписку, что в случае роковой для него катастрофы во время работы ни он, ни его семья к хозяину никаких претензий иметь не будут (например, на Тверской мануфактуре Берга).

Далеко не каждая крупная фабрика имеет больницу. А уж если фабрикант и решил обзавестись такой роскошью, то во всяком случае не на сладость больным рабочим. Вот как, например, описывает одна из корреспонденций больницу при известной Никольской мануфактуре Саввы Морозова. Место, выбранное для больницы, является вредным даже для невзыскательных жилых помещений. Арендатор фабричной больницы доктор Базилевич с больными обращается, «как настоящий живодер». Больные голодают в полном смысле этого слова, и сыты только те, кого навещают родные или знакомые. (Приносят, конечно, по своему усмотрению: капусту, селедки, квас...). Кормят больных по 4—5 человек из одной посуды зараз. Очень часто больной смотрит жадными глазами на посетителя и ради Христа просит кусочка хлебца. Лечение в больнице очень экономное: одной водицей и дешевенькими порошками. В родильный приют, принимают только за два дня до родов (чтобы не слишком рано приходили есть хозяйские харчи). И т. д., и т. д.

Нужно ли, упоминать, что и в отношении жилищных условий благополучие рабочих не выше общего уровня их горевой жизни. Большим счастьем для рабочего считается, если он попадает жильцом в хозяйскую казарму. Об этом мечтают многие годы. Но что же представляет из себя эта возжеленная казарма? По словам корреспондента «Орехово-Зуевца»—в Орехове-Зуеве выстроены новые казармы «по последнему слову техники». Но о скученности жильцов в этом «дворце» можно судить хотя бы по тому факту, что в обыч-

ную комнату, имеющую 3 саж. в длину, 5 арш. в ширину и 2 саж. в высоту, вселяются три семейства: два по бокам комнаты и третье на полатах. Таким образом, даже в «идеальных» по тому времени квартирных условиях рабочая семья лишена возможности жить своей особой, интимной жизнью. Каждое слово, оброненное жильцом казармы орехово-зуевской мануфактуры, становится достоянием многочисленных сожителей. Но это-то как раз и на руку господам хозяевам и полицейскому начальству, ибо, по словам корреспондента, «зоркое око хозяйских шпионов и полицейских (открытых и тайных; тут же живут и шпионы от жандармов) наблюдает за рабочими в казармах». Такому шпионажу способствует установленный в казармах строгий режим, недалеко ушедший от картин блаженной памяти крепостничества. «Администрация старается предписывать рабочим, в какие часы и что делать. Так, придя с работы, всякий должен ложиться спать, и за этим наблюдают... Рабочим строго воспрещается собираться кучками в коридорах, проходах, комнатах и даже в отхожем месте и рассуждать о чем-либо, хотя бы даже собравшиеся и говорили вполголоса... Никто не имеет права читать вслух ни газету, ни книжку и даже нельзя читать вслух у себя в комнате и безграмотному соседу... Воспрещается какая-либо игра; даже живущие в одной комнате должны спрашивать нечто вроде разрешения у соседа, чтобы, например, курить табак. Воспрещается по вечерам сходиться и останавливаться вне казармы и внутри ее».

Если вспомнить, что в бурсе Помяловского школьное население имело известную «свободу слова» и «свободу игры» если даже сравнить режим в казармах г.г. Морозовых с режимом мертвого дома, описанного Достоевским, то вряд ли от такого рода сопоставления «благоустроенная» орехово-зуйская тюрьма для десятка тысяч рабочих может что-либо выиграть. И тем не менее, у рабочих нет никакого выбора. Грязь, теснота, сырость и дороговизна частных квартир или казарм старого типа много ужаснее вышеописанного «образцового» помещения для рабочих.

Кстати, несколько слов о крепостнических замашках хозяев. Нет такого промышленного угла, где бы раб капитала не чувствовал полной зависимости от произвола своего работодателя. Во многих местах сохранились еще те «патриархальные» отношения между хозяином и рабочими, которые в полной мере напоминают отношения крепостников былых времен к своим подданным. Кулачная расправа с рабочими—это бытовое явление чуть-ли не каждой фабрики, каждого завода. Из сотни примеров такого рода фактов выберем для иллюстрации наудачу хотя бы один.

Богородский архимиллионер Захар Морозов «страшно любит стегать плеткой и до сих пор не бросает своего варварского обычая». Однажды этот самый Морозов гетретил четырех возвращающихся из города рабочих; из кармана у одного торчала «монополька». Рабочие направились в купальню. «Но тут налетел, как ястреб, сам опричник Морозов и давай стегать плеткой кого ни попало, говоря: «что же вы заставляете хозяина бегать за собою? Все деньги проживаете в городе, а не у меня», а затем отправил их в сторожку. Итак,—замечает обозреватель «Искры»,—у г. Захара Морозова рабочие обязаны, «проживать» все заработанное—в его же лавках, и за нарушение этой обязанности могут попасть под арест.

Не чужда хозяевам и представителям администрации и та форма эксплуатации рабочих, которую можно квалифицировать просто как мошенничество и жульничество. Обмер и обсчет рабочего—дело обычное. На фабрике Палушина заболевшая работница, получив от администрации грубый отказ в отпуске («чорт бы тебя ободрал, дохни»), через несколько минут умерла; «собравшаяся стая (фабричная администрация) с целью выгородить себя из этой истории придумала гнусную вещь: написала отпуск для лечения, положила его в карман покойницы и отправила ее в больницу». Вообще, на фабриках Иваново-Вознесенского района очень в ходу, так сказать, сверхсчетная эксплуатация рабочих. «Мастера заставляют рабочих мыть полы и стирать белье. Основы—и те даются со взятками—не даст рабочий четвертак, будет работать самые плохие сорта и, конечно, заработает менее того, кто даст взятку». На заводе «Никополь» (близ Мариуполя) расчетные книжки рабочих всегда хранятся в конторе завода; благодаря этому не раз случалось, что рабочему задним числом проставляют расчет, лишая таким образом рабочего юридической основы для доказательства на суде своего права на двухнедельную заработную плату. И таких примеров прямого надувательства, подлогов, взяточничества и издевательства над элементарными правами рабочего можно было бы привести сколько угодно.

Впрочем более дальновидные работодатели стараются опутать рабочих более тонкими способами и делают ставку на «облагодетельствование» рабочих. Так, например, по инициативе «просвещенного» военного министра (Куропаткина) приказом, в октябре 1902 г. вводится 8 час. раб. день (чистой работы) для рабочих интендантских мастерских. По этому поводу служатся молебны о здравии царя, явившего, дескать, новое доказательство милостивого попечения о благе народа. Но весь этот большой шум был вызван, в сущности говоря, очень маленьким результатом «сердечного попечения» начальства о рабочих: «благодеение» приказа распространя-

лось только на 600 чел. из 100.000 всех занятых в военном ведомстве рабочих.

«Не без добрых душ на свете» и среди негитулованных «столпов промышленности». Вот, например, один из таких столпов—одесский чаоторговец Высоцкий. Чтобы избавиться от сознательных рабочих и обезопасить себя от неприятностей стачечной войны, а в то же время приобрести или упрочить свою репутацию «отца-благодетеля», этот юркий делец решил заменить всех в рассыпчных отделениях девочками-подростками 15 лет. Во избежание «недоразумений» с увольняемыми, эти последние получали сверх жалованья небольшое вознаграждение, но с выдачею ими подписки, что никаких претензий не имеют на своего хозяина за этот неожиданный расчет. После этого, вследствие ужасов наступившей безработицы один из рассчитанных повесился, другой распорол себе живот ножом. В то же время вся еврейская беднота бросилась пристраивать в заведение Высоцкого своих детей—девочек, начиная с 12 лет. Соблазнительным казалось не столько нищенское жалованье в 7 руб. в месяц, сколько обещание по прошествии нескольких лет службы выдавать 200 руб. на приданое. Выбор оказался большой и просвещенный капиталист отдавал преимущество прошедшим 4-х классное училище. Одна из лучших школ почти опустела (28 девочек из нее поспешили отдать себя на эксплуатацию «благодетелю» Высоцкому). На всей этой операции—замене взрослых рабочих девочками—подростками Высоцкий сэкономил в год 25—30 тыс. рублей.

Но не один «гениальный» одесский гешефтмахер предпочитает эксплуатировать более беззащитную часть рабочих в лице детей или женщин. Такую же тенденцию обнаруживают решительно все хозяева предприятий, и где только это по условиям работы возможно, спешат перейти на женский и детский труд. И действительно, если взрослый рабочий мужчина не в состоянии дать отпор зарвавшемуся хозяину и отстаять свои элементарные человеческие права, то с женщинами и детьми, работающими в заведении, фабрикант или прислуживающий ему холоп—мастер может уже совершенно не перемониться. Так, например, «Киевский С.-Д. Листок» в № 1 сообщает, что в переплетных мастерских «много безработных среди мастеров, так как повсюду работает много мальчиков,—по 18—20 час. в сутки». И таких показаний много. Что касается женщин, то обычно предметом самой мерзкой эксплуатации является не только их физическая сила, но и их тело. В Шуе, на ситцепечатной Павлова, этот последний «имеет особых работниц, которые стараются совращать молодых девушек. Из фабрики Павлов сделал своего рода гарем». На Городищенской отбельной фабрике С. Морозова распорядитель фабрики Герман выбросил почти всех

рабочих мужчин (за исключением котельщиков) и заменил их более дешевым и «интересным» «рабочим мясом» — девушками и женщинами. «Действует этот нахал, — говорит корреспондент «Искры», — очень открыто: приглашает девушку или женщину к себе в кабинет и объясняется очень откровенно в своих желаниях. Если последняя сдается, то делается его жертвой, если нет, то спустя короткое время выкидывается ее паспорт со словами: «ты мне не нужна», да тут же рассчитывает и семейство, т. е. если есть родственники». «Дети ругают своих сверстников часто: «твой отец барин, иди к нему» (барином называется у нас Герман)».

И таких примеров можно было бы привести многое множество.

Но как ни плохо положение фабрично-заводских рабочих, а все же есть парии труда еще несчастнее их, — это именно рабочие ремесленных мелких мастерских (особенно в западном крае) и жертвы той системы эксплуатации, которая известна под именем Handindustrie (домашней формы промышленности). Примером этой последней может служить г. Сарапуль (Вятской губ.), где три четверти населения занято производством обуви на ряд заводов (на каждом от 200 до 500 рабочих). На самих заводах происходит, главным образом, заготовка обуви (кройка, строчка и т. п.), большая же часть работ производится ручным трудом на дому мелкими ремесленниками-сапожниками. По словам очевидца, «эта домашняя работа имеет все темные стороны кустарного производства: бесконечный рабочий день, который перед сдачей обуви хозяевам захватывает несколько ночей подряд, низкая (поштучная) заработная плата и т. п.». Разделение труда уничтожило среди этих ремесленников тип мастера, внакомого со всеми процессами изготовления сапога от начала до конца, и это обстоятельство ставит ремесленника в кабальное положение по отношению к хозяину. В результате — «бедные жилища, которые служат и мастерскими, недостаток воздуха, света и одежды, скудное питание, худые бледные лица членов семьи» — вот обстановка труда сарапульского ремесленника сапожника.

Само собой разумеется, что вся вышеописанная картина обстановки промышленного труда могла иметь место только при условии крайней забитости, запуганности, отсталости рабочих, привыкших с чисто воловьим терпением нести на своих плечах ярмо, брошенное на них Колупаевыми и Разуваевыми русского капитализма.

Многочисленные корреспонденции «Искры», особенно в начале бурного «искровского» периода (в 1900—1901 г.г.), обычно начинают с того, что до последнего, мол, времени «у нас было всегда тихо и ни о каком рабочем движении не было и помину». Но более яркими показателями отсталости

и несознательности различных групп русского пролетариата являются два факта: это, во-первых, стихийность первых всплесков рабочего движения в местах его возникновения под влиянием обострившегося кризиса в начале 900-х годов и, во-вторых, те настроения среди рабочих масс, которые обеспечили на некоторое время успех «зубатовщины».

Стихийный характер первых судорожных движений долго молчавшего и терпеливо выносившего свое положение рабочего класса сказался в целом ряде бессознательных актов мести против отдельных, очертивших рабочим той или иной фабрики, представителей администрации. в разгромах фабричных зданий и машин, а также в той легкости, с которой темные рабочие массы поддавались на провокацию подкупленных или так или иначе стимулированных к «действию» рыцарей еврейских погромов. Более понятно, когда стихия «бунта» охватывает малосознательный, совершенно неорганизованный сельский пролетариат (вроде, например, крестьян, пришедших в 1902 г. на заработки в имения, расположенные по линии Владикавказской ж. д., и давших выход своему чувству раздражения и отчаяния вследствие безработицы— в форме поломки помещичьих машин). Но нередко то же настроение стихийной злобы и ненависти рабочих к эксплуататорам неожиданно и очень бурно прорывается и в центрах промышленной жизни, на фабриках с прочной традицией «тишины и спокойствия». Вот, например, что сообщает корреспондент «Искры» о Залогинской ткацкой фабрике в Твери. «Глухое недовольство там всегда налицо, но оно редко выливается наружу. Причиной тому—крайне низкий уровень залогинских рабочих, среди которых совершенно отсутствует всякая организация». Первые же попытки их к мирной забастовке в 1902 г. привели к взрыву. Когда от наехавших на фабрику по случаю забастовки властей (губернатора, прокурора, жандармского генерала) рабочие никаких удовлетворительных обещаний не получили, «настроение их начало повышаться, раздались голоса: «а, так вы к хозяину чай пить приехали, а нас и слушать не хотите!»—и, наконец, со стихийной силой вспыхнуло годами накопившееся раздражение: рабочие бросились ломать дома, машины в мастерских, фабричную пекарню, избивать мастеров, полицейских»—и т. д. Словом—развернулась обычная картинка фабричного бунта, финалом которого естественным образом было «усмирение» с помощью вызванных войск, многочисленные аресты и затем комедия царского суда над рабочими.

Такого же порядка стихийность сказывается и в тех случаях, когда рабочие, выйдя из терпения, начинают прибегать к «своим средствам», т. е. к умерщвлению отдельных представителей администрации. Такая именно террористиче-

ская волна охватила железнодорожных рабочих в Тифлисе после таинственного убийства начальника Закавказских ж. д. Веденеева. Последовал целый ряд избиений ненавистных рабочих бригадиров и других холопствующих перед начальством мелких сошек, убит старший литейщик, контужен пулей начальник депо и т. д. «Крайне печально,—прибавляет корреспондент,—что вся эта стихийная сила неудовольствия не находит более целесообразного выражения. Чувствуется сильный недостаток в интеллигентных руководителях, чтобы направить все эти ключом бьющие силы в одно общее русло всероссийского рабочего движения».

Но более печальным и опасным последствием бессознательности темных масс были вспышки племенной и религиозной вражды их против инородцев, главным образом, русских против евреев. Кишиневские события 6—8 апреля 1903 г. в яркой форме продемонстрировали перед целым миром подлый, отвратительный характер «последней карты царизма»¹. Но делать ставку на еврейские погромы российская полиция могла только потому, что тогда были еще налицо многочисленные кадры трудящихся, в которых легко было разжечь погромные инстинкты.

Подготовка к 1-му мая со стороны органов правительства шла, между прочим, и в том направлении, чтобы революционное движение толпы в день красного рабочего праздника превратить в черную картину еврейского погрома. Учитывая это обстоятельство, очень многие комитеты с.-д. партии часто принуждаемы были силою обстоятельств спешно отменить первомайские демонстрации. Вот один из примеров такого рода опасных настроений толпы. В Астрахани перед 1-м мая 1903 г. царил возбужденное настроение среди рабочих, отчасти вызванное недовольством широкой массы «ловцов» против нового рыболовного устава, а отчасти подогретое первомайскими прокламациями Организационного Комитета. В то же время,—по словам корреспондента,—существовала опасность, что «под влиянием кишиневских событий, возбуждение невосвещенной еще социал-демократической агитацией массы грозило прорваться по линии наименьшего сопротивления («начнем с жидов, потом примемся за казенки, всем достанется») и кровавое «усмирение» в «глазах широкой публики покрылось бы ореолом охраны жизни и имущества любезных верноподданных». Такое положение дел определило соответствующий характер агитации местного Комитета.

¹ В передовой статье в № 39 «Искры», под заглавием «Последняя карта царизма», попытожены все факты, неопровержимо доказывающие соучастие русского правительства в организации кишиневского погрома.

Другим показателем того, что рабочий класс во времена «Искры» еще не изжил детских болезней своего возраста, являются успехи зубатовских начинаний. Выше уже было сказано несколько слов о зубатовщине, как о попытке приспособления самодержавия к новой политической обстановке, основным фактором которой явился на рубеже XX века быстрый рост рабочего движения. Здесь мы еще раз коснемся этого вопроса, чтобы бегло осветить его с точки зрения реакции рабочей массы на провокаторскую политику дерзкого и умного вдохновителя вступившей на путь полицейского «социализма» российской охранки.

Символ веры зубатовцев заключался в следующих, формулированных самим Зубатовым, положениях: 1) замена революционного учения эволюционным (отрицание всех форм и видов насилия); 2) проповедь преимущества самодержавной формы правления в области социальных отношений («по внеклассовости своей» самодержавие включает в себе «начало третейское», склонное к справедливости); 3) движение социалистическое занято реформой всех классов общества, а профессиональное, «покоящееся на принципах капиталистического строя», занято «своими непосредственными интересами»; 4) границы самодержавности (масс) оканчиваются там, где начинаются права власти. Все должно направляться к власти и через власть.

Опыт, произведенный Зубатовым среди еврейского пролетариата, оказался успешным. Влияние «экономистов»¹ росло не по дням, а по часам. К августу 1901 г. они завоевали шесть цехов: переплетчиков, слесарей, столяров, каменщиков, щеточников, жестяников. Зубатовцы решили выйти из Бунда и создать новую политическую партию. Летом этого же года группа зубатовцев выпустила манифест и программу «еврейской независимой рабочей партии». Борьба Бунда с новой партией становилась все более и более затруднительной: с одной стороны, «Независимцам» помогала охранка, арестовывая пачками их противников, а с другой стороны, массы рабочих видели воочию небывалую мощь этой партии, которой в короткое время удалось добиться от запуганных хозяев предприятий ряда значительных уступок стачечникам, действовавшим под покровительством тоже «социалиста», жандармского полковника Васильева. Этот последний весьма успешно конкурировал с бундовскими агитаторами, если судить по тому, что ему удавалось собирать, вопреки усилиям Бунда помешать этому, многочисленные толпы пролетариев (например, несколько сот приказчиков в Минске летом 1901 г.) и держать перед ними пла-

¹ Под этим именем фигурировали последователи Зубатова в агентурных донесениях в департамент полиции.

менные речи о вреде политической борьбы и о выгоде бороться за свои экономические интересы с благословения и под «покровительством» царского правительства. О популярности «независимцев» свидетельствует, между прочим, и тот факт, что толпы рабочих ломились на устраиваемые ими праздничные собрания. Так, например, в октябре 1901 г. состоялся праздник независимой партии, на котором, несмотря на все противодействие Бунда, было около 1500 рабочих и много интеллигенции. Все это до такой степени окрыляло зубатовцев, что им уже мерещился «громаднейший переворот» во всей России, в особенности, если устроить съезд жандармских чинов для восприятия ими идей, а также уроков тактики и стратегии нового курса в охранной политике (NB. подобный съезд жандармских полковников действительно впоследствии был созван).

Все это не мешало, однако, развиваться в недрах самой зубатовщины тем внутренним противоречиям, которые были ей присущи, как фальшивой и играющей с огнем полицейской авантюре. Как ни казалась забитым нуждою, изголодавшимся массам еврейских рабочих соблазнительной перспективой улучшить свое положение без риска испытать прелести тюрьмы и ссылки, как ни благоприятствовали быстрому успеху «независимцев» растущая нищета и безработица, вызванная промышленным кризисом, тем не менее зубатовщина скоро стала исчерпывать свои ресурсы. Кишиневский погром подействовал на еврейские массы отрезвляющим образом и помог Бунду отколоть от «независимцев» много рабочих. Да и само правительство в лице Плеве поняло, наконец, какую опасную игру затеяла охранка. В июле 1903 г. партия «независимцев» распалась¹.

Осенью 1902 г. зубатовщина перекинулась в Одессу. Группа «независимцев» стала энергично работать под руководством известного зубатовца Шаевича. Но и здесь зубатовцы, идя по линии наименьшего сопротивления, должны были, для упрочения своего влияния на рабочие массы, способствовать размаху стачечного движения. Подогретая «независимцами» экономическая борьба скоро выросла из тех скромных рамок, которые были намечены зубатовцами, и летом 1903 г. превратилась во всеобщую стачку, начавшуюся с забастовки портовых рабочих и кончившуюся приостановкой работы на всех фабриках и заводах, типографиях, на железной дороге (по линии Одесса-Киев), словом, повсюду. «Независимцы» напрягли все силы, чтобы потушить вызванный отчасти ими же самими революционный пожар и за-

¹ Более подробно о зубатовщине в Минске см. в ст. Бухбиндера «Независимая еврейская рабочая партия» («Красная Летопись», № 2—3 1923 г.).

гнать высоко поднявшуюся волну рабочего протеста в узкое русло аполитичной экономической борьбы. Им удалось сорвать стачку. Забитая, неразвитая рабочая масса стала прислушиваться более к голосу зубатовцев, чем к призыву социал-демократов—дать бой самодержавию. Рабочие капитулировали перед капиталистами и позорно прокричали «ура» Немешаеву (нач. Юго-зап. ж. дорог). И все-таки Плеве не мог простить одесским «независимцам» той легкомысленной игры в забастовку, которую они себе позволили, не мог не почувствовать опасных последствий недовольства фабрикантов и заводчиков, раздраженных этой дерзкой игрой за их счет, и распорядился о ликвидации деятельности одесских зубатовцев, при чем сам Шаевич был арестован и выслан в Сибирь.

Наиболее энергичную деятельность развили зубатовцы в Москве под непосредственным руководством самого Зубатова. Корреспондент Искры очень удачно характеризует систему приемов «генерал-провокаатора» по части уловления слабых и доверчивых людей из революционной среды: «Зубатов хочет сменить нетерпимость революционеров к рыцарям застенка — добродушием, вражду — амикошонскими отношениями; на почве этого добродушия и амикошества он будет вселять доверие к себе в рядах нелегальных деятелей с тряпичной душой, а там—там недалеко будет и до бессознательного предательства по доверию».

Но не в этом только заключалась сила зубатовской политики, а, главным образом, в умении Зубатова овладеть симпатиями масс, внушить им идею целесообразности борьбы с капиталом при помощи легальных вспомогательных касс, обществ взаимопомощи, потребительских обществ, открытых собраний (под руководством г.г. Озеровых) и т. под. средств, позаимствованных как будто нарочно из рецептурной книжки либерального народничества или из арсенала «революционного» оружия ярых рабочемысленцев. Московское общество взаимопомощи, зародившееся по инициативе московских машиностроительных рабочих и, вероятно, по подсказке зубатовских провокаторов (вроде, напр., пресловутых зубатовцев Афанасьева и Слепова), стало типичным образцом такого рода начинаний. Устав кассы взаимопомощи был выработан при благосклонном участии г.г. Трепова и Зубатова. Любопытно отметить, что вызванное зубатовым «рабочее движение» в Москве втиснуто в рамки организации, напоминающей типичную с.д.-ую организацию того времени. Во главе организации стоит «Совет», руководимый Афанасьевым и Слеповым. Все вопросы, подлежащие обсуждению районных собраний, исходят из «Совета» и предварительно просматриваются агентурой охранного отделения. На районных собраниях присутствует для контроля член «Совета». «Совет» кон-

струируется или пополняется из числа кандидатов, выдвинутых порайонным собранием, но при наличии самого тщательного осмотра кандидатур, с точки зрения их «благонадежности». Словом, в основу зубатовской организации положен тот самый принцип «демократического централизма», который сказался наиболее сподручным и для политических антиподов Зубатова. О громадном развращающем влиянии зубатовцев на отсталые слои московского пролетариата можно судить хотя бы по известному эпизоду с патриотической манифестацией в день 19 февраля (1902 г.) перед памятником Александра II, около которого «народ» (собранный в количестве 50 тысяч человек толпа), после приличествующей случаю речи дядюшки царя, Сергея, выли и ревели, пав на колени, от патриотических восторгов.

Но политика заигрыванья охранки с рабочими и в Москве, как и в других местах, должна была в конце концов зайти в тупик. Провокатор Слепов стал договариваться в своих речах до обещаний... социалистического строя. «Правительство,—сулил он рабочим,—обещает вам восьмичасовой рабочий день, а потом... современем оно возьмет в свои руки все фабрики, отдаст их вам и вы будете хозяевами своего дела»¹. Но этого мало. Охранка делает ряд попыток подкупить рабочих и завоевать их доверие за счет интересов фабрикантов. Она провоцирует стачку и открыто поддерживает стачечников на фабрике Муси. Наряду с этим имели место стачки на шелковой фабрике Жиро, на Даниловской м-ре и у Гужона. Фабриканты, наконец, стали выражать сильное беспокойство и раздражение по поводу смелых экспериментов охранки. Они пришли к выводу, формулированному кем-то из их видных представителей так: «правительство в лице охраны хочет отвлечь рабочих от политических идей путем уступок за счет нашего кармана, но оно забывает, что антикапитализм есть тоже политический вопрос»². В виду всех этих симптомов «Искра» уже предвидит скорое полное банкротство зубатовской политики.

Из Москвы Зубатовщина перекинулась и в Петербург. Но—странное дело! Здесь, на первых порах, Зубатов натолкнулся на совершенно неожиданный для него факт недоверия петербургских рабочих к добрым намерениям охранки, и первые дебюты зубатовцев в Петербурге были более чем неудачны. «Социалиста» Слепова рабочие не захотели и слушать, другого провокатора—Соколова—исключили из общества и, перефразируя националистическую формулу этих пророков—«Россия для русских»—в более подходящий к случаю лозунг—«Петербург для петербуржцев»—предложили

¹ См. корреспонденцию в № 19 «Искры».—«Из Москвы».

² Там же.

«москвичам» убираться вон. Быть может, этот факт можно было бы объяснить тем обстоятельством, что в Петербурге более старое и более глубокое рабочее и революционное движение успело в большей мере воспитать классовое сознание пролетариата и упрочить в нем революционные традиции, чем это могло быть в отсталой патриархальной Москве. Впрочем, первые неудачи зубатовских экспериментов в северной столице вовсе еще не свидетельствовали о том, что петербургский пролетариат обладает полным иммунитетом по отношению к бацилле охранного «социализма». Впоследствии зубатовщина успела сделать Петербург центром того особого движения, которое вылилось в форму Гапониады. И только страшное кровавое 9-е января 1905 г. навсегда вылечило не только петербургских рабочих, но и пролетариат всей России от той болезни, которая долгое время одурманивала его классовое сознание и сковывала его коллективную волю, его устремление к революционной борьбе.

Такова была историческая роль зубатовщины. Но было бы ошибкой думать, что она хотя бы на один момент вытеснила другие методы полицейского государства по части искоренения революционного духа среди пробуждающегося пролетариата. Под аккомпанимент сладковатного пения охранной сирены бешено работала казачья нагайка и свистели пули, осыпая свинцовым дождем мирные толпы стачечников. У двуглавого орла были две души. Одна душа возжелала европейских форм эксплуатации трудящихся масс, а другая ничего и знать не желала, как только свирепствовать, неистовствовать и душить крамолу всеми имеющимися в распоряжении азиатского самодержавия бичами и скорпионами.

И в самом деле, с одной стороны, царский министр Витте свидетельствует в своей записке, что забастовка «не составляет еще нарушения порядка общественного», ибо «крайне трудно допустить, чтобы рабочие решились на столь убыточное для них средство, как стачка, без достаточных к тому поводов». Он утверждает, что «забастовка есть совершенно естественное явление, органически связанное с современными экономическими условиями промышленной жизни, возможное везде, где имеет применение наемный труд и не могущее быть устраненным при помощи подавления и пресечения отдельных случаев его проявления». Такова была теория «европеизированного» самодержавия.

А между тем, арест и свирепая расправа со стачечниками представляли подлинную практику азиатского правительства. Эти расправы со стачечниками или стремление помешать собраниям стачечников приводили к тем кровавым бойням, которыми так богата история рабочего движения в царствование Николая II. Убийство рабочих в Ярославле («мо-

лодцами фанатиками»), финал Домбровской стачки, Максвельской, Рижской, Мариупольской, Батумской, Златоустинской, Обуховская бойня, расправы в Ростове и на ст. Тихорецкой и т. д., и т. д. — вот кровавые страницы этой истории.

А что такое представляет из себя расправа царского правительства с рабочими специфически — «казацкими» методами, это можно усмотреть из описания любого эпизода в данном жанре. Приведем для примера выдержку из искровской корреспонденции со ст. Тихорецкой:

«Казачи, с обнаженными пашками и нагайками, врезались в лежащую грудой людей, давя их копытами и рубя направо и налево. Рабочие голыми руками пытались защищаться, но все было напрасно: на месте бойни осталась масса отрубленных частей тела, куча раненых. В бегущую толпу дано несколько залпов. 5 убито, 17 тяжело ранено. Двое убиты так: один рабочий нес на коромысле два ведра воды домой: казак прицелился в несчастного и убил его наповал, а затем и жену, выбежавшую спасать мужа. Затем начался грабеж... Одна женщина пыталась оборонять свое добро: ей рассекли пашкой живот». «Казачи неистовствовали, как звери, врывались в дома рабочих, били всех — детей, женщин, стариков. Женщин и девушек насиловали, имущество грабили. В одной квартире на полу найден ребенок, пригвожденный кинжалом»... И т. д., и т. д.

Можно ли сказать, что такого рода полицейское усердие было совершенно по вкусу предпринимателям, в интересах которых правительство старалось держать рабочих в ежовых рукавицах? Есть свидетельские показания, говорящие о том, что сокрушительная сила инерции полицейского аппарата в борьбе с «красной» иногда больно задевала интересы и капитала. Вот, например, на табачной фабрике Попова в Одессе рабочие проявили такое стачечное упорство, что хозяин охотно уже готов был пойти на уступки и просил выпустить арестованных, но получил от администрации суровый ответ: «пока нас не звали, могли сами поступать как угодно; теперь же дело наше, не мешайтесь». Кроме того, с него был взят штраф в 500 руб. за позднее заявление о стачке. Или еще пример: на ниточной фабрике Штиглица в Петербурге 23 янв. 1903 г. началась забастовка. Контора вступила с забастовщиками в переговоры, но вмешался Клейгельс, и по приказу градоначальника 3.000 рабочих было расстреляно.

Но в общем и целом, какова бы ни была своя особая логика самому себе довлеющего самодержавия, оно никогда коренным образом не нарушало интересов капитала и тем более было с ним солидарно, что и сама казна, а вместе с ним и дворцовое ведомство выступали в промышленной жизни, как капиталистические предприниматели, заинтересо-

ванные непосредственно в эксплуатации рабочих. На императорском фарфоровом заводе в селе Александровском, близ Петербурга, господствуют такие порядки, о которых корреспондент «Искры» отзывался очень определенно: «Такой произвол, такие безобразия, какие существуют на имп. фарф. заводе, трудно найти на других, даже до 1897 г.» С задельной платы путем штрафов обычно задерживается 10—15—20 рублей,—по усмотрению директора завода генерала Гурьева, причем требование закона, подписанное Николаем II, запрещающее брать сумму штрафов в размере более трети заработка, совершенно игнорируется на заводе, хозяином которого является сам законодатель. Издевательство над рабочими в царских имениях (в Ливадии) доходит до того, что за нарушение приказа, запрещающего рабочим курение в имении, виновные штрафуются в 10—25 руб. Ряд стачек в Ливадии в 1901—902 г.г. свидетельствует о том, что война труда с капиталом идет и в этом, казалось бы, вполне забронированном от «бунта» уголке. Очень горькие жалобы на беспросветное положение рабочих идут из казенного инструментального завода (в Петербурге). Пользуясь безработицей, заводское начальство «без всяких церемоний понижает расценки, увеличивает число рабочих часов, издевается над человеческим достоинством рабочих», заставляет под страхом расчета, сверх абонеента, чистить ватерклозеты, мыть полы в казенных квартирах... «И это после 13—15-часовой работы!»—негодующе восклицает корреспондент.

Одним словом, положение труда рабочих в казенных предприятиях не только не лучше, чем у частных капиталистов, но осложняется еще специфически-наглым произволом администрации, которая сама представляет плоть от плоти царского правительства и на которую жаловаться некуда.

Но не в этом обстоятельстве нужно искать основного объяснения той солидарности и той органической связи, которая существует между правительственными органами власти (в том числе и самодержавной) и представителями капитала. Каковы бы ни были «собственные пути» самодержавия, но и оно не может представлять исключения в капиталистической обстановке, в которой, по словам коммунистического манифеста, все становится продажным. Тот, кто может купить услуги чиновника, тот и является в конечном счете подлинным властителем жизни. А по части продажности чиновники его величества—русского абсолюта если кому-нибудь и уступали, то, быть может, разве только турецким рыцарям «хабары». Вот, например, как характеризует «искровский» корреспондент идиллический альянс между угледопромышленниками и местной полицией.

«Начальник Таганрогского округа Кадников вместе с своим помощником занимается торговыми операциями. Он покупает

десятками тысяч пудов уголь на рудниках, и ему, как начальнику (курсив мой. П. Л.), делается скидка в 2—3 коп. с пуда против рыночной цены угля, и этот уголь продает на заводы вверенного ему округа по цене копейки на две выше рыночной цены». «Подведомственные начальнику округа полицейские чины—заседатели, надзиратели, урядники и пр. поступают уже гораздо проще: они ежемесячно от заводов и рудников получают жалованье и в получении такового расписываются, и с ними уже проще поступают; им платят и говорят приблизительно следующее: смотрите, никаких затруднений руднику не причинять, сор из избы не выносить, а то жалованья лишу и начальнику округа сообщу,—он вас уберет». Но, скажут, есть же высшие инстанции, куда можно жаловаться на безобразия мелкотравчатых властей. Конечно, есть. Вот, например, во главе горной инспекции Обл. В. Дон. стоит начальник юго-вост. горн. управления—ген. Вагнер. Но увы, этот вершитель судеб горнозаводских дел сам спекулирует по поставке дубовых стоек из собственных лесов в крупные рудники «вверенной» ему области, причем стойки далеко не всегда имеют установленные размеры. А другой столь же большой чин—нач. южн. горного управления Зеленцов—просто «берет «хабар» в неприкрытом виде и нередко делает внушение подведомственным ему чинам горной инспекции: никаких дел с горнопромышленниками не возбуждать».

Эта типичная картинка из русской действительности описываемого периода достаточно иллюстрирует «нормальные» взаимоотношения между предпринимателями и царскими чиновниками, исполняющими функции контроля и надзора над предприятиями. Но еще характернее жалкая роль фабричных инспекторов, специальное назначение которых, по мысли законодателя, заключается в защите интересов труда от незаконных форм эксплуатации его капиталом. В лучшем случае это детище «либеральной» политики Витте жалобно стояло перед протестующими рабочими о своем зависимом положении и о своей бессилии быть им полезным в их борьбе с хозяином. В Орехове-Зуеве котлочист, обваренный паром во время работы, не только не получил никакого пособия от фабриканта, но просто был рассчитан конторой. Он обратился за защитой к своему фабричному инспектору, но тот стал сам ему жаловаться на Савву Морозова: «вот, смотрите, какое я занимаю помещение от хозяина: что я с ним могу поделатъ?» Несчастный, купленный, и, быть может, очень дешево купленный—лакей толстосума своим жалобным писком лучше всего свидетельствует о служебной импотенции фабричного инспектора. А в худшем, и далеко не редком случае, фабричный инспектор откровенно становится на сторону фабриканта, ведет себя с рабочими, как любой полицейский

держиморда, и, успев довести толпу до раздражения, спешит вызвать полицию для расправы с несговорчивыми рабочими (вроде, напр., того пом. фабр. инспектора в Иваново-Вознесенске, которого «Искра» предлагает рабочим бойкотировать за его полицейские повадки).

Немудрено, что у рабочих самое звание фабричного инспектора стало синонимом жалкой рептилии. «Ходили к инспектору,—сообщает автор корреспонденции о безобразиях на заводе Бромлей в Москве,—а известное дело, эти господа всегда тянут руку фабрикантов—им и царь-батюшка так приказывает, да и сами они не глупы, что понижают: на фрак и на брюки с бедного рабочего не получишь. Так, где же твое право, рабочий?»

На этот последний вопрос давала ясный ответ не только «Искра», не только соц.демократическая партия, но и практика разгорающегося революционного движения. Рабочие все более и более начинают сознавать, как им добиться своих прав.

2. Безработица и революционный под'ем рабочего класса

Но как ни плохо было положение рабочих, вообще, на протяжении последних десятилетий прошлого столетия, оно становится воистину ужасным во время наступления и расцвета кризиса в 1900—1903 годах. Хотя правительство и старалось затушевать размеры кризиса (как уверял Николай II,—по словам гр. Келлера на съезде горнопромышленников в Горловке—«уменьшение производительности фабрик, заводов и каменноугольных копей должно считать заминкой в производстве, но никак не кризисом»), тем не менее рабочие на своей собственной шкуре вполне определенно могли оценить, что влечет за собою для них эта «заминка».

Безработица быстро распространилась, как моровая язва, по всем промышленным районам России. Уже в конце 1900-го года в Петербурге, согласно сообщению «Рабочего Листка» (№ 4),—«как тени ходят по улицам наши безработные товарищи с Волынки, где одну смену рассчитали, от Паля, где половина ночной смены не работает, от Кенига, с Малой Охтенской ткацкой, от Шаво, от Торнтона и др.». В это же время в Шуйско-Ивановском районе многие фабриканты выкинули на улицу 30—50% своих рабочих. В ноябрьском номере (№ 3) 1900 г. «Южного Рабочего» сообщается о безработице на юге: «В Екатеринославе, Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Юзовке и других местах—езде сокращение работы,... везде ужасы нужды, и призрак голодной смерти встает в рабочих поселках». «В Николаеве общее

число уволенных доходит до 2.000 чел., в Мариуполе—до 600» и т. д. В Риге, по сообщению корреспондента «Искры» (осенью 1901 г.), «на главных заводах работает только четверть рабочих, и то—от 8 до 4 пополудни». Рабочие поселки (напр., Касперовка—предместье в Таганроге, населенное рабочими металлургического завода)—очень часто, по выражению корреспондентов, имеют вид голодающей русской деревни.

В Москве кризис особенно обострился весной и летом 1902 г. После пасхи на Прохоровской фабрике число рабочих сокращено на 900 чел., Реутовская мануфактура выбросила на улицу 1.200 рабочих, Подольский завод Московского акц. о-ва рассчитал всех своих рабочих (2.000 чел.) и т. д. На Урале (напр., в Екатеринбурге) масса безработных, и промышленники как бы танцуют на вулкане. С юга все время идут указания, что безработица продолжается. Одна из прокламаций Екатеринославского комитета сообщает, что «на Брянском заводе в бессемеровском цехе вместо прежних 600 рабочих теперь (в 1903 г.) ту же работу выполняют 300 человек, причем им часто приходится работать непрерывно 36 час.! В рельсопрокатном цехе рабочие прежде работали 26—27 дней в месяц, теперь 10—12!» В Нижнеднепровских ж.-д. мастерских за ремонт товарного вагона вместо прежних 7 руб. стали платить 1 р. 50 к., за отделку дверей в столярном цехе—вместо 18 руб.—восемь и т. д., и т. д.

Все прокламации местных комитетов вопиют об одном и том же: сотни и тысячи рабочих выбрасываются фабриками и заводами на улицу. Призрак нищеты и голодной смерти носится в рабочих семьях... А чтобы судить о моральном состоянии тех рабочих, которых судьба еще падила и которым удавалось задержаться у станка, достаточно прочесть хотя бы следующий отрывок из корреспонденции «Искры» о безработице в Петербурге:

«Мучительно долго тянутся часы, когда приходится стоять перед пустыми тисками. Отойти нельзя; присесть невозможно: мастер пользуется всяким предлогом, чтобы потянуть к расчету. Рабочий чувствует себя так, как будто он провинился в чем-либо перед мастером. Он не смотрит в глаза мастеру, он знает, что он ненужен более, что он бессилен, что мастер может, как ему угодно, издеваться над ним. Расценки понижаются: не выработаешь и половины прежней полочки... А фабричным еще труднее: рвется гнилая нитка, ноет грудь от вонючей пыли, а выработаешь в месяц 8—6 рублей, иногда четыре, иногда еще меньше. Питаются одним «постным» чаем с черным хлебом,—хорошо, если можно луком скрасить эту, не идущую в рот, пищу. Но и здесь за воротами стоят кучами оборванные ткачихи, ожидая мастера, чтобы просить у него, как милости, хоть какой-нибудь работы. Исхудалые девушки просят у своих прежних товари-

щей «христа ради», с завистью провожая их глазами до ворот фабрики».

Эта безработица сыграла огромную роль революционизирующего фактора. Правда, в корреспонденциях «Искры» попадаются указания и на развращающее действие безработицы. Так, напр., в сообщении о безработице на заводах близ Мариуполя («Искра» № 40) имеется следующее интересное указание: «Безработица очень сильно индивидуализирует рабочих, и, как мало культурные люди, они иногда делают подлости, чтобы удержаться на месте. Рабочие «Никополя», так называемые «муфторезы», воруют сталь у рабочих другого цеха или покусывают, как и точилки, за свои деньги, и все боятся протестовать против такого безобразия, меж тем как эти «муфторезы» — наиболее интеллигентные и в 1899 г. они первые заявили забастовку». Но гораздо больше свидетельских показаний говорит о том, что безработица пробудила рабочих от апатии и бросила их на путь борьбы.

Всюду и везде нарастают психологические предпосылки революционных взрывов. Вот, напр., одна из множества иллюстраций этого явления. «По заводским улицам и паркам, — говорится в корреспонденции из Бежицы, Орл. губ., — то и дело видишь кучки рабочих с мрачными лицами и с сдержанной страстностью обсуждающих жгучие для них вопросы о безработице... Все причастные к заводской администрации лица спешат застраховать жизнь, а некоторые даже отправляют ценные вещи на хранение за пределы завода». Словом, настроение рабочих таково, что «достаточно стачки, чтобы запылал самый хаотический пожар в виде разгрома завода или бунта».

И это наблюдается на заводе (Брянского акц. о-ва), где в течение 25 лет (до 1898 г.) господствовали такие патриархальные порядки, что «заводская администрация не могла даже представить себе возможности иначе регулировать жизнь рабочих, чем своим абсолютным произволом». Автор очерка рабочего движения в Бежице (№№ 26 и 27 «Искры»), описывая действие агрессивной политики заводской администрации по отношению к рабочим в период кризиса, между прочим, замечает: «Рабочие представляли из себя порох, в который достаточно бросить один горячий «листок», чтобы взорвать весь завод на воздух. Но листов не появлялось, и рабочие терпели».

И действительно, при таком нервном настроении рабочих зажигательное действие революционной литературы (листов, прокламаций, брошюр и т. д.) стало очень заметным фактором революционного движения среди пролетарских слоев. — «Искра» у нас читается нарасхват, — пишет корреспондент из Орехова-Зуева, — и сколько доставлено — вся находится в ходу. Благодаря ей, чувствуется сильный подъем у

рабочих»¹. В Отчете «Летучего Отряда» с-д. Союза Горно-рабочих за март 1903 г. сообщается о многих тысячах прокламаций, распространенных по заводам и рудникам Донецкого бассейна, при чем преобладают такие характеристики произведенного этой литературой эффекта: Мокеевка. Распространены «Пауки и Мухи» и «Кто наши враги?» в количестве 1.500 экз. Настроение рабочих очень хорошее. Полиция потеряла голову. Константиновка. В марте распространены «Пауки и Мухи» и «Кто наши враги?» 1.000 экз. Ждут «бунта». И т. д., и т. д.

Но не на одних рабочих «голуби» или «письма» (как рабочие окрестили прокламации и летучие листки) производили сильное впечатление. Еще более сильный эффект появление их вызывало среди полицейских чинов. В Либаве в ночь с 20 на 21 марта 1903 г. появилась масса прокламаций на латышском, русском и еврейском языках. «Полиция и жандармское управление совсем остервенели по поводу этого—говорит корреспондент «Искры».—Городовые только тем и занимались с 4-х часов утра, что срывали и руками, и ножами, и зубами приклеенные прокламации». Представители администрации готовы бывают раскошелиться на значительные денежные жертвы, лишь бы изловить злоумышленника—разбрасывателя прокламаций (напр., директор Трубопркатн. и сталелит. завода в Мокеевке сулил 100 руб. за поимку такового).

Особенно сильное впечатление на обе стороны (на рабочих, с одной стороны, и на полицию и хозяев—с другой) производили первомайские прокламации. Достаточно бывает появиться пачке прокламаций даже в каком-нибудь богоспа-саемом захолустьи, чтоб вызвать необычайный переполох. В Борисоглебских ж. д. мастерских (рабочих около 1000 чел.) никакого революционного движения никогда не наблюдалось. Но вот, в 1903 г. 1-го мая были распространены в значительном количестве (около 600 экз.) прокламации Организ. Комитета. «Переполох,—пишет корреспондент,—получился страшный. Рабочие не работали. 20 июня в пятницу началась настоящая стачка». В Вышнем Волочке в том же году майские листки произвели еще больший эффект: они произвели сильное впечатление. «На улицу»—раздалось на всех трех фабриках». И в ближайшие же дни стачка охватила рабочих Прохоровской м-ры и фабрики Рябушинского. И таких примеров можно было бы привести сколько угодно.

Было бы, однако, ошибочно думать, что нервно настроенные рабочие в годы кризиса охотно прибегали к стачечному методу борьбы. Статистика забастовок говорит о том, что в

¹ «Искра», № 9. Очень характерно то, что рабочие «особенно много толкуют по крестьянскому вопросу в № 3».

период 1900—1902 г.г. забастовочная волна падает по сравнению с предыдущими годами промышленного подъема, что видно хотя бы из следующей таблицы: ¹.

Годы:	Число охваченных забастовками заведений:		Число бастовавших рабочих.	
	Абсол. число.	В ‰ к общ. числу завед.	Абсол. число.	В ‰ к общ. числу рабочих.
1895 . .	68	0,36	31.195	2,01
1896 . .	118	0,62	29.527	1,94
1897 . .	145	0,75	59.870	3,99
1898 . .	215	1,13	43.150	2,87
1899 . .	189	0,99	57.498	3,83
1900 . .	125	0,73	29.389	1,73
1901 . .	164	0,96	32.218	1,89
1902 . .	123	0,72	36.671	2,15
1903 . .	550	3,21	86.832	5,10

Число бастовавших заведений и число забастовщиков, в общем и целом, до 1899 г. повышается. Затем соответствующие числа падают, достигая минимума в 1902 г. Рассматривая трехлетие 1896—99 г.г. и следующее затем трехлетие 1900—1902 г.г., мы наблюдаем резкий скачек числа бастовавших заведений от 549 до 412 (от 0,96‰ в среднем до 0,80‰), а еще более резкий скачек числа бастовавших рабочих от 160.518 до 98.278 (от 3,56‰, в среднем, до 1,92‰).

Ясное дело, что несмотря на все ужасы безработицы пролетариат своим классовым инстинктом чувствует, что экономическая стачка ему мало поможет. И только в 1903 г. рабочее движение, принявшее характер революционной судоги, предвещающей приближение 1905 г., характеризуется поднятием стачечной волны на небывалый до того времени уровень (бастовало 3,2‰ заведений и 5,1‰ общего числа рабочих), при чем большинство крупнейших стачек имело ясно выраженный политический характер, о чем, между прочим, свидетельствуют и нижеследующие цифры:

ГОДЫ.	Число заведений, охваченных забастовками.			Число бастовавших рабочих.		
	Всего.	В том числе забаст. полит. и др. не эконом. характера.		Всего.	В том числе забаст. политич. и других не экономическ. характера.	
		абс. ч.	‰ к общ. ч.		абс. ч.	‰ к общ. ч.
1895—1897 г.	331	7	2,1	120592	756	0,6
1898—1900 »	529	27	5,1	130037	8862	6,8
1901—1903 »	837	142	17,0	155721	24584	15,8
Всего в 1903 г.	550	126	22,9	86832	19022	21,9

¹ Данные для нижеприведенных таблиц взяты из книги «Материалы по статистике труда», под ред. С. Г. Струмилина, Москва, 1920.

Судя по числу охваченных забастовками заведений, равно как и по количеству бастовавших заведений, абсолютный и относительный рост политических забастовок имеет характер быстро вздымающейся кверху волны. Правда, эта волна потом в 1904 г. резко падает (по причине войны с Японией), но с тем, чтобы в 1905 г. революционно подняться на недостижимую высоту. Особенно большим ростом политических забастовок за весь период 1895—1903 г.г. отличается последний—1903-й год. При этом любопытно отметить, что наибольшую революционность и, так сказать, политическую нервность в этом году обнаруживают рабочие, занятые в полиграфическом и бумажном производстве (из 132 забастовок, насчитываемых за все десятилетие 1895—1903 г.г., на один 1903 г. приходится 110 забастовок, что составляет 83%), в производствах по обработке металлов (119 забастовок из общего числа 319, или 37%) и в химических производствах (из 116 забастовок 91 или 79%),—в то время, как на остальные виды производства (текстильного, по обработке минеральных веществ, дерева, животных и пищевых продуктов и пр.) в 1903 г. приходится лишь 18% забастовок по отношению ко всему десятилетию.

Об эволюции рабочего движения за рассматриваемый в нашем очерке период можно судить, между прочим, по примеру, который приводится в № 38 «Искры» (корреспонденция с Урала) относительно революционизирования рабочих этого отсталого района.

«Впервые переживаемый Уралом острый кризис, сводящий заработок рабочего к голодному уровню 7—9 коп. и выкидывающий сотни и тысячи рабочих на улицу в распоряжение голодной смерти, ставит перед каждым рабочим мучительно неотвратимый вопрос—как быть? Что делать? Экономический террор, старое средство борьбы уральских рабочих, и теперь, конечно, употребляется еще в больших размерах—чуть-ли не каждую неделю слышишь, что на том или другом заводе пушены в ход поджог, пуля, динамит или бомба... Но рабочая масса начинает сознавать, что этой борьбой отдельных лиц против отдельных проявлений гнета она не может хоть сколько-нибудь улучшить свое положение, как не избавились от голода алапаевские крестьяне и рабочие своим одиночным нападением на заводское имущество. Действовать не в одиночку или разрозненными кучками, а всем вместе, дружно и солидарно—это первый урок, полученный уральскими рабочими от безработицы и кризиса. Но что же делать? Просить? И рабочие обращаются с просьбами ко всем властям и инстанциям, начиная с мелких полицейских властей, как в Нижне-Салдинском заводе, и кончая... архиереем, как на Верхне-Уфалейском. Темные, напрасные надежды! Мелькает, как последняя надежда, стародавняя, времен крепостного права, надежда на самого, на царя... И после полиции и администрации, после заводоуправления и архиерея, рабочие Сорянского округа отправляют телеграмму царю, жалуясь на понижение на 20% заработной платы, требуя «хлеба и работы». Время идет, растет голодная армия безработных, растут болезни и смерти (одних больных инфекционными болезнями в Пермской губ. было 13.800; в Уфимской губ. умирает 56% детей); призраком голодной смерти встает перед истощенным рабочим... А помощи

все ниоткуда, ни от кого, ни от царя небесного, ни от царя земного...

И мучительным, долгим путем вырабатывается в сознании рабочего убеждение, самопроизвольное или под влиянием неведомыми путями распространяющихся идей: «если не могут нам помочь царь небесный и земной, так остается нам самим о себе помышлять. Не просить, а требовать! Не жаловаться, а бороться! И бороться не стачками— на Михайловском заводе рабочие забастовали, но управление закрыло завод, и рабочие разбрелись, кто куда, в поисках работы!... «Не нужно экономической борьбы. Нужна революция!»—писал осужденный на каторгу Киселев в своем письме ко всем рабочим, и эти слова выражают все более и более распространяющееся убеждение все большей массы».

Мы привели эту длинную выписку именно потому, что она очень типична для характеристики того сдвига в рабочем движении, или, лучше сказать, той эволюции, которая в годы кризиса провела рабочую массу в России через все этапы—от смиренных челобитных по адресу полицейских властей (и даже архиереев!) к грозным выступлениям революционной улицы, под аккомпанимент ружейных залпов и свиста казацких нагаек. С одной стороны, кризис со всеми его ужасами безработицы пригнетал рабочих и доводил их до отчаяния, а с другой—способствовал их освобождению от всех иллюзий, навешенных на них проповедью господ Богдановичей и Зубатовых; с одной стороны, стачка, как орудие экономической борьбы, становилась все менее и менее целесообразным методом воздействия на капиталистов, а с другой—все более и более делалась популярными среди рабочих забастовки политические, как наиболее действительное средство сдержать бешеный напор на них капитала, растрепанного кризисом и готового ради спасения предпринимательских барышей идти на все: на локауты, на бессовестный обман рабочих и на расстрелы «бунтующей» «рабочей скотинки».

Любопытно отметить, что за рассматриваемый период все чаще и чаще возникают стачки по мотивам сочувствия и защиты интересов пострадавших от произвола фабричной администрации товарищей. В Батуме, напр., на заводе Манташева, 31 янв. 1902 г., сыр-бор загорелся из-за увольнения администрацией одного рабочего за разговоры во время работы. Забастовало 400 человек, которые твердо стояли на своей позиции, несмотря на полицейские кулаки и нагайки, а также на арест 112 чел. В то же время расчет 420 старых рабочих (в качестве «неблагонадежных») вызвал забастовку 28 февраля 1902 г. всех рабочих на заводе Ротшильда. В результате—героическая борьба забастовщиков с полицией, арест «зачинщиков», демонстрация около тюрьмы, залп в демонстрантов, десятков убитых и много раненых, после чего на всех заводах города и в Русском и в Российском обществе рабочие прекратили работу. В Кременчуге вспыхнула

стачка на табачной фабрике Зарицкого среди работниц, вступившихся за своих уволенных подруг, и т. д., и т. д. Даже штрейкбрехеры стали переводиться. Нанятые в Шуге литейщики для замены забастовщиков на чугунолитейном заводе Калашникова в Иваново-Вознесенске, как только узнали о стачке, — отказались ехать. Администрация завода поспешила сдать неотложные заказы другому, родственному ей заводу анонимного общества в Шуге. Но по просьбе рабочих Калашниковского завода Иваново-Вознесенский комитет выпустил воззвание к рабочим анонимного общества, и те тотчас же забастовали, требуя, чтобы заказы от Калашникова не принимались.

Очень часто стачечники бывают настроены более радикально, чем руководящий ими комитет. Напр., забастовавшие в Томске (в янв. 1903 г.) типографщики со второго дня забастовки настаивают на уличной демонстрации, и «комитету приходится из сил выбиваться, уговаривая рабочих выждать более удобного времени». Вообще, рабочие везде начинают входить во вкус по части демонстраций. Не говоря уже о таких крупных демонстрациях, как ростовская, любопытно, напр., отметить, что рабочие-евреи в западном крае облюбовали особый способ выявления своего политического протеста. Множество корреспонденций «Искры» из польских и белорусских городков сообщают о маленьких демонстрациях, приуроченных к похоронам, а иногда, впрочем, и к свадьбам того или иного рабочего. Около гроба собирается толпа в 300—400 человек, и растерявшаяся от внезапности импровизированной демонстрации полиция позволяет обыкновенно проходить демонстрации беспрепятственно на протяжении нескольких часов.

Революционное настроение охватывает мало по малу не только более сознательные слои рабочих, но и остальные элементы. Обыкновенно женщины из рабочей среды представляют более косную часть пролетариата, но в обстановке разгорающейся классовой борьбы рабочих с капиталистами и они, в конце концов, революционизируются. «Одним из благоприятных последствий прошлых ростовских событий, — говорится в корреспонденции «Искры» (№ 35) из Ростова на Дону, — было то, что женщины-работницы, раньше, по большей части, остававшиеся пассивными, в настоящее время присоединились к общему рабочему движению. Оживление среди работниц небывалое. Организуются кружки, возбуждается масса животрепещущих вопросов».

Очень показательно в данном отношении то движение, которое кое-где наблюдается среди домашней прислуги, т. е. в той группе пролетариата, которая всегда отличалась наибольшей забитостью и неспособностью к коллективной борьбе. Вот что, напр., сообщает корреспондент из такого воистину глухого уголка, как местечко Паричи, Могил. гу-

бернии. «Бслед за рабочими зашевелилась домашняя прислуга, рабочий день которой здесь, как и везде, ничем не ограничен. В одно прекрасное утро 25 служанок бросили работу и демонстративно прошли по улице. Ни угрозы, ни слезы (!) хозяек не помогали: прислуга требовала, чтобы в 9 час. вечера она освобождалась от работы и чтобы стирка белья не входила в круг ее обязанностей. Через два дня почти все хозяйки сдались, к остальным был применен особого рода «террор», сломивший их сопротивление. Этот «террор», к которому раньше прибегали и ремесленные рабочие, заключался в выбивании всех стекол в домах»...

Даже дети иногда не отстают от взрослых. На табачной фабрике Попова, напр. (в Одессе), подручницы—12-летние девочки—отказались работать за 30 коп. и забастовали, при этом так стойко держались, так храбро выдерживали напор полиции, которая полураздетых детей хватала на улице и тащила на фабрику, что их поведение во время стачки можно было бы поставить в образец многим взрослым рабочим-мужчинам.

За рассматриваемый период характерно то, что стачки рабочих все чаще и чаще осложняются моментом перехода мирной забастовочной картины в картину «действия», где фигурируют озверелые казаки, героические эпизоды борьбы рабочих, пули, нагайки, беспощадная расправа с пленниками... По большей части инициативу такого перехода от стачечной «индигации» к «батальной живописи» берет на себя администрация. Рабочие покидают фабрику. Возлагают большие надежды на переговоры с фабричным инспектором, исправником или губернатором. Собираются толпою. Вдруг, откуда ни возьмись—толпы полицейских или звора «донцов-молодцов»—с шашками наголо,—и пошла потеха!

Вот, напр., в начале октября 1900 г. на Прохоровских рудниках забастовало 800 чел. 3 октября на руднике № 10 рабочие остановили машину и направились к дому директора рудника для мирных переговоров. Невдалеке стояла толпа женщин и детей, семьи рабочих, в ожидании исхода переговоров. Вдруг, вызванная по телефону сотня казаков бросается без разбора дела на толпу женщин и детей и пускает в ход нагайки. Рабочие побежали на помощь к своим семьям, к ним присоединились рабочие с других шахт, и началась свалка. С утра целый день рабочие громили ненавистную контору, уничтожали все бумаги, выбивали стекла в домах служащих, пока не подоспели вызванные из Таганрога и Мокеевского завода казаки. После этого наступил час «возмездия»: загнанных в сарай рабочих (около 300 чел.) пропустили сквозь строй: свистела без устали нагайка, неистово работал во время допроса «бунтовщиков» здоровенный кулак самого начальника казачьего отряда, и даже по-

павшая под руку палача совершенно непричастная к «бунту» толпа пришлых, только что нанявшихся, рабочих подверглась на ряду с «виновниками» отвратительной экзекуции, при чем тот же герой расправы, уразумев *post factum* свою ошибку, изрек классически-великолепную фразу: «это вам, сукины дети, пусть будет авансом»...

Еще более ярким примером превращения стачечной борьбы в кровавый эпизод классовой борьбы пролетариата с его угнетателями может служить знаменитая влатоустинская бойня (13 марта 1903 г.), которая стоила очень многих жертв стачечникам рабочим (около 50 убитых и свыше 100 раненых). Здесь, в этом эпизоде, все в высшей степени характерно: и медленный, долгий путь классового самосознания политически отсталых масс, не спешивших расстаться со своим традиционно почтительным отношением к начальству, со своей верой в благожелательность «царя-батюшки»; и провокационная политика полиции, вызвавшей возбуждение толпы арестом выбранных рабочими (по приказанию губернатора) четырех депутатов; и преданность рабочих своим пленным вожакам, за освобождение которых стачечники соглашались приступить к работам на новых, продиктованных им администрацией завода, условиях; и озорство блудливого и трусливого виновника бойни—уфимского губернатора, который сначала раззадорил толпу своими мымрецовскими ухватками, пытаясь самолично выхватить из толпы и арестовать одного из рабочих, а потом, перепуганный угрожающим ропотом толпы, поспешил взбежать на крыльцо и дал сигнал к расстрелу толпы; и настроение рабочих после бойни («были дураками, поверили начальству, пришли с голыми руками»,—сетовали они по поводу преподанного им уфимским самодержцем кровавого «урока»)...

Но в 1900—1903 г.г. нередко уже случаи—и чем дальше, тем все чаще и импозантнее они становятся,—когда стачка приобретает характер активной политической борьбы, возникающей, самопроизвольно, предупреждая момент выявления эксцессов полицейского «действия», или даже разворачивается планомерно, по инициативе самих рабочих, руководимых подпольными агитаторами. Так, напр. в Петербурге, в течение мая и июня 1901 г., прокатывается волна политических забастовок. На Выборгской стороне обыкновенная забастовка, начавшаяся на ткацкой фабрике Чешера из-за дурной питьевой воды и т. под. поводов, быстро распространилась на ряд соседних фабрик (Воронинскую м-ру, Самсоновскую, зав. Лесснера и др.), причем рабочие забаррикадировали два переулочка, а запоздавшей полиции и солдатам приходится провозиться несколько часов, прежде чем они успевают одолеть эти препятствия и начать расправу. Следует заметить, что в рассказанном эпизоде более инициативные

группы рабочих заставляют насильно присоединяться к ним колеблющихся, пуская в ход камни и т. п. Такую же точно картину представляет забастовка летом 1901 г. в Серпухове. Рабочие с Коншинской мызы заставляют бастовать других коншинских рабочих, угрожая в противном случае расправиться с ними с помощью красного петуха и пустить их по миру. И здесь—вначале мирная стачка скоро перешла в действие: был подожжен склад дров Коншина, и только подоспевшие казаки успели ликвидировать дальнейший погром. Еще решительнее действуют рабочие (5.000 чел.) Воткинского завода (в апреле 1902 г.), у которых оказались очень инициативные руководители („студенты“). Бросив работу, рабочие прежде всего оборвали телеграфные проволоки, проникли в контору, вывели оттуда управляющего и доктора, держа над их головою красное знамя и, несмотря на упорное сопротивление, заставили управляющего подписать их требование 8 час. рабочего дня; затем они арестовали исправника, заставили станowego (разгромив, кстати, его квартиру) освободить из-под ареста их „студентов“, забаррикадировали плотину своего пруда, поставили на нем пушку (одну из заготовленных на заводе) и успели заразить своим настроением Ижевский казенный завод, где работало до 30.000 человек. Правда, этот революционный порыв кончился поражением рабочих и жестокой расправой с ними (35 чел. из числа арестованных рабочих были подвергнуты наказанию розгами). Тем не менее, то обстоятельство, что такие вспышки могли иметь место, очень симптоматично в смысле барометрического показателя надвигающейся революционной грозы.

Не умножая примеров в том же роде, упомянем еще о знаменитой ростовской стачке, начавшейся 2 ноября 1902 г. с забастовки котельщиков в главных мастерских Владик. ж. д. (всего в мастерской около 4.000 чел.). Выставленные забастовщиками требования имели чисто экономический характер (9 час. раб. день, повышение жалованья на 20% и т. д.). В ближайшие же дни к стачке присоединились рабочие ряда других предприятий (ж. д. депо, завода Пастухова, зав. Панина и др.). Стачка становится сразу чрезвычайно популярной, и стихия революционной вспышки торжествующего ростовского пролетариата на протяжении трех недель захлестывает жизнь сонного до того времени городка. Полиция и жандармерия растерялись до такой степени, что несмотря на целую армию „христолюбивого воинства“ (в разгар стачки из Екатеринослава было вызвано 2.000 солдат), несмотря на все победы и одоления этого воинства (9-го ноября, напр., после залпа в толпу, 7 чел. остались на месте убитыми и 15 было ранено), революционная лихорадка в городе не прекращалась многие дни и недели. Главное место митингов—Темерникская балка—становится на некоторое

время вне пределов полицейской досягаемости. Изодня в день, несмотря на всевозможные запрещения и угрозы египетскими казнями, это излюбленное место сходок в Ростове заполняется огромной толпой, которая с каждым днем становится все больше и больше. Первоначальные митинги в 3—4 тысячи скоро превращаются в грандиознейшие собрания, на которых присутствует 15—20 тысяч человек. Толпа жадно прислушивается к каждому слову, выходящему из уст неуловимого для полиции комитетского оратора, и выбрасываемые руководителями революционные лозунги становятся для наэлектризованных масс высшим законом, стилизирующим их волю. На прокламации появляется огромный спрос. „Чернь,—пишет один корреспондент,—со времени Перона не бросалась так на хлеб, как присутствующие на прокламации. Происходила ужасная давка. Один рабочий, чуть не плача, кричал: „хоть одну прокламашку“...

Влияние ростовской стачки было огромно. В целом ряде городов она отозвалась весьма заметным повышением революционной температуры в рабочих кварталах.

Самое же существенное, однако, что следует отметить в ростовских событиях, так это момент слияния в одно революционное целое „героев“ и „толпы“. По этому поводу „Искра“ замечает, что ростовские события открыли собою новую эпоху, эпоху массовых демонстраций. „Демонстрация „героев“,—говорится в статье „значение ростовской стачки“ (№ 32 „Искры“) —прожаживающихся перед „толпою“, отжили свое время и утратили свое значение. Теперь демонстрации должны быть массовыми, или их вовсе не должно быть“. Иначе сказать—ростовская стачка 1902 г. свидетельствовала уже о таком глубоком заражении русского пролетариата революционной бациллой, которое позволяло „Искре“ радостно восклицать: „Весело жить в такое время!“

И действительно, демонстрация все более и более становится излюбленной формой политического протеста улицы. Если еще в 1901 г. рабочие массы выступали под чужим флагом в качестве попутчиков „бунтующего“ студенчества, то уже в 1903 г., когда студенческая жизнь вошла в русло академического мирного бытия, мы видим тысячи и десятки тысяч демонстрантов, запружающих улицы не только столиц, но и промышленных центров второго или третьего порядка. Так, напр., „мартовские иды“ в 1903 г. ознаменовались рядом крупных рабочих демонстраций на юге России—в Ростове, в Баку, в Тифлисе, в Батуме. Опять-таки Ростов Н./Д. и на этот раз представляет наиболее импозантное зрелище, когда десятитысячная толпа, запрудившая Садовую улицу, в течение полутора часов владела этой последней и расхаживала по ней со знаменами взад и вперед.

Но самым показательным явлением роста революционных настроений среди масс следует считать первомайские демонстрации и забастовки. Не нужно забывать, что к первомайским дням усиленно готовятся не только с.-д. комитеты, но и полиция¹. Обыски, аресты и высылка во всех местах, где охранники чувят „первомайский дух“, принимают обыкновенно в эти моменты бешеный характер, и тем не менее 1-е мая (по старому или новому стилю, а иногда, из стратегических соображений, не 1-е мая, а какой-нибудь воскресный день, близкий к 1 мая) все с большим и большим упорством становится днем массового выявления пролетариатом своей подлинной классовой природы.

В 1901 г. на 1-е мая откликнулись рабочие городов—Петербург, Тифлиса, Варшавы, Лодзи, Харькова, Киева, Одессы, Симферополя и некоторых других. Но более или менее внушительно этот праздник проходит только в Польше (в Варшаве была организована демонстрация в 15 тысяч, в Лодзи состоялась сходка в 30.000 рабочих) и в Тифлисе, где толпа в 3.000 чел. восторженно приветствовала знамя с лозунгами 8-час. раб. дня и объединения рабочих всех стран. Но несмотря на значительное распространение первомайских прокламаций (было выпущено около 40.000 экземпляров общей прокламации от имени ряда русских комитетов и зарубежных организаций, в том числе и „Искры“), первомайский праздник не пользуется еще той популярностью, какую он приобретает в последующие годы. Даже в Петербурге 1-е мая не будоражит рабочую массу. С Обуховского завода не вышло на работу в объявленный день праздника только 1.500 чел. (15%), и только знаменитая обуховская бойня после 1-го мая (в связи с увольнением 26 человек) оставила яркий кровавый след от этого пролетарского праздника в столице.

В 1902 г. празднование 1 мая охватило большое количество местностей. Судя по корреспонденциям в „Искре“, „Рев. России“ и „Последних Известиях“, около 35 городов стали так или иначе ареною такого празднования. Более внушительные демонстрации имели место в Саратове, Сормове, в Нижнем, Вильне, Баку. На этот раз царское правительство и его полицейские самодержцы проявили такую нервность, которая выходила из ряда вон. Целый ряд судебных процес-

¹ В одном из донесений директору Д-та полиции начальника киевского губ. жанд. упр. от 16/III 1902 г. имеется такое характерное признание: „Так как обыски 10 апр. будут сопровождаться личным задержанием только в зависимости от результатов таковых, то в конце будущего месяца, около 25-го числа, имеется в виду повторение ликвидаций, целью которых будет, главным образом, хотя бы временное изъятие из кружковой среды агитаторов, так или иначе могущих влиять на подговоров и руководство майских демонстраций, к организации коих теперь будут направлены все революционные силы“. (Дело Д-та пол. № 850, Особ. отд. „Розыска на юге России“).

сов (по поводу саратовской дем-ии, сормовской и др.) обнаружил ясную тенденцию правительства бороться с первомайской заразой путем каторжных приговоров. А в Бильне пресловутый палач фон-Валь приобрел историческую известность, подвергнув арестованных 55 человек майских демонстрантов сечению розгами, что и вызвало со стороны рабочего Гирша Лекерта ответный акт мести в форме выстрела (к сожалению, неудачного) в превосходительного негодая.

В 1903 г. первомайский праздник был отмечен почти повсеместным выступлением пролетариата в той или иной форме. Во многих городах комитеты отменили демонстрации в виду угрозы полицейских властей повторить в местах революционного выступления пролетариата опыт кишиневского погрома. Тем не менее, 1-е мая праздновалось в 63 городах. Особенно оживленно встречен был первомайский праздник на Кавказе (в Тифлисе, Баку, Кутаисе) и в Томске. Но, в общем и целом, импонировали не столько открытые выступления демонстрантов, сколько первомайские прокламации, в небывалом количестве распространенные по всем градам и весям в России. В Петербурге Комитет выпустил из своей типографии 13.000 прокламаций, но и в прочих местах—в среднем тысячи две-три прокламаций в каждом пункте первомайского движения гуляло по городу. Один лишь Организационный Комитет выпустил 300.000 прокламаций. Таким образом лозунги революционной социал-демократии: «долой самодержавие! Да здравствует самодержавие народа! Да здравствует 8-часовой рабочий день» и т. д.—залетели в самые глухие уголки, повсюду пробуждая сонную мысль обывателя, повсюду подымая революционное настроение масс.

Чтобы, наконец, ответить на вопрос, какова была картина рабочего движения в территориальном разрезе, приведем нижеследующую таблицу:

Процентное распределение числа забастовок и бастовавших рабочих по промышленным округам.

Промышл. округа.	Петроградский (10 губ.).		Московский (7 губ.).		Варшавский (13 губ.).		Харьковский (11 губ.).	
Годы.	‰ забастовок.	‰ баст. рабочих.	‰ забастовок.	‰ баст. рабочих.	‰ забастовок.	‰ баст. рабочих.	‰ забастовок.	‰ баст. рабочих.
1895—1897	24	40	28	44	29	14	3	1
1898—1900	15	34	12	23	14	32	5	8
1901—1903	8	25	13	23	16	7	35	27
В т. ч. в 1903	5	16	13	22	11	5	45	32
За весь период (1895—1916)	31	43	12	23	33	18	12	9

Промышл. округа.	Поволжский (10 губ.).		Киевский (10 губ.).		По всем горо- дам.	
	‰ за- басто- вок.	‰ баст. рабочих.	‰ за- басто- вок.	‰ баст. рабочих.	‰ за- басто- вок.	‰ баст. рабочих.
1895—1897	2	—	14	1	100	100
1898—1900	7	1	7	2	100	100
1901—1903	4	2	23	17	100	100
В т. ч. в 1903	2	1	24	24	100	100
За весь период (1895—1916)	6	3	6	3	100	100

Обнаруживается следующее обстоятельство: основными традиционными центрами движения являются округа Петроградский (гл. обр., Петроградская губ., на которую приходится 65‰ всего числа забастовок в округе и 71‰ бастовавших рабочих), Московский (гл. обр., Моск. губ.: 65‰ забастовок и 50‰ баст. рабочих) и Варшавский: на охватываемые этими округами 30 губерний приходится за весь период 1895—1916 г.г. $\frac{3}{4}$ всех забастовок (76‰) и свыше $\frac{1}{5}$ числа бастовавших рабочих (84‰), а за два первых трехлетия (1895—1897 и 1898—1900 г.г.) $\frac{4}{5}$ забастовок (на 81‰) и еще больший ‰ баст. рабочих (98‰ и 85‰). Остальные 30 губерний—юга и Поволжья—характеризуются соответственно ничтожными цифрами. Но вот наступает бурное революционное трехлетие 1901—1903 г.г. с его особо выпуклым 1903 годом, и картина резко изменяется: Петроградский и Варшавский округа перестают быть центрами движения, но за то юг (Харьковский и Киевский округа) становится новою ареною классовой борьбы пролетариата: вместо прежних скромных цифр за два трехлетия до периода «Искры» (12—17‰ забастовок и 2—10‰ забастовщиков) перед нами вдруг вырастает грандиозный показатель крупного движения в 1901—1903 г.г.: 58‰ забастовок и 44‰ баст. рабочих, а в 1903 г.—69‰ забастовок и 56‰ баст. рабочих. Одним словом, искровское трехлетие, и в особенности 1903 год, характеризуются, как пробуждение классового пролетарского самосознания в районах промышленного юга, которое отодвигает на задний план такие старые центры промышленной жизни и рабочего движения, как Петербургская губ., Варшавская и пр.

Указанное обстоятельство (перенесение центра тяжести в рабочем движении России с севера на юг) сказывается и в корреспонденциях «Искры». Петербург сравнительно спокоен. В 1901 г. импонирует один только Обуховский завод. В 1902 г. ничего заметного по части рабочих волнений в Питере не произошло. В 1903 г. наблюдается некоторое ожи-

вление: забастовка (и увольнение по распоряжению градоначальника Клейгельса) 3.000 раб. на Ниточной фабрике Штиглица, ряд слабых стачечных движений весной и летом (на фабр. Т-ва Механич. пр-ва, у Паля, у Максвеля, у Воронина, у Лебедева, на фабр. концертных пианино Оффенбахера, в Варшавских жел.-дор. мастерских) и несколько других фактов того же порядка.

Корреспонденции из Москвы и Московской губернии точно также не богаты фактами революционной борьбы рабочих. Все они полны жалоб на тяжелые условия труда, но о ярких проявлениях протеста рабочих против этих условий труда в них говорится очень мало. Преобладают пессимистические нотки: рабочие массы развращаются зубатовскими провокаторами, жертвы фабричного режима господ Морозовых продолжают реагировать на него тупым терпением и покорностью своей судьбе и т. д. и т. д. Изредка только промелькнет известие, что стачки на фабрике Муси, Жиро, на Даниловской м-ре или на машиностроительном заводе Гужона знаменуют собою то, что «рабочие начинают терять терпение»...

Иную картину представляет развитие рабочего движения на юге. 1901 год еще не знаменуется крупными событиями. Время от времени вспыхивают небольшие стачки лишь в ремесленных мастерских и на небольших фабриках (по б. ч. табачных): бастуют портные—в Одессе, Харькове, Киеве,—заготовщики (в Одессе), шорники и токари (в Кишиневе); в Тифлисе прокатывается волна мелких стачек (в янв. и февр. числом около 15) на табачных фабриках и в типографиях, там же в августе бастуют войлочники, набивщики и мундштучники,—и т. д. и т. д.

Но все это составляет как бы прелюдию к последующей борьбе. Уже в начале 1902 г. Кавказ становится ареною военных столкновений между эксплуатируемыми и эксплуататорами. В Батуме забастовка охватывает ряд нефтепромышленных заведений—Манташева, Ротшильда, Аكوпова; у Ротшильда забастовка сопровождается эпизодами кровавой расправы со стачечниками. В то же время разыгрываются крупные беспорядки в Судине (Донской обл.), на металлургическом заводе Пастухова. В Таганроге (в предм. Касперовке) бастуют доменный и листопрокатный цехи. Довольно бурно проходит традиционный май в Баку, в Харькове, в Ростове Н/Д, в Одессе. Об этой последней корреспонденция пишет: «Рабочее движение с начала нынешнего года приняло ярко политический характер». Летом то там, то сям (в Харькове, в Астрахани и т. д.) вспыхивают стачки. Наконец, в конце года весь юг начинает бить уже настоящая революционная лихорадка. Тон задает Ростов на Дону с его знаменитой ноябрьской стачкой. Отзвуки этой стачки дают себя знать в ряде

местностей (в Новороссийске, в Тихорецкой и т. д.). И затем опять Кавказ: за тифлисскими стачками в августе и сентябре следуют крупные стачки в Батуме: напр., на заводе Ротшильда (1.500 чел.) и т. д.

Наступает 1903 год, и движение необычайно ширится, все более и более приобретая характер политической борьбы. Если даже пройти мимо целого ряда более мелких фактов забастовочной борьбы в начале года (движение среди приказчиков в Одессе, забастовка 750 чел. в Таганроге на заводе Вильде и Неве и т. д.), то нельзя не отметить, так сказать, эпидемии рабочих демонстраций в «мартовские иды». Некоторые из этих демонстраций приурочиваются к 19-му февраля (напр., в Одессе), некоторые в память героического акта первомайцев-народовольцев (ростовская демонстрация), иные к годовщине прошлогодних событий (в Батуме 9 марта), а не то и просто без всяких поводов. И опять таки Ростов и на этот раз побивает рекорд. В ростовской демонстрации 2-го марта приняли участие около 30.000 человек. Очень хорошо задуманная и очень удачно начатая (донской комитет совершенно неожиданно для полиции воспользовался для своих целей традиционными кулачными боями на Темерникской балке)—эта демонстрация обошлась демонстрантам сравнительно дешево, а между тем произвела значительный эффект, повысив настроение масс до уровня прошлогоднего подъема во время ноябрьской стачки.

Но, само собой разумеется, все это были только цветки, лишь предупреждавшие скорое появление ягодок. Летом прокатились по всему югу небывалой до того волной, похожей на 9-й революционный вал, знаменитые всеобщие стачки. Баку, Тифлис, Киев, Елисаветград, Одесса, Николаев—таков был последовательный маршрут «красного призрака», появившегося на юге России. Революционная стихия как то вдруг так властно захлестнула весь юг, что даже городовые, очень часто забывая о своем прямом назначении—давить, душить, действовать кулаками и шашками, позволяли себе выражать сочувствие забастовщикам; дворники, случалось, сбрасывали с себя знаки своего достоинства, и заявляли, что за получаемые ими жалкие гроши они несогласны подвергать свою жизнь опасности в борьбе с «внутренним» врагом¹. Интересно при этом отметить, что во многих случаях рабочие примыкали к стачке по сочувствию к товарищам, вступившим на путь борьбы. Чувство классовой солидарности давало себя знать на каждом шагу. «Братские приветствия, возгласы, полные бодрости и восторга, вольные песни, жизнерадостные шутки носились над тысячными толпами, следовавшими через весь город с утра до вечера,—пишет одес-

¹ См., напр., корреспонденцию из Баку в № 45 «Искры».

ский корреспондент «Освобождения».—Настроение было самое приподнятое, хотелось верить, что водворится новая лучшая жизнь на земле».

Но на ряду с этими положительными чертами вспыхнувшего движения нельзя не обратить внимания и на симптомы революционной незрелости рабочих масс. Так, например, в Одессе «независимцы» не без успеха пытались натравить более отсталые массы рабочих («экономистов») на сторонников политической борьбы. Такую же неорганизованность движения можно было наблюдать в Балаханах и в других местах. Наконец, по общему отзыву всех свидетелей событий, везде чувствовался недостаток штабного руководства. Напр., в Баку 7-го июля пятнадцатитысячная толпа напрасно простояла 6 часов в ожидании такого оратора, который выразил бы общее настроение и сформулировал бы требования. И партийный комитет, слишком поздно узнавший об этом собрании, и «Бакинский стачечный комитет» оказались бессильны предотвратить эту крупную неудачу, повлиявшую на исход дальнейших событий. Одним словом, было очевидно, что для России наступил уже канун революции, но не самая еще революция.

V. Организационное строительство «Искры»

1. Организационные принципы «Искры».

Организационные планы и принципы «Искры» нашли себе полное выражение в ряде статей на страницах газеты (напр., в ст. «С чего начать»), в известном «Письме к товарищу»¹ и, главным образом, в книге «Что делать» (главы IV и V). В этом отношении, как и во всех остальных вопросах социал-демократической теории и практики, главным выразителем организационных принципов старого искровства явился Ленин, который со свойственной ему тенденцией к уточнению и заострению всякого спорного вопроса в его конкретных разветвлениях, на основе широко поставленной проблемы социал-демократических задач и целей, разработал схему организационного строительства русской социал-демократии с исчерпывающей обстоятельностью. Отобразить с желательной полнотой картину его мыслей по вопросам организации партии—это значило бы уделить в настоящем очерке непропорционально много места перепечатке блестящих страниц из

¹ Письмо это написано Лениным осенью 1902 г. Поводом к «Письму» послужил проект «Организации СДР. революционной партии», набросанный одним из искровских работников (кажется, Шнейерсоном, тогда еще довольно близко стоявшим к «искровцам»).

соответствующих глав «Что делать», или из «Письма к товарищу» и т. д., чего решительно не позволяют размеры очерка. Поэтому мы ограничимся здесь указанием на основные моменты организационных принципов «Искры» и ее схемы организационного строительства.

а) Рост и развитие революционных организаций отстает не только от роста рабочего движения, но и от роста общедемократического движения во всех слоях народа.

б) В зависимости от целей и задач классовой политической борьбы пролетариата—его партия должна перейти от кустарничества практиков «экономической борьбы с хозяевами и правительством» к широкому размаху в деле организации рабочего класса под знаком политических выступлений его—против самодержавия в первую голову.

в) Для руководства такого рода политической борьбой как самого пролетариата, так и его социальных попутчиков, должна быть создана в высшей степени конспиративная (применительно к русским условиям), довольно узкая организация профессиональных революционеров (из среды интеллигенции или рабочих). Эта организация революционной социал-демократической партии существенно отличается от организаций рабочих масс, которые (организации) должны быть, во 1-х, профессиональными, во 2-х, возможно более широкими и, в 3-х, возможно менее конспиративными.

г) Необходимо начинать с прочной постановки крепкой организации революционеров для обеспечения устойчивости движения в его целом (в деле осуществления и социал-демократических, и, собственно, тред-юнионистских целей), а не идти в обратном направлении, сначала закладывая основы профессиональной борьбы,—что повело бы только к облегчению доступа в массы идей тред-юнионизма Зубатовского или Озеровского типа.

д) «Централизация конспиративных функций организации вовсе не означает централизации всех функций движения». В «Письме к товарищу» этот тезис сформулирован так: «Если в отношении идейного и практического руководства движением и революционной борьбой пролетариата нужна возможно большая централизация, то в отношении осведомленности о движении центра партии (а следовательно и всей партии вообще), в отношении ответственности перед партией нужна возможно большая децентрализация».

е) Не сужая политической борьбы по ее содержанию до заговора, социал-демократическая партия по своей форме должна представлять такую крепкую революционную организацию в самодержавной стране, которая может быть названа и «заговорщицкой» («конспирация»—«заговор»).

ж) Основанный на признаке полной гласности и выборности «демократический принцип» в применении к революционной организации—«в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть пустая и вредная игрушка».

з) Не только в области политической борьбы, но и специально-экономической—центр тяжести должен быть передвинут с местной на общерусскую работу.

Вот, приблизительно, те тезисы, которые легли в основу организационных построений «Искры» и которые развиты в книге «Что делать». В высшей степени любопытный, однако, документ представляет и «Письмо к товарищу», как попытка применить общие принципы организационного строительства (так сказать «алгебру» организационной проблемы) к конкретным формам этого строительства (к организационной «арифметике») — применительно, напр., к плану организации петербургской работы партии.

В этом «Письме» имеется, между прочим, очень существенное указание на то обстоятельство (не подчеркнутое в «Что делать»), что «у нашей партии могут и должны быть два руководящих центра: ЦО (центр. орган) и ЦК (центр. комитет)». При этом поясняется, что единство действий между двумя этими центрами, делящими между собой функции идейного и практического руководства, должны быть обеспечены не только единой программой партии, но и составом обеих групп (надо, чтобы в обеих группах, и в ЦО и в ЦК были вполне спевшиеся между собою люди).

Что же касается местного комитета Р.С.-Д.Р.П., то он должен быть один в пределах данной местности, включая в свой состав и революционеров интеллигентов, и вожakov рабочего движения из среды самих рабочих. Число членов комитета не должно быть слишком велико—в интересах более высокого революционного уровня в составе комитета, но оно должно быть достаточно для заведывания всеми сторонами дела. Все дальнейшие учреждения, которых должно быть очень много,—районные организации, заводские («всегда и повсюду»), кружки пропагандистские, профессиональные, студенческие, литературные и т. д. и т. д.—должны быть соподчинены комитету. Всем этим подчиненным комитету кружкам и организациям должно быть предоставлено право доводить свои решения, желания, запросы до сведения как комитета, так и ЦО и ЦК.

Очень большое значение в Письме придается функции по передаче литературы (газет, листов и пр.) в заводы, в рабочие квартиры и, вообще, в область периферии. В этом отношении необходима постоянная тренировка передатчиков, которых следует приучать к выполнению своей роли исподволь, «обязательно проделывая это раза по два, по три в месяц».

В районных кружках могут иметь место совещания по всем партийным вопросам, и даже можно допустить самостоятельность районной группы в вопросах о технике передачи и распространения, но решать все общие вопросы местного движения должен только комитет, который, кстати сказать, определяет и состав подчиненной ему организации, поручая одному—двум своим делегатам подбор этого состава. Пропаганда должна быть тоже строго централизована и состав пропагандистской единой группы также определяется комитетом. По тому же типу поручений, по типу филиальных отделений комитета должны быть организованы все вообще группы, обслуживающие местное движение.

При такого рода строгой централизации не исключена возможность опасности для дела, если случайно в центре окажется наделенное огромной властью неспособное лицо. Но средством против этого не могут служить выборность и децентрализация, недопустимые в революционной работе при самодержавии, и борьба со злом, если таковое обнаружится, должна заключаться только в мерах «товарищеского воздействия», начиная с резолюций и кончая, в худшем случае, свержением неспособной власти.

Огромная роль в данной революционной схеме отводится заводским кружкам: «ведь, вся главная сила движения,—говорит автор «Письма»—в организованности рабочих на крупных заводах», из которых «каждый должен быть нашей крепостью». Но и в заводских кружках «хозяином» должна быть обязательно группа революционеров рабочих: с традицией чисто рабочего или профессионального типа социал-демократических организаций должно порвать совершенно до заводских кружков включительно. Если нельзя составить такого революционного ядра (заводского подкомитета), то возможно ограничиться назначением одного агента от комитета. Дальнейшее расширение революционной работы на данном заводе идет по общему типу разветвления, и образования различных групп и кружков, более или менее широких и «свободных», подведомственных центральному, достаточно законспирированному, заводскому подкомитету.

Таким образом, через всю организацию проходит красной нитью система строгой централизации по типу заговорщических организаций. Здесь предполагаются самые разнообразные группы и кружки, с различной степенью оформленности и конспиративности (в зависимости от их функций),—начиная наиболее «строгой», узкой, замкнутой, и кончая «свободной», широкой, открытой и мало оформленной (lose organisation). Но и в центральных, и в периферийных группах члены партии обязаны формальной ответственностью за ведение своего дела в группе, а для реализации этой ответственности необходимо, чтобы перед Ц.К. и Ц.О. были

наиболее открыты и состав каждой группы, и весь механизм ее работы. «Чтобы центр мог не только советовать, убеждать, спорить (как делалось до сих пор), а действительно дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался и обучается, кто, где и почему фальшивит (когда музыка начинает уходить) и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести и т. п.». Вот формула, в которой хотя и метафорически, но очень характерно отобразился основной организационный принцип старого искровства и которая впоследствии была подхвачена меньшевиками, как мишень для насмешек и нападок.

К сказанному следует добавить еще, что автор «Письма», начавший с разбора наброска устава, приходит в конце концов к тому заключению, что в сущности любая местная организация может обойтись и без устава, «заменив его регулярной отчетностью о каждом кружке, о каждой функции работы». Действительно полезная и необходимая оформленность достигается не уставами, а исключительно партийной гласностью. «И только тогда, когда мы научимся широко применять эту гласность, — говорится в конце письма, — у нас действительно выработается опыт функционирования тех или иных организаций, только на основании такого опыта могут вырабатываться не бумажные уставы».

2. Заграничные организации русских социал-демократов.

Появлению «Искры» предшествовала длинная эпопея борьбы между двумя фракциями объединения эмигрантов социал-демократического направления, под именем основанного по инициативе группы «Освобождения Труда» «Заграничного Союза социал-демократов». Группа «Осв. Тр.» должна была уступить ряд своих позиций так называемым «молодым», отдала им редакцию прежнего органа «Союза», который стал выходить под новым названием (вместо прежнего «Работника» стало выходить с 1893 г. «Рабочее Дело») и вела непрекращающуюся войну с «оппозицией». Во главе рабочедельцев стояли опытные литературные работники — Кричевский, Теплов, В. Иваньшин, и около «Рабочего Дела» группировалось большинство эмигрантов — социал-демократов. К группе Плеханова примкнуло лишь несколько «свежих» сил (Лейтейзен-Линдов, Гольденберг-Мешковский, Бауман-Полетаев), а в общем и целом, в количественном отношении силы были неравны. «Рабочее Дело» не спешило явно солидаризироваться с наиболее махровыми представителями экономизма и той разновидности либерализма, с которым тесно связаны имена пресловутой парочки — Прокоповича

и Кусковой, но у него мало-по-малу образовалось из осколков рабоче-мысленства правое крыло во главе с Тахтаревым. Попытка к примирению двух лагерей на съезде «Союза» в апреле 1900 г. окончилась полной неудачей: Плеханов и его единомышленники ушли со съезда, порешив образовать новую заграничную организацию, под названием «Социал-демократ»¹. Отдельно в стороне стала небольшая «инициативная» группочка (Рязанов, Стеклов-Невзоров, Гуревич Е. Смирнов), которая поставила перед собою почтенную задачу примирить враждующие стороны, но, потерпев полную неудачу с этой стороны, повисла в пространстве в качестве самостоятельного созвездия и впоследствии самоопределилась, как независимая литературная группа «Борьба».

Неизвестно, сколько бы еще времени пришлось Плеханову вести трудную для него оборонительную борьбу против наседавших на него «молодых», если бы на горизонте не появилась вдруг подмога: летом 1900 г. в Швейцарию прибыл Ленин с Потресовым. Вскоре подоспел и Мартов. Яркой звездой первой величины засияла «Искра». Рабочедельцы и «молодые» поубавили спеси и обнаружили склонность к примирению. Само собою разумеется, что прежде всего около этого примиренческого дела с радостью и энтузиазмом стала хлопотать «инициативная группа» Рязанова и Невзорова. Казалось, что ее провиденциальная задача заключается в том, чтобы примирить «драчунишек» и создать дивную идиллическую картину мирного сожительства Кричевского с Плехановым и Лениным. В июне 1901 г. по этому поводу состоялось объединительное совещание² в Женеве между

¹ Этот раскол осложнился спорным вопросом о типографии, принадлежавшей «Союзу». Михаил Сушинский, в руках которого находилась эта типография, отказался выдать ее одной из расколовшихся частей (Кричевскому и К^о). Впрочем, обе стороны вскоре поделили между собою типографские ресурсы «Союза», и не в этом приводящем факте, а также не в других, мало существенных эпизодах на съезде, вроде реплики Стеклова, не вполне отвечавшей правилам парламентской сдержанности в выражениях, следовало бы искать объяснения основной причины раскола, а в том, совершенно верно отмеченном впоследствии «Искрою» обстоятельстве, что «Рабочее Дело» «было неправо по существу полемике: оно ошибочно отрицало существование «экономического» направления, оно держалось ошибочной тактики замалчивать крайности этого направления и воздерживаться от открытой борьбы с ним» (см. отдел «Из партии» в № 1 «Искры»). Сторонники же «Рабочего Дела», — напр., такая «дружественная держава» по отношению к нему, как «Раб. Мысль» — продолжали рассматривать уход со съезда представителей группы «Осв. Труда» и «Социал-демократ», как случайный эпизод, как злостную выходку Плеханова, отнюдь не нарушающую цельность Союза и его правомочную роль. По этому поводу «Искра» должна была выступить с надлежащей отповедью (см. «Ответ Спб. Комитету» в № 9 «Искры»).

² Об этом совещании см. «Историю Росс. с.-д.-ин» Мартова. Несколько интересных подробностей дает помещенная в № 5 (17) «Пролетарской Революции» статья Стеклова: «В ссылке и в эмиграции».

представителями различных групп для подготовки нового заграничного съезда. На совещании были представлены «Рабочее Дело» (делегаты «Союза» Кричевский и Акимов), «Искра» (Мартов), Бунд (Коссовский), группа «Борьба» и «группа инициаторов» (Е. Смирнов, Невзоров) и группа «социал-демократ» (Кольцов). После долгих и горячих прений восторжествовала точка зрения левого крыла совещания (Мартова), и единогласно была принята платформа, в которой констатировалось, что «между представленными организациями не существует таких разногласий по принципиальным и тактическим вопросам, которые служили бы препятствием для совместной работы в пределах единой организации». Взамен прежних заграничных организаций предполагалась была объединенная организация «Заграничный Комитет Российской Социал-демократической Рабочей Партии». В основу принципиального соглашения были положены следующие тезисы: 1) отрицательное отношение ко всяческим попыткам внесения оппортунизма в классовое движение пролетариата (экономизма, бернштейнианства и мильеранизма). 2) Ближайшей политической задачей рабочего класса в России является низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения. 3) В деле осуществления этой задачи Р.С.-Д.Р.П. стоит во главе всех угнетенных слоев нации. 4) В круг деятельности с.-д.-и входит: а) руководство борьбой пролетариата как экономической, так и политической; б) поддержка оппозиционных слоев; в) пропаганда идей научного социализма и борьба с противниками революционного марксизма. 5) Тактика с.-д.-и сводится к следующим положениям: а) низвержение самодержавия, как ближайшую политическую цель, с.-д.-и не должна упускать из виду во всех сферах своей организационной и агитационной деятельности. б) агитация должна вестись не только на почве повседневной борьбы труда с капиталом, но и на основе общего положения пролетариата и трудящихся масс, вообще—в государстве и обществе; в) содержание агитации должно быть подсказано не теорией стадий, а общим социально-политическим положением рабочего класса и с.-д. программой; г) необходимость критики тех течений, которые возводят в принцип элементарность и узость низших форм социалистической деятельности; д) средства с.-д.-ской борьбы определяются соображениями политической целесообразности и соответствия приемов борьбы с необходимостью сохранения за движением классового характера.

Если бы рабочедельцы достаточно искренно и всерьез признали эту платформу, совпадающую с искровской линией, то объявленное на конференции объединение и в самом деле могло бы оказаться прочным и чреватым благами.

последствиями. Но, «гони природу в дверь, она войдет в другую». Перед объединительным съездом, на котором акт упомянутого соглашения должен был получить авторитетную санкцию, рабочедельцы выпустили знаменитый № 10 «Раб. Дела» со статьями Кричевского и Мартынова, снова воскресавшими экономизм, как ни старались авторы статей туманной фразеологией затушевать свою прикосновенность к этому течению. На самом съезде (в августе 1901 г.) представители «Раб. Дела» выступили с рядом поправок, существенно изменявших выработанную на конференции платформу. Искровцы еще раз имели случай убедиться в верности той истины, что «прежде чем объединиться, нужно размежеваться». Произошел раскол. Представители «Искры» и группы «Социал-демократ» покинули съезд после двухдневных горячих но бесплодных споров со своими противниками.

После этого эпизода попыток к сближению между левым и правым крылом социал-демократической заграничной группы больше не было вплоть до 2-го съезда партии. Группа «Искра» и «Социал-демократ» объявили себя отдельной организацией под названием «Заграничной» Лиги революционных социал-демократов». Искровцы и рабочедельцы поддерживали еще некоторую видимость организационно-федеративной связи, а на самом деле между обоими фракциями идет глухая, но упорная борьба за влияние в русских комитетах. Для характеристики этой борьбы приведем отрывок из конспиративного письма от 21 марта 1902 г. заграничных искровцев («от Кати») в Самару, заменив, для удобства чтения, ряд конспиративных терминов и кличек общепонятными словами.

«Съезд¹ назначен благодаря стараниям Петербургского Комитета и Бунда. Момент выбран крайне неудобный во всех отношениях—после разгрома, когда еще не вышла брошюра (только что вышла теперь)². Момент крайне неудобный, но и ПБ комитет и Бунд это прекрасно понимают, но они понимают точно также и то, что чем дальше, тем невыгоднее будет становиться их позиция и выгоднее наша. Настроены они к нам очень враждебно. Вы не знаете всех (их) козней. Агент «Рабочего Дела»³ настроил комитеты против нас, специально предпринимал для этого обезд. СПб. комитет и Бунд большие друзья «Раб. Дела». Очень вероятно, что съезд поведет к расколу»⁴.

Или вот еще характерный отрывок из другого заграничного письма (искровского) в Одессу от 2 дек. 1901 г.

¹ Речь идет о «съезде» в Белостоке весной 1902 г., превратившемся в простое совещание.

² Брошюра—«Что делать» Ленина.

³ Вероятно, Мих. Гр. Коган.

⁴ Дело Д-та пол., № 825, ч. 8, Особ. отд.

«Союзники выпустили брошюру «2 с'езда». Первый—их очередной. При описании этого с'езда они выхваляют свои великие заслуги перед отечеством; второй—объединительный. Тут они с грязью мешают «Искру». Уверяют, что «Искра» вносит повсюду дезорганизацию, приглашают комитеты положить этому конец, утверждают, что «Искра» презрительно относится к малоразвитым массам, что «Искра»—непрощенный «спаситель», от которого партия должна поскорее избавиться. Вообще, стараются о пользах отечества. По России ездит «Союзник» (вероятно, Коган. П. Л.) и агитирует. Грач (Бауман. П. Л.) писал, что у них «Союзник» требовал прекращения всяких сношений с «Искрой», говорил, что все комитеты признают только «Рабочее Дело» и т. д. Ради экстренности случая в Москве были сразу созданы два комитета (раньше они не подавали ни малейших признаков жизни),—оба комитета высказались за «Рабочее Дело»¹.

В такой атмосфере «размежевания» шла организационная работа искровской заграничной организации по объединению партии. Главная тяжесть этой работы падала на Надежду Константиновну Крупскую, которой долгое время приходилось играть роль того всевидящего ока, которое по организационной схеме Влад. Ильича должно быть присуще административному центру партии. Оттуда, из заграничного далека, шли назначения искровских «агентов». Этих последних, действительно, получилась целая «сеть». Все они были связаны с заграничным центром конспиративными адресами и шифрами для переписки. Нельзя сказать, чтобы строгая конспирация искровцев давала надежную гарантию «неприкосновенности» этой переписки. Огромная масса писем, как заграничных в Россию, так и местных революционеров за границу, попадала в руки жандармов, подвергалась перлюстрации и направлялась затем по их адресам в целях дальнейшего изловления «крамолы». Редкий шифр оставался неразобранном охранкой, ибо в случае перемены шифра корреспонденты сообщали о новом шифре посредством старого способа написания, знакомого жандармам. Конспиративные клички очень часто, путем сопоставлений и остроумных догадок, жандармами распознавались, и у них, таким образом, накаплился достаточный материал для производства в нужный момент «ликвидации» расплодившихся в данном районе или городе «злумышленников». До какой степени охранка была осведомлена о внутренних делах искровцев, видно хотя бы, напр., из того обстоятельства, что командированный по обнаруженным охранкою явкам в Ярославль, Кострому и Воронеж специализировавшийся на искровской организации, охранник Меньщиков, блестяще выполнил свою провокаторскую роль, оду-

¹ Дело Д. П. № 825, ч. I, Особ. отд.

рачил массу опытных партийных работников, выдавая себя за заграничного искровского агента, выдержал свою роль в критический для него момент встречи с подлинным искровским агентом (Ф. И. Гурвичем-Даном) и в течение нескольких дней своей «чистой» работы успел провалить весь «Северный рабочий союз».

«Средний» период работы «искровца» в России продолжался приблизительно 5—6 месяцев (от «ликвидации» до «ликвидации»). За это время нужно было много сделать, по возможности отодвигая неминуемый финал, который черным призраком гнался по пятам каждого подпольщика. На массовые провалы революционная организация старалась реагировать массовой же заготовкой нового материала—как живого человеческого, так и литературного для новой кампании. Вся игра как бы была основана на том, чье массовое производство окажется преимущественным: победит ли, в конце концов, революционную бациллу охранная «противочумная сыворотка», или же бацилла окажется настолько вирулентной, что рост жандармских мер борьбы с ней, в конце концов, отстанет от процесса ее неудержимого размножения. Если не все было благополучно по части конспирации у революционеров, то, к счастью, и жандармский аппарат далеко не был совершенным. Вот, что, например, пишет один из видных охранников в своем докладе начальству:

«Распушенность и деморализация среди служащих в разных ведомствах, до самых высших чинов включительно, достигли такого предела, далее которого идти некуда. За последнее время эта деморализация коснулась и корпуса жандармов: адъютант жандармского управления чуть ли не сам передает записки содержащихся под стражей, состоящий при охранном отделении офицер разоблачает секретную агентуру. Это только те факты, которые нам известны, а сколько таких, о которых мы никогда не узнаем или узнаем поздно... «Департамент полиции не в силах вести одну борьбу с революционными организациями, когда подведомственные ему розыскные органы, за самым редким исключением, совершенно не соответствуют своему назначению и потребностям времени. Администрация же, видимо, заботится только о том, чтобы наружно в губернии все обстояло благополучно, и для сохранения такого внешнего благополучия и спокойствия готова на всякие послабления, не предвидя от них последствий и не заботясь о них»¹.

Если даже ревностный охранник тут несколько и преувеличивает картину распушенности политической полиции в России того времени, то все же большая доля правды в его словах имеется, и при наличии растущего массового движения революционная социал-демократия, несмотря на провалы, могла все-таки делать ставку на бессилие жандармов с корнем вырвать «крамолу». Но для одоления внешних препятствий, для успешной борьбы с жандармским шпиона-

¹ Дело Д-та полиции, № 825, ч. 8. «Записка для памяти» завед. Особым отделом.

жем, с провокаторством и с периодическими «ликвидациями» необходимо было сначала изжить внутренние организационные болезни партии—кустарничество, демократизм, тенденцию к децентрализации и т. п. Руководящая группа «Искры» как раз и преследует эту цель, рассылая во все местные центры революционного движения своих «агентов», которые постепенно с большим или меньшим успехом изменяют физиономию комитетов в желательном с точки зрения искровских целей направлении.

3. Рост с.-д. организации в России.

а) В Петербурге.

«Искра» при своем появлении на свет застаёт петербургскую организацию (СПБ. Союз Борьбы) далеко еще не окончательно сдавшей свои прежние позиции, занятые ею в период расцвета рабоче-мысленства. Ее программа имеет еще двойственное направление. В «Рабочих листках» выпущенных в конце 1900 г., еще много традиционных предрассудков, унаследованных ею от «Рабочей Мысли» 97—98 годов. Она еще стоит на той точке зрения, что руководство рабочим движением принадлежит рабочей организации (в отличие от комитета социал-демократической партии) и что группы социалистов из интеллигенции должны играть роль только «исполнительных групп» при рабочих организациях.

Однако, промышленный кризис с его безработицей накладывает свою печать на агитационную деятельность «Комитета Петербургской организации». В последующих листках комитета (№№ 5—8) все более и более выявляется новая линия в политике петербургской организации: тут, напр., мы уже встречаем такие лозунги, как устройство манифестаций с требованием «права участия в составлении и издании законов и в управлении государством при посредстве своих выборных»; даже «Рабочая Мысль» начинает отдавать дань времени: в № 11 передовая («Насущный вопрос») развивает политическую программу рабочего движения, хотя и с такими оговорками, которые лишают политические лозунги «Р. М.» сколько-нибудь серьезного значения. Газета призывает рабочих не к борьбе с самодержавием вплоть до свержения его, а к попыткам добиться у самодержавия некоторых политических прав для рабочего класса (свободы стачек, собраний, личности, слова и т. д.).

К началу 1901 г. в петербургской рабочей организации насчитывалось около 300 членов. Благодаря широко применяемой системе провокации и недостаточной конспиративности организации массовые аресты в первой половине 1901 г. в значительной мере обезлюдили эту организацию. Вскоре

началась борьба из-за влияния на сознательную верхушку петербургских рабочих между искровцами и местными руководителями «Союза». Заграничная «Искра» командировала для работы в России, а в частности в Питере, нескольких своих «агентов», в том числе В. П. Ногина («Яблочков», он же «Назаров») и Сергея Цедербаума («Яков»). Они повели энергичную кампанию в Питере и успели склонить Петербургский Комитет («Союз Борьбы») к соглашению, каковое и состоялось в окончательной форме 30 сентября 1901 г. Нельзя сказать, чтобы этот договор давал очень уж выигрышные позиции для петербургского отдела «Искры». Искровцы принимаются в Пб. комитет, как «прочие члены» его, на общих основаниях (пункт 2-й соглашения); их роль сводится к посредничеству между Петерб. комитетом и «Искрою» в деле приобретения искровских изданий (п. 4), причем, члены Спб. отдела «Искры» обязуются не распространять в Петербурге литературы «без ведома и одобрения» Спб. комитета (п. 5), в пользу «Искры» отчисляется из сборов комитета 7½% и т. д.

Повидимому, представители «Искры» шли на это соглашение скрепя сердце. «Численностью,—как бы оправдывается в своем письме за границу с отчетом о соглашении В. П. Ногин,—как оказывается, все слабы: и мы, и комитет, и «Социалист». Но соединившись вместе, может быть, мы образуем нечто солидное—если только «наши разногласия» не будут большим тормазом для дела». Нужно заметить, что незадолго перед соглашением был провал «Комитета русских социал-демократов», раньше составлявших группу «Рабочее Знамя»¹. Оставшаяся после них группа рабочих (около 30 человек) выразила намерение присоединиться к «Союзу Борьбы». Можно было ожидать, что и «Ремесленная организация»²

¹ Эта группа, когда-то довольно обширная и влиятельная организация (возникла из белостокского «кружка рабочих-революционеров»), претендовавшая в 1898 г. на образование партии вокруг белостокской группы «Раб. Знамени» (об этом см. ст. Б. Эйдельмана «К истории возникновения Р. С. Д. Р. П.»), впоследствии вличила довольно жалкое существование. Петербургская группа «Раб. Знам.» в 1900-м году раскололась по вопросу о том, существовать ли ей самостоятельно в России, или перенести центр организации за границу. Для переговоров с заграничными организациями был командирован в Лондон член группы Р. З.—В. П. Ногин, который в 1901 г. вернулся (вместе с другим рабочезнаменцем Андроповым) в Россию в качестве искровца, получившего задание положить основы искровских организаций в разных местах России. Осенью Петербургская группа «Раб. Знам.» (М. Фрумкин, Шапиро и др.) провалилась. Вскоре после этого был «ликвидирован» и В. П. Ногин.

² «Ремесленная организация» в Петербурге представляла тайный кружок ремесленников социал-демократов, ставивших себе целью развитие политического сознания в среде ремесленников путем чтения нелегальной литературы. Если верить показаниям откровеника Шнейерсона, когда-то видного члена «Рем. организации», структура этой последней определялась следующим образом: «каждый цех дробился на кружки по

вступит в «Союз» на правах районной организации. Таким образом, петербургская организация социал-демократов в целом как будто снова вступала в полосу своего расцвета. Но скоро выяснилось, что здание это строилось на песке. Соглашение «Союза» с отделом искровской организации повисло в воздухе. Представители «Искры» в Питере—и В. П. Ногин, и С. Цедербаум—вскоре были арестованы, а их наследники в группе поставили перед Комитетом вопрос ребром о гарантиях того, что слияние Петербургского отдела «Искры» с Комитетом не повлечет за собою ответственности искровцев за такие шаги Комитета, которые пошли бы в разрез с принципами «Искры». Не питая уверенности в том, что Комитет прочно стал на точку зрения революционного марксизма и не поколеблется паки и паки в сторону экономизма, искровцы требовали, согласно оговоренному, но не подлежащему опубликованию пункту соглашения, чтобы один из искровской группы был допущен в Центральный Комитет «Союза» и в редакцию «Рабочей Мысли». Это требование было сочтено Комитетом неслыханным по своей дерзости, и он даже по этому поводу апеллировал с жалобой на искровцев к широкой публике.

Однако, после этого разрыва в «Союзе борьбы» мало-по-малу началось, так сказать, накопление искровских умонстроений. Целый ряд членов комитета (В. П. Краснуха, Е. Д. Стасова, Н. Н. Штремер и др.) стали помогать «Искре» овладеть петербургской цитаделью экономизма, который, в конце концов, окопался в таком убежище, как «Комитет рабочей организации» союза. Особенно энергично стал хлопотать около дела слияния петерб. Отдела «Искры» с «Союзом» искровский «агент»—Ив. Ив. Радченко. Искровцы стали одерживать на рабочих тайных собраниях ряд побед над противниками, чему особенно помогло своего рода искровское «евангелие того времени»—книга Ленина «Что делать?», вышедшая в свет весною 1902 г.

В июле 1902 г. петербургский Комитет выступил с заявлением, что он солидаризируется с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые он признает руководящими органами русской социал-демократии. Но экономисты (Токарев—

5—6 человек в каждом, и во главе каждого кружка находился избранный представитель, на обязанности коего лежало устройство собраний, руководство чтениями и доставление нелегальной литературы. Из этих представителей образовалось «агитаторское собрание», в вельение которого входило общее руководство ремесленной организацией. Агитаторское же собрание избирало из своей среды представителя в «комиссию», на обязанности которой лежало приобретение нелегальной литературы и поискание помещения для конспиративных сходок». (Дело Д-та Пол. № 1655, 1902 г. «О ком-те Сиб. группы рев. орган. «Искры»).

он же «Вышибайло и К^о») не признали себя побежденными, и 8-го сентября на собрании некоторых протестантов из Комитета и нескольких пропагандистов решено было взорвать состоявшееся соглашение «Союза» и «Искры» под флагом протеста «Комитета рабочей организации». Несмотря на то, что еще в июне на одном из рабочих собраний, где присутствовали представители всех пяти районов рабочей организации, составлявших тогда высшую инстанцию этой последней, все рабочие единогласно высказались против «экономизма» и «демократизма» и за направление «Искры», — интеллигентская кучка демагогов в рядах «рабочей организации», опираясь на часть рабочих, выпустила от имени Комитета рабочей организации листок с протестом против постановления, сделанного якобы без ведома Комитета (т. е., против июльского соглашения). «Мы, — объявил при этом Ком. раб. организации, — в настоящее время ни один из существующих органов не можем признать выражающим наше направление и желаем переорганизоваться и выработать собственную программу и устав».

Таким образом, в петербургском «Союзе» произошел раскол. Но это обстоятельство только помогло сторонникам «Искры» (Слб. комитету Р. С.-Д. Р. П.) окончательно и прочно утвердить искровскую линию даже в петербургской организации, которая проявила наибольший консерватизм в сохранении старых позиций — кустарничества, «демократизма», тред'юнионистских тенденций. Образовавшийся осенью 1902 г. искровский «Организационный Комитет» нашел и в Петербурге благоприятную почву для своей работы по организационному объединению партии под знаком искровства.

б) В Москве.

Здесь социал-демократическая организация была представлена гораздо слабее, чем в Петербурге. Да это и понятно, если вспомнить, что Москва была основной ареной деятельности Зубатова, который был большим мастером по части ликвидации революционных гнезд. Иногда народившийся Комитет не мог даже сказать про себя: «но не долго мой век, он не долее дня»... Время его бытия исчислялось не днями, а часами или минутами. Вот, напр., что вспоминает один из членов московского Комитета, родившегося 27 сентября 1901 г.: «Часам к восьми вечера у него (Л. Л. Никифорова) собрались все приглашенные: Базаров, И. А. Давыдов, П. П. Куняев, В. Л. Шанцер и я (И. Степанов). Л. Л. Никифоров, который лежал на постели, — его обычное положение, — приподнявшись, заявил: «Товарищи, честь имею представиться: московский Комитет с.-д. партии. Кооптирую вас всех». Таково было положение в Москве: от всего, что сделала харьковская группа «интеллигентов-пропагандистов», сохранился только Никифоров. В его лице был весь тогдашний

московский Комитет. И, совершенно естественно, приступая к расширению работы, этот Комитет всех нас кооптировал.

...«Недолго существовал наш Комитет 1901 года. Прошло не более 1½ часов с момента нашей кооптации, как раздались сильнейшие звонки в парадную и черную двери, и в квартиру ввалилось целое воинство городских и охранников». Комитет был «ликвидирован»¹.

Структура московской организации рассматриваемого периода значительно отличалась от петербургской. В ней не было того дуализма—разделения на «интеллигентский» Комитет и на «Рабочую организацию», с ее особым Комитетом, который характеризует петербургский «Союз Борьбы» в период господства рабочемысли. Вот основные черты московской группы Р. С.-Д. Р. П., поскольку они выявлены в плане ее организации²: в основу организации положены кружки фабрично-заводских и ремесленных рабочих—по 4—7 человек в кружке. Кружок, разросшийся до 8 человек, разбивается на два кружка (§ 1, п. А). Главную роль в кружке играет пропагандист-агитатор, получивший предварительную подготовку по изучению теории и практики рабочего движения в так наз. агитационном кружке (§ 2). Через пропагандиста-агитатора доставляется в кружок литература (§ 2, п. Г.), через него ведутся сношения Комитета с кружком (§ 3), хотя впрочем, не непосредственно, а через доверенных лиц (§ 4). Вообще Комитет, состоящий из небольшой группы в 3—5 человек (§ 7), действует конспиративно, и сношения с ним других подчиненных организаций могут иметь место только через специально уполномоченных им лиц (§ 6). При Комитете находится как стачечная касса (§ 10), которая обслуживает руководимую им и возникшую с его ведома (§ 8) стачку, так и Центральная касса группы для покрытия расходов по деятельности этой последней (§ 13). План организации предусматривает выполнение главной задачи ее—ведение политической борьбы, причем функция руководства этой борьбой, освещение политических событий путем выпуска отдельных листов, решение вопросов о политических демонстрациях, формулировка политических требований—все это лежит всецело на обязанности Комитета (§§ 16—19). В деятельности московских групп строго проводится принцип разделения функций (§ 20). В число обязательных функций Комитета входит: а) приобретение и распространение литературы; б) сношения с с.-д. группами, находящимися как за границей, так и в России; в) необходимая собственная изда-

¹ Сборник «На заре рабочего движения в Москве», 1919, стр. 107.

² Дело Д-та Полиции № 825, ч. 7, Особ. Отд. Возможно, что автором нижеприведенного «плана» является Хинчук, входивший, кажется, в начале 1902 г. в моск. Комитет и перешедший в ряды «искровцев».

тельская деятельность; г) пополнение центральной кассы д) ведение сношения с учащейся молодежью; ж) разработка сведений отдельных фабрик, заводов и мастерских, доставляемых пропаг. и агитаторами; з) организация в случае возможности собственного печатного органа (§ 22). Кроме того, на обязанности Комитета лежит подготовка лиц, могущих образовывать, в случае крайней необходимости, новый состав Комитета (§ 24).

Весной 1902 г. в московскую организацию внедрились искровские работники. Главная забота об этом была возложена на Лидию Ос. Канцель (сестру Ю. О. Цедербаума). Большую энергию в смысле поддержания связи с «Искрой» (путем корреспонденций) и внутренней работы в духе искровства развил Хинчук¹. Любопытно отметить, что искровский «агент», появляясь на горизонте местной организации, по неволе втягивался в нее, отступая даже от своих первоначальных планов и намерений — действовать на организацию извне. «Приехала я сюда (в Москву) — пишет, напр., в своем конспиративном письме Л. О. Канцель — с твердым намерением не погружаться в местные интересы: поговорив со знакомыми, утвердилась на этом еще прочнее, а все складывается так, что я только для них и стараюсь, стараюсь и потому, что они бедны, как Иовы, и потому, что у меня есть то, чего у них нет, и еще больше потому, что у меня нет ничего определенного вне их».

Скоро однако очередной — «весенний» — провал вырвал плоды налаженной работы. В Москве жандармерия захватила широкой горстью до 70 чел. (в том числе Хинчука и Ф. Гурвича-Дана). Вслед за этим была арестована и Л. О. Канцель.

Но отмеченная уже выше «вирулентность» (живучесть) революционной бациллы и теперь сказалась в форме быстрого восстановления организационного центра московской социал-демократической группы. Появились новые работники. Заграничная «Искра» в свою очередь отплатила на смену сошедшей со сцены Канцель нового своего представителя в лице В. Гурвич (жены Дана) и «Зайчика» (Глафиры Ив. Окуловой). Правда, из перлюстрированных охранкой писем «Наташи» (В. Гурвич) видно, что искровским представителям не сразу удастся проникнуть в московский социал-демократический центр, несмотря на то, что представителем центра был человек, дружелюбно настроенный к «Искре» и враждебно к «Рабочему Делу» (С. Л. Вайнштейн, впоследствии ярый меньшевик). Тем не менее, осенью 1902 г. искровское

¹ «Федоров-Хинчук в Москве, — говорится в одном конспиративном письме от 4—6 марта 1902 г. за границу (вероятно, автор письма — искровский агент И. И. Радченко), — остается здесь, пока не соглашается выступить из местной деятельности, но обещает вскоре принять все дела о, — все дела наши».

влияние и в Москве, как почти во всех других местах, становится преобладающим. На помощь В. Гурвич подоспевает командированный искровской заграницей Н. Л. Мещеряков, в искровском же направлении действует другой крупный работник—И. А. Теодорович. Дело налаживается. Но у охраны имеются уже все нити в руках, и вскоре после осеннего провала питерцев (2-го ноября) — «ликвидируется» в конце ноября и московская группа искровцев (охранка насчитывает их 66 человек, но само собой разумеется, что в этом числе имеется много случайных жертв).

В наследство же от работы искровцев в Москве за этот период осталось пока что заявление моск. Ком.-та Р. С.-Д. Р. П.: «Признавая за литературной деятельностью Лиги Рус. Рев. С.-Д. исчерпывающее значение в деле теоретической борьбы с многочисленными течениями, стремящимися опознать и исказить великие революционные принципы международной социал-демократии; разделяя и признавая вполне отвечающими насущным нуждам русского рабочего движения те организационные планы и ту боевую тактику, убежденными защитниками которых являются издания лиги и газета «Искра»; желая сблизить и объединить местную работу с общепартийными задачами и целями,—моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. объявляет:

- 1) Лигу своим заграничным представителем,
- 2) «Искру» своим руководящим органом».
- в) Северный Рабочий Союз¹.

Возник «Сев. Раб. Союз» (или иначе «Сев. Союз Р. С.-Д. Р. П.») летом 1901 г. по инициативе В. А. Носкова, О. А. Варенцовой, студента Демид. лицея Доливо-Добровольского и бывшего Ив.-Возн. рабочего М. А. Багаева. Союз охватил деятельность ярославского, костромского, иваново-вознесенского с. д. Ком.-тов и Владимирской группы. Самой сильной организацией, с точки зрения прочности и широты ее связей с рабочими массами, была иваново-вознесенская. Эта организация поддерживала сношения с петербургским Союзом Борьбы, а позднее установила связи с заграничным «Союзом» (еще в 1900-м г. тяготел к «Рабочему Делу»). Другую физиономию имел ярославский Комитет. Насколько иваново-вознесенский Ком. imponировал своим пролетарским характером, настолько второй был организацией интеллигентского типа, состоящей почти сплошь из представителей земской радикальной интеллигенции, которая очень мало была связана с рабочими,—с большим, однако, количеством «сочувствующих», готовых оказывать содействие и поддержку активным работникам, очень, впрочем, немногочисленным в этой организации. Деятельность же, костромского Комитета выражалась очень

¹ Настоящая справка взята из обстоятельной статьи О. А. Варенцовой «Сев. Раб. Союзе» в № 9 «Пролетарской Революции».

слабо, и в то время, как первые два Комитета довольно быстро стали ориентироваться на искровскую линию, костромской Комитет долгое время занимал примиренческую позицию, колеблясь в своих симпатиях между «Искрой» и «Раб. Делом».

В августе 1901 г. состоялось первое совещание 3-х комитетов и Владимирской группы, в тихом уездном городке Кинешме—на лоне природы. По вопросу об отношении к «Искре» на совещании было принято предложение об установлении союзных отношений с организацией «Искры», несмотря на колебания костромичей, хотя вопрос о признании «Искры» руководящим органом остался открытым—в ожидании исхода переговоров между заграничными организациями. Это кинешемское совещание очень оживило работу и вызвало подьем настроения у активных работников. Для жандармов оно осталось совершенно неизвестным.

Второй съезд членов Союза состоялся в первых числах января 1902 г. в Воронеже, который был выбран местом съезда отчасти по соображениям конспиративным, а отчасти потому, что воронежская группа (А. И. Любимов, В. А. Носков, Л. Я. Карпов, Н. Н. Кардашов и Д. В. Костеркин, — т. называемые «американцы») была, так сказать, духовной матерью. «Сев. Союза». В порядке дня стояли: 1) Программа Союза, 2) Организационный вопрос и 3) Выборы Ц. К. «Союза». Выработанная программа, несмотря на свои погрешности (неточности, пропуски важных положений, напр., о диктатуре пролетариата и т. д.) была проникнута все-таки принципами революционного марксизма и отмежевывалась от оппортунизма. По организационному вопросу съезд, повидимому, не успел еще окончательно отрешиться от точки зрения с.-д. организаций доброго старого времени—с их тенденцией к выборности и т. п. признаков «демократизма». Во всяком случае, с некоторым основанием можно утверждать, что работу жандармов по «чистке» организаций Союза очень облегчили его организационные «маленькие недостатки механизма».

Хотя после воронежского съезда работа Союза оживилась, но над Союзом уже нависли тучи. В январе 1902 г. в Ярославле жандармерия принялась за опустошение местной организации. Затем жандармская лапа опустилась на иваново-вознесенскую организацию (привлечено было к дознанию 44 чел.). Таким образом, разгромлена была наиболее сильная и тесно связанная с массами организация. Весною же 1902 г. произошел полный разгром всего Сев. Раб. Союза в целом, благодаря тому обстоятельству, что все пароли и явки, отобранные при аресте на границе искровского агента Блюменфельда, послужили в руках очень ловкого и дерзкого охранника Меньшикова способом проникновения сначала к «сам-

риканцам», а потом и в тайники ярославской, иваново-вознесенской и костромской организаций. В несколько дней от Союза остались лишь жалкие осколки. Тем не менее деятельность Союза не прошла бесследно. «Снова ожила организационная обособленность,—говорит О. А. Варенцова¹,—но идейное влияние Союза оставило глубокие следы. Борьба, начатая в районе с экономизмом, рабочедельчеством, вообще со всеми видами оппортунизма, дала весьма ценные результаты. Комитеты и группы, входившие в Союз, и в последующие годы крепко держались позиции революционной социал-демократии, оставаясь верными ее принципам».

Короче сказать, несмотря на разгром, Союз, завоеванный искровством, остался его крепкою питаделью, что видно, между прочим, и из «Открытого письма в «Искру», за подписью «Северный Рабочий Союз», напечатанного в февральском номере «Искры» 1903 г. В этом «Письме» Союз важнейшей своей задачей признает «объединение российской социал-демократии в партию, существующую фактически, не только номинально». Главная заслуга в деле объединения партии принадлежит организации «Искры» и «Зари». В виду этого, Северный Союз, «будучи всецело солидарен с принципиальной и тактической частью программы «Искры» и «Зари» и с брошюрой Ленина: «Что делать?» и, за малыми, быть может, исключениями, с организационными их взглядами,—признает «Искру» и «Зарю» органами Р. С.-Д. Р. П.»² г. Юг России.

В связи с быстрым развитием рабочего движения на юге России в период 1900—1903 г.г., достигшим своего апогея в 1903 г., наблюдается тот же темп развития и с.-дем. организаций в этом районе. В 1900—1901 г.г. Комитеты южных городов отличаются вялостью, склонностью к оппортунизму (напр., одесский Комитет), грешат кустарничеством и идут в хвосте событий. Но чем дальше, тем они становятся живнее и полнокровнее, доходя в некоторых случаях до такого революционного напряжения сил, какое остается в этот период совершенно недостижимым для сравнительно тихого и спокойного Петербурга, не говоря уже о Москве (напр., ростовский Комитет в ноябре 1902 г.).

¹ По словам О. А. Варенцовой, «сознательные рабочие каждой фабрики составляли фабрично-заводское собрание, которое избирало коллектив из казначей, завед. партийными сборами, библиотекаря, распределяющего нелегальную литературу, и уполномоченного или представителя, связанного с Комитетом». Собрание этих выбранных уполномоченных объединяло работу на фабриках, под руководством Комитета. «Следует отметить,—признается Варенцова,—что правила конспирации соблюдались плохо. Руководителей движения знали не только члены фабричных групп, но и беспартийные рабочие» («Пролет. Рев.» № 9, стр. 29—30).

² «Искра» № 34, Отд. «Из Партии».

Выгодно юг России в это время отличается от северных районов и в том еще отношении, что он успел создать свой революционно-марксистский идеологический орган—«Южный Рабочий», который, по сравнению с петербургской «Рабочей Мыслью» занимает другой полюс в гамме современных им социал-демократических течений. Еще в начале 1901 года «Искра» «приветствует от души» это издание южных товарищей, находя вышедший в ноябре 1900 г. третий номер о «Ю. Р.» более, чем удовлетворительным («обширный и разносторонне составленный, номер производит особенно хорошее впечатление тем революционным духом, тем широким пониманием задач социал демократии, которое обнаруживает редакция»). Столь же положительный отзыв дает «Искра» и о № 4 «Ю. Р.» (вышел в марте 1901 г.). С «величайшим удовольствием» «Искра» перепечатывает в № 26 издаваемую группой «Ю. Р.» прокламацию о терроре, находя, что «веское слово этой группы окажет, без сомнения, плодотворное влияние на тех революционеров, которые сбиты с толку небывалым в нашей истории—по своей крикливости—выступлением представителей отжившего революционного мировоззрения» (т. е. нового народничества эс-эров). В свою очередь и группа «Ю. Р.» солидаризируется с «Искрой». В своем «Открытом Письме» (см. № 27 «Искры»), группа говорит: «Признавая организацию «Искры» единственной за последние два года организацией, сумевшей при господствующих спутанности и шатании сохранить строгую принципиальность и бесстрашно бороться против всяких течений, стремившихся свернуть так блестяще начавшееся революционное движение с единственно правильного пути, мы, солидарные с этой организацией в вопросах программы, тактики и организации, присоединяемся всецело к ней, обязуясь работать совместно над делом фактического восстановления Р. С.-Д. Р. П.».

Одним из ярких показателей роста южных организаций является их удачная попытка устроить в конце января 1902 г. свой съезд для установления южно-районного объединения на почве общего понимания программных вопросов и единства в тактике. Съезд был организован по инициативе группы «Ю. Р.». При выработке программной платформы съезда наиболее крупное разногласие на съезде возникло по вопросу о сущности самодержавия (об этом см. выше в главе «Искровские фронты»—1. Борьба с самодержавием). По вопросу об экономической борьбе была принята единогласно следующая резолюция:

«В виду того, что экономическая борьба и при настоящих условиях может вести к частичному, хотя и минимальному, улучшению социального положения пролетариата, тем самым улучшает его боевую позицию в борьбе за свое политическое и социальное освобождение; в виду того, что с.-д. партия немалыми вне тесной связи с массовой борьбой пролетариата; в виду того, что при русских условиях отделение политической борьбы от экономической, если даже допустить возможность этого, в значительной

мере парализовало бы борьбу партии за политическую свободу,—в виду всего этого соц.-демократия должна руководить экономической борьбой пролетариата, оберегая ее в то же время от профессионального и т. п. эгоизма и пользуясь ею для революционизирования рабочей массы».

По вопросу о политической борьбе без больших прений была принята единогласно такая резолюция:

«Заявляя свою солидарность с Манифестом Р. С.-Д. Р. П. (1898) и с основными традициями русской с.-дем. м., признаем ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения. В борьбе за политическую свободу необходимо сохранить за движением его классовый характер».

Наконец, принятая после небольших прений единогласно резолюция относительно оппозиционных политических течений гласит следующее:

«Мы считаем необходимым поддерживать и углублять все оппозиционные политические движения вне рабочего класса, не затушевывая классового характера соц.-демократического движения, и пользоваться этими течениями для развития политического и классового самосознания пролетариата»¹.

Если и не все в этих резолюциях достаточно ярко и отчетливо подчеркивает противоположность революционной позиции съезда оппортунистическим уклонам мысли социал-демократов рабочемысленского и рабочеделенского толка, то попытка выпрямить изломанную зигзагами партийную линию в искровском духе совершенно очевидна.

Чтобы охарактеризовать деятельность южных комитетов еще по одному признаку, а именно, по степени продуктивности их издательской деятельности, сделаем приблизительный подсчет подпольных изданий в России газет, листовок, прокламаций за 1901—1902 г. и первую половину 1903 г.² В 1901 г. всех изданий было приблизительно около 100 (по данным из «Искры», около 80), в 1902 г.—около 140—175 (по данным из «Искры», около 140 с вероятным числом экземпляров 150.000) и за первую половину 1903 г. около 175—200 (по данным из «Искры», около 170, с вероятным числом экз. 350.000). Короче сказать, отношение в продуктивности русского типографского подполья с точки зрения числа изданий выразится в нижеследующих цифрах, если принять число изданий в 1901 г. за 100, и о второй половине 1903 г. судить по первой: в 1901 г.—100, в 1902—около 150 и в 1903 г. около 350—400. Число изданных экземпляров растет еще быстрее; так, напр., в 1902 г. в среднем одно издание расходилось в количестве 1.100 экз., а в 1903 г.—2.000 экз.

¹ Резолюции взяты из «Отчета съезда южных комитетов и организаций». Дело Д-та Пол. № 850, т. 1^й. Особ. Отд.

² Этот подсчет, сделанный на основании не всегда систематичных сведений в №№ «Искры», отнюдь не может претендовать на точность и имеет характер иллюстративный. Действительные цифры изданий, вероятно, больше приведенных.

Из всех этих изданий на южный район (на комитеты киевский, донской, одесский и др.,—не считая Кавказа) за весь рассматриваемый период приходится 57% всех изданий (в частности—в 1902 г.—69%). В одном только донском Комитете за 1902 г. было издано 46 прокламаций и листовок в количестве 60.000 экземпляров, причем на 3 недели ноябрьской стачки падает цифра в 26 прокламаций. За все же время существования Комитета до 1902 г. было всего на всего издано 19 прокламаций в количестве 10.000 экземпляров. Из этого видно в какой мере южный район выдвинулся в 1902—1903 г. вперед, как главный фокус революционного напряжения сил российской социал-демократии.

В частности, бросим беглый взгляд на два крупных центра социал-демократической работы в южном районе—Одессу и Киев.

В 1900—1901 г. Одесса была оплотом экономизма. Впрочем, долгое время в местном Комитете провалов не наблюдалось—отчасти потому, что политика «медленного шага и робкого зигзага» одесситов—социал-демократов не очень тревожила жандармов, а отчасти и благодаря удачной стратегии местных подпольщиков. Так, напр., нач. одесск. жанд. управления горько жалуется на то, что «главные распорядители сообщества установили, чтобы все сходки, совещания, а также посещения особенно важных для организации лиц делались не иначе, как от 3-х до 5 час утра», т. е. в часы уличного затишья, когда «наружное наблюдение будет тотчас же замечено»¹.

Деятельность Комитета была направлена, главным образом, на руководство организациями рабочих по отдельным цехам (переплетчиков, печатников, модисток, шляпниц и т. д.). Каждая организация имеет свою особую кассу. Цель такой профессиональной организации «способствовать объединению рабочих данного ремесла и помогать им в их борьбе за улучшение своего экономического положения» (§ 1 «Устава кассы»). «Членом кассы может быть каждый рабочий данного ремесла, безусловно честный, сознающий необходимость экономической борьбы и имеющий некоторое понятие об отношениях правительства к ней». (§ 5). Каждый кружок (члены кассы разделяются на кружки по 10 человек) «выбирает из своей среды двух распорядителей, сроком на 3 месяца, по истечении которых выбираются новые распорядители (§ 7). Все распорядители составляют правление кассы (§ 28). И т. д., и т. д.»².

Короче сказать, одесский «Устав кассы» представляет собою типичный план профессиональной организации, в роде того

¹ Дело Д-та Полиции, № 825, ч. 1. Особ. Отд., доклад дир. Д-та Пол. от 18/х 1901 г.

² Дело Д-та Полиции, № 825, ч. 1. Особ. Отд. Докл. дир. Д-та Пол. от 18/х 1901 г. Приложение к докладу: «Устав кассы».

петербургского, «Устава рабочей кассы», который служит предметом беспощадной критики в книге Ленина «Что делать?»

В конце 1901 г. Одесса привлекает внимание искровцев. Начинается обычная борьба за политическое влияние. Главные теоретические разногласия сосредоточиваются по вопросу о природе абсолютизма. В одном из своих конспиративных писем одесская корреспондентка «Искры» (кажется, Конкордия Ив. Захарова) пронизывает над комитетчиками: «меня обвиняют в народовольчестве, потому что я говорю, что с.-дем. должны идти не по пятам рабочих, а впереди». По поводу присоединения одесского Комитета к «Раб. Делу» корреспондентка реагирует на это веселым смехом: «ха-ха! Право, со смеху можно помереть. Они—и «Рабочее Дело»! Нет, голубчики, хоть «Рабочее Дело» и не знает, «что к чему», но все же, не в такой степени»¹.

Около этого же времени (в октябре 1901 г.) образовалась ставшая в оппозицию к Комитету т. наз. «Южная революционная группа социал-демократов». В выработанной этой группой декларации о выходе ее из Комитета указывается на ряд разногласий между членами группы и одесским Комитетом; эти разногласия сводятся, во-первых, как уже выше было указано, на разницу во взглядах по вопросу о русском царизме, во-вторых, на разную их ориентацию в рабочей массе: Комитет делает ставку на ремесленников, а группа—на фабрично-заводских рабочих; в-третьих, на расхождение тактических линий (экономическая борьба, как главная задача с.-дем. с точки зрения Комитета, и вовлечение рабочих в политическую борьбу, как ближайшая цель группы)².

Как уже выше было отмечено, на съезде южных комитетов в начале 1902 г. (в том числе и одесского) восторжествовала в общем и целом искровская линия (точка зрения «Южного Рабочего»). Весною же 1902 г. одесский Комитет в своем заявлении выражает полную солидарность со взглядом «Искры» и признает ее своим руководящим органом. (См. «Искру» № 38, «Из Партии»).

Что же касается Киева, то он был, пожалуй, самым значительным пунктом социал-демократической работы в южном районе. Не даром же встревоженная революционным движением охранка принимает в конце 1901 г. специальные меры к организации розыска на юге «силами филеров летучего отряда д-та полиции» и во главе этого розыска ставит пресловутого Меньшикова именно в Киеве, ибо «для южных революционных групп центром движения всегда служил и ныне служит гор. Киев»³.

¹ Там же, копия письма из Одессы от 31 окт. 1901 г.

² Там же, заявление «Ю. Р. Г. С.-Д.», от 31 октября 1901 г.

³ Отношение Дир. Д-та Пол. Зволнского к нач. Киевск. губ. жанд. упр. от 3 декабря 1901 г.

В Киеве, как и в других старых центрах с.-дем. работы, ко времени выступления «Искры» господствовало экономическое течение. Весной 1901 г. наряду с киевским Комитетом образуется новая группа «Рабочей Воли», по духу родственная «Искре». Эта группа «признала необходимым главное внимание обратить на развитие массового политического самосознания в рабочих, признала необходимым самую широкую политическую агитацию», становясь, таким образом, в оппозицию к киевскому Комитету, который, по заявлению группы, «обнаруживал склонность к «экономической» агитации в ущерб политике». Но, повидимому, это расхождение не было слишком серьезным. Просуществовав несколько месяцев и издав несколько «Листков Рабочей Воли» (на гектографе), группа «Раб. Воли» слылась с Комитетом, во главе которого стали искровцы (Бауман, Крохмаль и др.). В конце 1901 г., напр., киевский Комитет представляет по отношению к «Искре» «дружественную державу» и постановляет отчислять в ее пользу ежемесячно 25 рублей.

Правда, в конце 1901 г. возникла новая группа под старой фирмой: «Киевский Комитет Рабочего Знамени». Но эта группа, душой которой была энергичная и подвижная Августа Кузнецова (направленная в Киев «Искрою»), возникла не в силу принципиального расхождения с киевским Комитетом, а только потому, что ее деятели считали для себя стеснительными «бюрократические» рамки работы слишком уж конспиративного и далекого от масс Комитета. Темпераментная Кузнецова попробовала даже, окунувшись с головою в «живую» работу приютившей ее группы («Раб. Знамени»), обосновать обособленность своей новой позиции принципиальными соображениями: «Вы всех своих «агентов», — пишет она в своем интересном письме заграничным искровцам, — хотите посадить в ту заоблачную атмосферу, в которой нет возможности работать «ни руками, ни ногами», но с которой в то же время ничего не видно и ничего не слышно, так как в такое блаженное состояние ничегоневедения неизбежно попадает на Руси всякий, «свободный» от «кустарной» деятельности интеллигент»¹.

Впрочем, и сама Кузнецова предвидит, что «в будущем произойдет слияние обоих Комитетов, как это произошло с едешней «Рабочей Волей»². И это пророчество оказалось верным. «Комитет Раб. Знамени» скоро провалился без надежды на воскресение, а восстановленный киевский Комитет продолжал свою искровскую линию.

¹ Дело Д-та Пол. № 825, ч. 3, Особ. Отд. Копия письма А. Кузнецовой от 11 янв. 1902 г.

² Дело Д-та Пол. № 825, ч. 3, Ос. Отд. Копия письма А. Кузнецовой от 11 янв. 1902 г.

4. Деятельность Организационного Комитета.

Задуманный «союзниками» (представителями «Союза Русских социал-демократов» за границей) съезд в начале 1902 г. не встретил сочувственного отношения со стороны группы «Искра» как в виду несвоевременности его после недавних провалов, так и потому, что «Искра» предвидела его односторонний характер и считала необходимым отложить его до выхода книжки Ленина—«Что делать?» Вот, напр., что пишет искровская заграничная своему одесскому агенту в письме от 14 дек. 1901 г.: «А теперь пару слов о союзниках. Окажется, эти господа затеяли в самом ближайшем будущем устроить съезд из представителей главных комитетов и заграничных организаций. Нам, очевидно, хотят сообщить в последнюю минуту. Мы предлагаем нашим держаться такой тактики: требовать, чтобы съезд был отложен, по крайней мере, до весны. К новому году выйдет брошюра «Искры», в которой в связи с организационными вопросами будут рассмотрены причины разногласий¹. Созывать съезд до появления этой брошюры—значит желать решать дело, не выслушав обе стороны»².

Как известно, идея «съезда» была осуществлена петербургским Комитетом по инициативе «Союза» и «Бунда» в конце марта 1902 г., но съехавшиеся в Белостоке участники не сочли возможным конституироваться, как «съезд», и объявили себя «конференцией»; на конференции присутствовал только один искровец—Ф. И. Гурвич (Дан), которому дана была инструкция—ограничить задачи конференции выпуском общепартийного первомайского воззвания и принять меры для созыва действительного съезда. На съезде присутствовали представители: Заграничного Ком. «Бунда», Центрального К-та «Бунда», Заграничного Союза, Южного Союза, екатериносл. Комитета, петерб. Ком-та и «Искры». Конференция не пришла ни к каким положительным решениям и постановила лишь выбрать Организационный Комитет по созыву II съезда из представителей от участвовавших организаций. Но участники конференции—все, кроме петербургского делегата Краснухи,—вскоре же после конференции были арестованы, и избранный «О. К.» распался.

Таким образом, «Искра» получила волею судеб некоторый мораториум для укрепления своей позиции. Мы уже видели выше, как быстро росло ее влияние и как уже осенью 1902 г. большинство наиболее влиятельных российских Комитетов признали ее идейный приоритет и выразили готовность считать «Искру» руководящим органом партии.

¹ На самом деле брошюра—«Что делать?» вышла во 2-й половине марта 1902 г.

² Дело Д-та Пол. № 825, ч. 2, Особ. Отд.

2—3 ноября 1902 г. состоялась в Пскове новая конференция для образования «О. К.» (Организ. Ком-та по созыву парт. съезда). На конференции были представители от петербургского Комитета (Краснуха), от «Искры» (Ив. Ив. Радченко) и от «Южного Рабочего» (Левин). Приглашенный представитель от «Бунда» почему-то не явился. Это обстоятельство, с одной стороны, облегчило задачу конферентов, так как бундист, несомненно, представлял бы резкую оппозицию трем остальным, вообще говоря, спевшимся между собою участникам, а с другой стороны, дало повод впоследствии к энергичным протестам со стороны «Бунда» против решений конференции, которая, по его мнению, узурпировала свои права, выбрав «О. К.» без участия «Бунда».

Тут же на конференции избранная в «О. К.» первоначальная тройка (Краснуха, Левин и Радченко) кооптировала ряд новых членов в «О. К.», а именно: Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника, П. А. Красикова, П. Лепешинского и А. М. Стопани. Впрочем, через два дня (4-го ноября) жандармерия сузила этот состав, арестовав Радченко, Краснуху и Лепешинского¹. Но «О. К.» продолжал действовать.

В январском номере «Искры» (№ 32) появляется «Извещение об образовании «Организационного Комитета». Приветствуя этот манифест, «Искра» особенно подчеркивает, что «О. К.», «не претендуя ни на какие обязательные отношения ко всей массе русских социал-демократов, ограничивается тем, что предлагает свои услуги всем им». Группировка с.-д. около «О. К.» должна была иметь добровольный, а не принудительный характер.

Скоро на призыв «О. К.» получается отклик многих с.-д., сочувствующих делу объединения партии. В открытом письме «Орг. К-ту», помещенном в № 33 «Искры»—за подписью «Бывшие члены центр. группы петербургского Союза Борьбы и сотрудники прежней «Рабочей Мысли»,—авторы горячо приветствуют «О. К.» В конце февраля 1902 г. «О. К.» смог уже с гордостью объявить: 1) что представитель «Бунда» вошел в его состав; 2) что, кроме организаций, принявших участие в его образовании (Орг. «Искры», «Бунд», петербургский Комитет и группа «Южного Рабочего»), его исключительную инициативу по созыву съезда признали к 1 февраля след. комитеты: московский, киевский, харьковский, екатеринославский, донской, Сев. Союз, одесский, николаевский.

Вторую же часть его задачи (выполнение временно—до образования Центрального Комитета—общепартийных функций) признали все упомянутые организации, за исключением одесского и николаевского Комитетов.

Вскоре к «Искре» и к «О. К.» примыкает ряд новых коми-

¹ Некоторые подробности о конференции в Пскове можно найти в книге Лепешинского «На повороте» (стр. 130—132).

тетов: казанский, уфимский и др. Короче сказать—идея объединения партии под знаменем искровства уже к весне 1903 г. торжествует на всем партийном фронте.

Впрочем, как исключения, на ясном горизонте появляются иногда зловещие точки. Так, напр., долгое время никак не желает успокоиться «Бунд», считая себя жертвой хитрой дипломатии «Искры», успевшей и «О. К.» образовать без представителя «Бунда», введя этого представителя лишь *post factum*, т. е. после безболезненного конституирования «О. К.», и натравить общественное мнение партии против идей самостоятельного существования «Бунда» в партии, с которой ему угодно быть связанным лишь тонкими нитями неестественной для него федерации. Возникшая между «Бундом» и «Искрой» неприятная полемика по поводу «О. К.» лишь отчасти получила свое временное разрешение в заявлении «О. К.» от 13 марта 1903 г. «В последнее время—заявляет «О. К.»—между Ц. К. «Бунда», загранич. Комитетом «Бунда» и «Искрой» по поводу образования «О. К.» возникла полемика, которая может бросить тень на взаимные отношения «О. К.» и Бунда. Ввиду этого «О. К.» в совещании своем, в котором принимали участие представители всех образовавших его организаций («Искры», «Бунда», «Южн. Рабочего» и петерб. Комитета), обсуждал этот печальный инцидент и решил довести до сведения всех организаций Р. С.-Д. Р. П., что весь этот инцидент является плодом недоразумения. Ни со стороны «О. К.» не было намерения отстранить «Бунд» от участия в нем, ни со стороны «Бунда» не было желания мешать деятельности Орг. Ком.».

Еще пикантнее «анекдот» с воронежским Комитетом, политику которого делала в то время Лидия Махновец (на съезде Брукер, представлявшая петербургскую раб. организацию и занимавшая самую правую оппортунистическую позицию). Этот воронежский Комитет выпустил воззвание с протестом против «Извещения» «О. К.», считая, что «О. К.»—плод интриги «Искры». Чего-чего только там нет—в этом протесте—и по адресу «Искры» («Искра» — опричник с.-д., полемика ее—плетка и т. д.), и по адресу группы «Южного рабочего», которая якобы изменила своему первоначальному знамени признав «Искру», вопреки мнению какого то «главного работника» редакции «Ю. Р.», литературного участника в первых №№ этой газеты, и по адресу «О. К.», который, по мнению воронеж. Комитета «оставлен тенденциозно, по кумовству и т. д. и т. д. Ответ «О. К.» на выходку воронеж. Комитета полон достоинства. Мы приведем здесь лишь первый абзац этого «Ответа», характеризующий прочность позиции «О. К.» с одной стороны и грустное одиночество воронежского Комитета—с другой.

В своем извещении «О. К.» писал: «отношение комитетов и организаций к «О. К.» покажет, насколько правильно он посыл потребности момента». И «О. К.» в этом отношении

может считать себя вполне удовлетворенным. При поддержке организации «Искры», «Бунда», группы «Южного Рабочего», с.-петербургского Комитета, при признании его Комитетами московским, киевским, харьковским, екатеринославским, донским, северным Союзом, одеским и николаевским, он может смело взяться за выполнение поставленной им себе задачи в полной уверенности, что он доведет ее до желанного конца. «О. К.», конечно, не скрывал от себя и тех препятствий, которые ему придется встретить на пути в виде всевозможных заподозриваний в тайных замыслах, в виде инсинуации и клеветы, но твердая уверенность в настоятельности поставленной себе задачи позволяла надеяться, что в большей своей части товарищи, работающие над великим делом освобождения пролетариата, придут ему на помощь, забыв всякие счеты, если таковые имеются. И надежда эта нас не обманула. По крайней мере, до сих пор перед нами один только факт, который может быть причислен к указанным выше препятствиям; мы имеем в виду листок воронежского Комитета».

Итак, одинокий истерический выкрик воронежского Комитета отнюдь не нарушал общей картины подготовленности партии к съезду. Почти три года работы «Искры» над внедрением во все уголки партии идей революционной социал-демократии, три года борьбы с оппортунизмом, шатанием мысли в партийных кругах, с кустарничеством, с организационной разрухой, три года упорного, бьющего в одну точку, организационного строительства партии с помощью кадра преданных делу подпольщиков,—словом, три года идейной и практической работы «Искры» стали, наконец, приносить свои плоды. Еще диалектические противоречия в развитии партии не были изжиты, еще впереди партию ожидало много испытаний и прежде всего на самом съезде, где само «искровство» в лице своей редакционной шестерки окажется далеко не однородным, не монолитным куском гранита, но огромный этап «от кружковщины к партии» был уже пройден. Скоро партия и с формальной стороны и по существу будет представлять из себя не «комитетскую пыль», не кучку самостоятельно шевелящихся сегментов, а органическое целое, хотя и с наметившимися двумя центрами ее будущего развития. Протоколы 2-го съезда живо расскажут нам, как все это произошло. Отсылая теперь нашего читателя к этим протоколам, мы не можем не пожалеть, что разросшиеся размеры настоящего очерка не позволяют нам коснуться ряда других сторон, характеризующих деятельность «Искры» и «Зари», как выразителей глубоко продуманных философских основ марксизма, а также—как творцов цельной, законченной партийной программы. Но мы отчасти заполним этот пробел в соответствующих примечаниях к «Протоколам».

П. Лепешинский

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
1.	
От кружковщины к партии (Период старой «Искры») ст. П. Лепешинского.	
Предварительное замечание.	5
I. Экономическое положение России в начале XX в.	6
II. Искровские «фронты».	8
1. Борьба с самодержавием.	—
2. Борьба к революционным авантюризмом . . .	19
III. На фронтах внутрипартийной борьбы. . . .	28
IV. «Искра» в роли передового борца за демо- кратию.	44
V. Рабочее движение и революционный под'ем пролетариата (1900—1903 г.г.).	66
1. Общие условия труда в России в начале XX в.	—
2. Безработица и революционный под'ем рабо- чего класса	86
VI. Организационное строительство «Искры» . .	103
1. Организационные принципы «Искры» . . .	—
2. Заграничные организации русских социал- демократов	107
3. Рост с.-д. организации в России	113
4. Деятельность Организационного Комитета.	127
II	
Протоколы второго с'езда партии.	
Программа Российской соц.-дем. партии, принятая на втором с'езде партии.	1
Организационный устав Российской соц.-дем. рабочей партии, принятый на втором с'езде партии	7
Порядок дня с'езда.	9
Регламент с'езда	10

Бюро и комиссии съезда	10
Главнейшие резолюции, принятые на втором съезде Российской соц.-дем. рабочей партии.	11
О месте Бунда в партии.	—
О центральном органе партии	—
О районных организациях	12
О местных организациях	—
О работе среди сектантов	—
О показаниях на следствии	—
Об отношении к либералам (Старовера)	—
Об отношении к либералам (Плеханова).	13
О социалистах-революционерах	—
О демонстрациях.	14
О профессиональной борьбе.	15
Об антиеврейских погромах.	—
О фабричных старостах.	16
О постановке пропаганды	—
Об отношении к учащейся молодежи	—
Об Амстердамском конгрессе	17
О партийной литературе	—
Заседание первое	18
» второе	29
» третье	38
» четвертое	51
» пятое.	60
» шестое	74
» седьмое	90
» восьмое.	96
» девятое.	112
» десятое.	124
» одиннадцатое.	137
» двенадцатое.	140
» тринадцатое.	—
» четырнадцатое	141
» пятнадцатое.	147
» шестнадцатое	154
» семнадцатое.	161
» восемнадцатое.	166
» девятнадцатое.	174
» двадцатое.	192
» двадцать первое	203
» второе	218
» третье	226
» четвертое	237
» пятое	242
» шестое.	251
» седьмое	258
» восьмое	269
» девятое	281

	Стр.
Заседание тридцатое.	288
» тридцать первое.	304
» » второе.	313
» » третье.	317
» » четвертое.	318
» » пятое.	321
» » шестое.	324
» » седьмое.	328
Приложение первое.	340
» второе.	346
» третье.	—
» четвертое.	—
» пятое.	347
» шестое.	349
Объяснительная записка к проекту устава II съезда Р. С.-Д. Р. П.	351
Приложение седьмое.	356
» восьмое.	357
» девятое.	—
» десятое.	360
» одиннадцатое.	363
Члены съезда и лица с совещательным голосом.	365
От комиссии.	367

III.

Примечания к Протоколам второго съезда.	371
---	-----

IV.

После съезда (1903—1904 г.г.), ст. П. Лепешинского.

I. Реванш меньшевистской оппозиции на съезде Лиги.	391
II. «Меньшинство» овладевает вторым фортком.	395
III. Новое торжество в лагере меньшевиков.	399
IV. Усердные поиски «меньшинством» принципиальных разногласий.	409
V. Наиболее честная разновидность новоискровского «нигилизма».	414